

EQUILIBRIUM

ZESZYTY NAUKOWE WSE

rocznik 2018

numer 2(3)

ISSN 2545-1995

EQUILIBRIUM

ZESZYTY NAUKOWE WSE

rocznik 2018

numer 2(3)

RADA NAUKOWA

Prof. dr hab. Leanid Dawydenko
Doc. Dr Wołodymyr Demczenko
Prof. dr hab. Władimir Fatiejew
Dr hab. Roman Fedan
Prof. dr hab. Karol Karski
Prof. dr hab. Wasyl Krawciw
Prof. dr hab. Zbigniew Makieta
Prof. dr hab. inż. Zbigniew Malara
Prof. dr hab. Olga Melnik
Prof. dr inż. Hyllysh Omarom
Prof. dr hab. Bazyli Poskrobko
Dr hab. Krzysztof Rejman
Prof. dr hab. Irina Storonianańska
Dr hab. Wojciech Piontek
Doc. dr Erika Zuperkiene
Doc. dr Oleksandr Maslak
Prof. Oleg Kuźmin

LISTA RECENZENTÓW W 2018 ROKU

Dr Munir Al-Kaber
Doc. dr Aleksander Bietousow
Dr Agnieszka Ciechelska
Prof. dr hab. Leonid Dawydenko
Dr Anna Dyhdalewicz
Prof. dr hab. Władimir Fatiejew
Prof. dr hab. Jurij Kriworotko
Dr Katarzyna Kucab-Bąk
Dr hab. Aleksander Maksimczuk
Dr Teresa Mikulska
Dr Ewa Piekarska
Dr hab. Wojciech Piontek
Prof. dr hab. Bazyli Poskrobko
Dr inż. Tomasz Poskrobko
Dr Bogumita Powichrowska
Dr Maciej Romanowski
Dr hab. Barbara Roszkowska-Mądra
Dr Edyta Sidorczuk-Pietraszko
Prof. dr. hab. W. Worobjow
T. Gorbonics

KOMITET REDAKCYJNY

Redaktor naczelny:
dr Andrzej Dzun

Sekretarz redakcji:
dr Dorota A. Hataburda

REDAKTOR NAUKOWY ZESZYTU
dr Andrzej Dzun

ADRES REDAKCJI
Wyższa Szkoła Ekonomiczna w Białymstoku
ul. Zwycięstwa 14/3
15-703 Białystok

e-mail: redakcja@wse.edu.pl
www.wse.edu.pl

KOREKTA

Urszula Glińska
Aneta Szekalska
Andrzej Rubaszewski

PROJEKT | SKŁAD

Agencja Wydawnicza Ekopress
601 311 838

WYDAWCA

Wydawnictwo Wyższej Szkoły Ekonomicznej
ul. Zwycięstwa 14/1, 15-732 Białystok
tel. 85 652 00 24

COPYRIGHT © BY

Wyższa Szkoła Ekonomiczna w Białymstoku

Białystok 2018

EQUILIBRIUM 2018 | nr 2(3)

- 5** **Nikołaj Bieliacki, Aleksander Maksimczuk, Dimitrij Pankow**
Общие замечания об эволюции значения конкурентноспособности в современной польской и мировой экономической литературе
- 15** **Aleksandr Biełousow, Michaił Furs**
Развитие транспортного комплекса республики Беларусь как фактор повышения транзитного потенциала стран Черноморско-Балтийского Региона
- 29** **Łarisa Dankowa**
Правовая природа судебного прецедента как дополнительного источника права в современной правовой системе Республики Беларусь: теория и практика
- 39** **Leonid Dawydenko, Jelena Dawydenko, Jan Matiuszewski**
Институциональные принципы развития предпринимательства в Республике Беларусь и Польше
- 54** **Leonid Dawydenko**
Институциональные инструменты трансграничного сотрудничества в программах восточного партнёрства
- 67** **Tatiana Filipczik**
Современные проблемы и направления совершенствования законодательства в Республике Беларусь
- 80** **Gienadij Hackiewicz, Andrej Proniewicz**
Двухфакторные производственные функции с постоянной эластичностью производства
- 93** **Jurij Kriworotko**
Participatory budgeting in Belarus: checking of possibilities for decentralised cooperation
-

- 105** Aleksander Maksimczuk, Dymitrij Pankow, Siergiej Samal
Исследования некоторых условий повышения инновационности экономики Польши
- 115** Marta Maksimczuk
Prawno-administracyjne uregulowania handlu zagranicznego Białorusi – wybrane aspekty i próba oceny wpływu
- 133** Marta Maksimczuk
Białoruskie uregulowania celne a możliwości rozwoju polsko-białoruskiej wymiany handlowej po 2004 roku
- 148** Siergiej Samal, Nadieżda Daszkiewicz
The importance of logistics for small and medium businesses
- 160** Dina Skiutte
Международные стандарты политических прав женщин
- 176** Paweł Tadejko
Wykorzystanie Systemów IT opartych na narzędziach Sztucznej Inteligencji w Zarządzaniu Wiedzą w realiach działania Kłastrów Przemysłowych

Николай **Беляцкий**
Александр **Максимчук**
Дымитрий **Панков**

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЗНАЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ И МИРВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

GENERAL REMARKS ON THE EVOLUTION OF THE VALUE
OF COMPETITIVENESS IN MODERN POLISH AND WORLD
ECONOMIC LITERATURE

АННОТАЦИЯ

Возможности повышения конкурентоспособности и конкурентной позиции страны – это самые важные проблемы в развитии современной рыночной экономики. В связи с этим они находят свое отражение в мировой и отечественной литературе и требуют хотя бы общих исследовательских замечаний об эволюции значения конкурентоспособности в современной польской и мировой экономической литературе. Связанные с тем проблемы и вопросы в общем поднимает эта статья.

ABSTRACT

Opportunities to improve the competitiveness and competitive position of the country are the most important problems in the development of the modern market economy. Therefore, they are reflected in the world and national literature and require at least general research on the evolution of the importance of competitiveness in modern Polish and world economic literature. Related problems and questions are generally raised by this article.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конкурентоспособность, эволюция, мировая экономическая литература, основные экономические категории, отдельная дисциплина науки

KEYWORDS

Competitiveness, evolution, world economic literature, main economic categories, separate discipline of science

ВВЕДЕНИЕ

Конкурентоспособность засчитывается к основным экономическим категориям. Она анализируется также с точки зрения экономической теории. Возможно уже даже с видимыми признаками трансформации в ее отдельную дисциплину. В условиях существования многочисленных определений конкурентоспособности в зарубежной литературе невозможно определить весь спектр функционирования. Постепенно это переносится также в польскую литературу.

Указанные условия требуют хотя бы общих исследовательских замечаний о: эволюции значения конкурентоспособности в современной польской и мировой экономической литературе. Связанные с тем проблемы и вопросы поднимает эта статья. Их важность возникает из многих причин. Возможности повышения конкурентоспособности и конкурентной позиции страны – это самые важные пролемы в развитии современной рыночной экономики. В связи с тем они находят тоже свое отнесение в мировой и отечественной литературе. А это уже необходимо требует (хотя бы общих) исследовательских замечаний об эволюции значения конкурентоспособности в современной польской и мировой экономической литературе.

1 ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПОНЯТИИ И ЗНАЧЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И КОНКУРЕНТНОЙ ПОЗИЦИИ СТРАНЫ

„Конкуренция” происходит от латинского высказывания *concurrere*. Оно там означает «бежать вместе» (Maksimczuk 2013, с. 183). Но уже основной смысл этого понятия абсолютно другой. Принципиально он сводится к соревнованию между соперниками. И в этом значении явление конкуренции очень старое. Проявляется оно во многих сферах общественной, хозяйственной, политической, культурной, или спортивной жизни (Błaszczuński 1995). В экономике с ним можно встретиться по отношению к предприятиям, регионам или целым хозяйственным структурам. Имеем дело с разнообразной трактовкой конкурентоспособности. Не существует одно общепризнанное определение конкурентоспособности, которое в зависимости от уровня анализа, определяло бы ее с помощью, так называемых, критериев конкурентоспособности (Максимчук 2016, с. 85-86).

Невозможность унификации этого определения, как утверждает N. Daszkiewicz, главным образом возникает: «из-за попыток ее извлечь из трех экономических теорий, а также рассмотрения явления конкурентоспособности на шести уровнях иерархии хозяйственных систем» (Daszkiewicz 2008, Łązniewska, с. 51).

Существует множество ее определений и способов понимания. Ее можно рассматривать на двух уровнях: микро и макро. Уровень микро – это позиция фирмы на внутреннем рынке. В свою очередь, уровень макро – это уже позиция страны

в мировой экономике. Тем не менее, существует общее мнение. Оно утверждает, что конкурентоспособность должна быть признана как явление оценивающее и относительное (Максимчук 2016, с. 85-86). Это также четко определяющее поле конкурентоспособной борьбы. Конкурентоспособность воспринимается также, как способность противодействовать конкуренции либо как умение конкурировать, существовать и функционировать в конкурентоспособном окружении.

В макроэкономическом понятии она первоначально определялась, основываясь лишь на результат участия данной страны в международном обмене. Отсюда ее определяют как: «Способность справляться с международной конкуренцией и удерживать высокий уровень государственного спроса без ухудшения баланса текущих оборотов, а на международном рынке она выражается акцептацией изделий данной страны и увеличением ее участия на экспортных рынках» (Olczyk 2001, с. 37).

Способом восприятия конкурентоспособности может быть ее разделение с точки зрения на результаты и на факторы. Первый представляет собой изучение сильных и слабых сторон компании. На второй приходится способность к долгосрочному преимуществу по сравнению с другими предприятиями. Еще иной трактовкой является статическая и динамическая конкурентоспособность. Здесь речь идет о рассмотрении конкурентоспособного преимущества в краткосрочной и долгосрочной перспективе (Noga и другие 2008, с. 11).

В самых простых определениях конкурентоспособность отождествляется с положительным сальдо торгового. В некоторых случаях также с положительным сальдо счета текущих операций платежного баланса (Żabiński 2000, с. 32). Эти определения решают тоже о способе ее измерения. Большинство из них более сложные, в зависимости от экономических теорий, в которых они размещены (Максимчук 2015, с. 304). Согласно общепринятому определению ОЭСР конкурентоспособность экономики это: «способность преодоления международной конкуренции, следовательно, реализации экспорта и удержания высокого уровня и темпа роста внутреннего спроса, без ухудшения сальдо счета текущих операций» (Skawińska и другие 2010, с. 97). В конечном итоге, это определение аналогично принятому в Соединенных Штатах Президентской Комиссией по делам Промышленной Конкурентоспособности (Maksimczuk 2013, с. 184). Она предложила вместе с тем комплект измерителей, которые служат для оценки конкурентоспособности. К ним относятся: темп экономического роста, стабильность цен, трудоустройство, эффективность ведения хозяйства, сальдо товарооборотов, а также сальдо счета текущих операций платежного баланса. Следовательно, это классический комплект показателей, которые служат оценке состояния экономики (Lubiński и другие 1995, с. 8).

2 ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДА К КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И КОНКУРЕНТНОЙ ПОЗИЦИИ СТРАНЫ

В развитии подхода к конкурентоспособности появилась и исполнила большую роль теория Michaela Portera. В научной публикации «*The Competitive Advantage of Nations*» он представил новую модель конкурентоспособности, называемую «моделью ромба». (Olczyk 2008, с. 31). Она охватывает четыре группы взаимозависимых факторов, предопределяющих (на микроэкономическом уровне) создание конкурентоспособного преимущества государства. Факторами, определяющими конкурентоспособное национальное преимущество, по мнению М. Portera, являются: связанные и поддерживающие друг друга отрасли, условия спроса, условия факторов производства, а также структура, стратегия и соперничество фирм. Факторы ромба взаимно укрепляются. Следствием системной сути модели является появление среды, способствующей созданию групп конкурентоспособных отраслей. Кластеры – это географические скопления взаимосвязанных фирм, специализированных поставщиков, предприятий, оказывающих услуги, а также других организаций, напр. конкурирующих между собой университетов, но и также сотрудничающих. Кластеры обеспечивают много выгод. Важнейшее из них это: облегчение достижения увеличения эффективности, а также инновационности (Marciniak 2010, с. 123).

В литературе можно найти три группы кластеров:

- связи между поставщиками и получателями, а также специализированный рынок труда, который приносит финансовые выгоды,
- распространение знаний,
- возможность уменьшения фактора неуверенности в BIZ, в результате общественных и институциональных выгод.

М. Porter в своей публикации говорит, что конкурентоспособность является результатом эффективности. Фирмы, локализованные в данном пространстве, могут с её помощью использовать инвестиции в хозяйственной деятельности. Конкурентоспособность государства, в свою очередь, зависит от способности промышленности внедрять инновации, а также поднятия своего уровня (Maksimczuk 2013, с. 184-185). Фирмы достигают конкурентоспособного преимущества на международных рынках благодаря инновациям. То есть благодаря новым технологиям, а также способам поведения. Удержание этого преимущества часто связано с внедрением в производство современных и усложненных изделий (Marciniak 2010, с.122-123).

Эти исследования привели к формулировке следующих трех тезисов: (Olczyk 2008, с. 30-42).

1. Инновации создают конкурентоспособное преимущество отдельных отраслей в экономике. Инновации понимаются, как современные технологии, так и новые рыночные действия. Инновация должна быть трудной для повторения,

- а ее модернизация должна обеспечивать долговременное конкурентоспособное преимущество.
2. Государственная производительность является единственным соответствующим измерителем конкурентоспособности. Улучшение конкурентоспособности связано с улучшением стандарта жизни, который, в свою очередь, предопределен ростом производительности используемых факторов производства. Условием роста производительности является поднятие уровня инновационности предприятий в избранных отраслях промышленности.
 3. Существует четыре группы факторов, обуславливающих рост уровня конкурентоспособности экономики: (Максимчук 2015, с. 306)
 - государственный спрос,
 - высокое качество факторов производства,
 - существование кластеров в экономике,
 - применение соответствующей модели управления и организации на предприятиях;

М. Porter принял тоже во внимание характер и структуру государственного спроса. Действие факторов спроса, по его мнению, было очень существенно в отраслях промышленности. Особенно в участвующих в государственном, а не международном рынке. Факторы производства, согласно ему, должны были быть специализированы, как напр. квалифицированная рабочая сила. Как кластеры, в свою очередь, он понимал отрасли промышленности неформально связанные между собой, конкурирующие в международном масштабе и в то же время, поддерживающие друг друга. Последнюю из групп факторов представляла смесь модели организации, управления, а также стратегии. Кроме того, были выделены четыре фазы экономического развития (Maksimczuk 2013, с. 186):

1. первая фаза: экономика, основанная на основных факторах производства. В этой фазе за исключительную основу конкурентоспособности экономики принимается количество и доступность факторов производства, а сама же конкурентоспособность имеет ценовой характер. Число конкурентоспособных стран, секторов и отраслей ограничено и конкурентоспособные продукты всегда дешевле и менее технологичны.
2. вторая фаза: экономика, которая подгоняется инвестициями. Основой конкурентоспособности экономики в этой фазе является способность предприятий инвестировать, особенно в современные и модернизированные технологии, их усовершенствование, а также внедрение. Следовательно, конкурентоспособное преимущество основывается на создании данной страной более развитых факторов производства.
3. третья фаза: экономика, которая подгоняется инновациями. В этой фазе необыкновенно существенна способность страны к производству собственных современных технологий. Такая способность является эффектом сильного влияния четырех переменных моделей Portera. В этой фазе страна способна конкурировать на мировом рынке в различных отраслях. Товары конкурентоспособны, как с точки зрения цены, так и качества, а благодаря процессам

модернизации возникают все более технологически развитые продукты. В экономике, которая подгоняется инновациями, вырастает также количество специализированных услуг таких, как: технические, консультационные, маркетинговые. Целью государства является заинтересовать предпринимателей, а также содействовать новым формам ведения бизнеса.

4. четвертая фаза: экономика, основанная на богатстве. Это фаза, в которой конкурентоспособность экономики страны уменьшается. Поддержанием экономики становится накопленное ранее богатство, а это влечет за собой уменьшение склонности предприятий к инвестированию и риску, а также увеличению зависимости предприятий от политики правительства. Потеря конкурентоспособной позиции в производстве товаров влечет за собой развитие услуг, а также увеличение доли их участия в ВВП.

Модель ромба, которую создал Porter, в дальнейшем подлежала постепенному усовершенствованию. Изначально модель была дополнена John Dunning, который добавил к ней несколько новых элементов. Это были: непосредственные зарубежные инвестиции (BIZ) и политика правительства. Потом модель была расширена Dong-Sung Hoo и Hwu-Chang Moona. Они уже создали модель из девяти факторов конкурентоспособности. Там был отмечен тоже человеческий фактор: (Olczyk 2008, с. 35)

- работники (уровень заработных плат, образование, этика, мотивация),
- политики и чиновники,
- предприниматели,
- менеджеры, инженеры.

Выявили также переменное значение отдельных факторов в зависимости от развитости экономики данной страны. Цикл жизни международной конкурентоспособности указывал, какой (из девяти факторов) играет наибольшую роль в улучшении конкурентоспособности при определенном уровне экономического развития (Максимчук 2015, с. 307-308). Для малоразвитых стран необыкновенно важно иметь физические факторы, а также человеческие (работники). В развивающихся странах большую роль играет окружение бизнеса, а также политики и чиновники. В среднеразвитых странах влияние на конкурентоспособность экономики имеют предприниматели, а в высокоразвитых научные менеджеры и инженеры, а также государственный спрос.

Стоит также отметить и тот факт, что помимо уже перечисленных, возник ряд определений, учитывающих конкурентоспособность в макромасштабе, которые можно сгруппировать следующим образом (Maksimczuk 2013, с. 187):

- 1) Способность производить товары и услуги, которые востребованы на международном рынке, а граждане достигают растущего и улучшенного стандарта жизни (L. Tysson), а также определение, что: в условиях свободной торговли и честной конкуренции, способность страны производить товары и услуги, которые выигрывают в конкурентной борьбе на международном рынке, при одновременном росте реальных доходов населения в течение длительного периода (Olczyk 2008, с. 18).

- 2) Увеличение производительности труда в долгосрочной перспективе, а в результате рост уровня жизни, который проявляется в увеличении занятости или поддержания занятости на хорошем уровне (Aiginger 1998, с.28);
- 3) Способность хозяйственных национальных учреждений (которые создают условия для работы хозяйственных субъектов и хозяйственной государственной структуры) генерировать рост в условиях изменения мировой хозяйственной структуры (Мировой Экономический Форум) – способность страны создавать ценности, а тем самым приумножать богатства с помощью управления имеющимися ресурсами и процессами, привлекательностью и агрессивностью, глобальностью и близостью, а также превращением вышеупомянутых связей в экономическую и общественную модель. Страна является конкурентоспособной тогда, когда производит пропорционально больше товаров и услуг, чем конкуренты на мировом рынке (World Competitiveness Yearbook 2000) (Olczyk 2008, с. 20);
- 4) Конкурентоспособные государства (...) имеют основания для быстрого и многолетнего экономического роста, с учетом уровня национального дохода в пункте старта (Rodło 2003, с. 14).

Конкурентоспособность на макроэкономическом уровне может сравниваться со способностью страны конкурировать, то есть со способностью к долгосрочному экономическому развитию. Результатом этого является разработка экономической структуры и экспорта, соответствующих изменениям в структуре мировой экономики и в структуре международной торговли. Так представленная конкурентоспособность сильно коррелирует с конкурентоспособностью предприятий (конкурентоспособность на уровне микро). С одной стороны, конкурентоспособные процессы, которые происходят на предприятиях, влияют на улучшение способности экономики конкурировать. С другой же стороны, высокая конкурентоспособность экономики обеспечивает предприятиям выгодные условия для улучшения их конкурентоспособности (Gogunia и другие 2009, с. 70). Конкурентоспособность является способностью предприятий получать большую добавочную стоимость в пересчете на средние международные цены, чем от отработанных в процессе производства государственных ресурсов факторов производства. О росте международной конкурентоспособности экономики свидетельствует увеличение количества конкурентоспособных отраслей промышленности и уменьшение неконкурентоспособных отраслей (Olczyk 2008, с. 19-20). Дополнением вышеупомянутых определений может быть определение, так называемой, системной конкурентоспособности, которую предложили немецкие экономисты: K. Esser, W. Hillebrandt, D. Messner и J. Meyer-Stamer. Под системной конкурентоспособностью они понимают явление, возникающее в условиях давления конкуренции (представляющей непрерывный вызов для улучшения эффективности производства и продукта), а также интеграции предприятий (в призванных для этого группах сотрудничества, поддерживающих усилия индивидуальных хозяйственных субъектов) (Esser и другие 1999, с. 62). Государство остается активным как в условиях давления конкуренции, так и в сотрудничестве предприятий.

Экономически конкурентоспособные государства, имеют структуру метауровня, побуждающие его к конкурентоспособности, а также сформированный мезоуровень. Благодаря этим элементам государством формулируется поддерживающая политика, а также фирмы на уровне микро, направленные на эффективность, гибкость и удержание качества. Неотъемлемым явлением структурных изменений, в макроэкономическом масштабе, являются действия на предприятиях, имеющее целью увеличение производительности посредством внедрения технических инноваций. Следовательно, инновации становятся основным фактором экономического развития.

Согласно определению М. Strużyckiego, конкурентоспособность это: „явление, характеризующее определенные виды взаимоотношений между субъектами, которые этим явлением были охвачены. Эти взаимоотношения заключаются в конкурировании. Чтобы эффективно, конкурировать, невзирая на препятствия, создаваемые конкурентами и, достигать своих целей, нужно быть конкурентоспособным” (Strużycki 1998, с. 173). Следует согласиться с мнением, что конкурентоспособность экономики не должна совпадать с конкурентоспособностью ее хозяйственных субъектов, измеряемой эффективностью ведения бизнеса. Это зависит от условий макроокружения, созданных государством, т.е. учреждениями, правом, политикой конкуренции, а также от уровня конкурентоспособности предприятий. Оценка конкурентоспособности страны требует сравнения с другими государствами, т.е. имеет международный характер (Stankiewicz 2002, с. 36). Поскольку конкурентоспособность происходит от конкуренции, как основного экономического механизма рыночной экономики и является ее элементом, то ей может быть также способность субъекта к конкурированию (Przybyciński 1997, с. 10). В другом понимании, это означает возможность создания устойчивого и высокого уровня ВВП и увеличения занятости. Что в результате ведет к улучшению уровня жизни граждан. Масштаб понимания конкурентоспособности очень широк. Это возникает, как утверждает Borowski J. „из-за большой интеллектуальной глубины этого понятия” (Borowski 2008, с. 45). Однако, согласно М. Е. Portera, можно его ограничить до оценки производительности. Поэтому в анализе следует обратить внимание на определение условий и факторов этой итоговой категории (Skawińska и другие 2010, с. 98). Относительно международной конкурентоспособности в литературе различается два понятия: международную способность конкурировать (факторная модель конкурентоспособности), а также конкурентную позицию (итоговая конкурентоспособность). Согласно J. Bossaku, конкурентоспособная экономика это та, которая: „с одной стороны – приспособливает свои общественно-экономические цели и механизм функционирования не только к внутренним условиям, но и к международным условиям. С другой – экономика, которая способна предпринять эффективные действия, не только творчески используя происходящие изменения в структуре мировой экономики для собственного развития, но и которые будут влиять на изменения условий конкурирования, обеспечивая увеличение выгоды от участия в международном разделении труда” (Bossak 1984, с. 52). Более узким понятием является понятие международной конку-

рентной позиции. Главным образом оно относится к участию экономики данного государства в международном экономическом обмене, т.е. в международном обмене товарами и услугами, а также производственными факторами (рабочей силой, капиталом и техническими знаниями) (Bieńkowski 1993, с. 10).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представлены в этой статье замечания утверждают, что: конкурентоспособность, несомненно, засчитывается к основным экономическим категориям. Она анализируется также с точки зрения экономической теории. По мнению многих исследователей этих проблем, возможно, уже даже её эволюция происходит с видимыми признаками её трансформации в отдельную дисциплину (Misala 2007). В условиях существования многочисленных определений конкурентоспособности, перечисленных выше, в мировой литературе невозможно определить весь спектр их функционирования. Постепенно это переносится также в польскую литературу. Однако многие теоретики, создавая модели конкуренции, не всегда пытаются сформулировать само понятие „конкуренция”. В связи с этим, следует привести в пример следующую фразу, относительно способа конкурирования в XXI веке: „Глобальная конкуренция заключается не в противопоставлении продукта продукту, фирмы фирме, или продавца продавцу. Заключается в противопоставлении способа мышления способу мышления” (Kwiatkowski 1996, с. 11). Эти и другие, подчеркнутые в статье замечания, показывают огромный спрос теории и практики хозяйственной жизни, даже требования реализации всё новых теоретико-практических исследований связанных с конкурентоспособностью.

Wkład autorów

Wkład poszczególnych współautorów w przygotowanie tekstu, z uwzględnieniem zwłaszcza udziału w tworzeniu koncepcji artykułu, treści teoretyczne i metodologiczne, przeprowadzenie badań, opracowanie danych, analizę i interpretację wyników przedstawia się następująco:

1. Николай Беяцкий – 30%;
2. Александр Максимчук – 40%;
3. Дымитрий Панков – 30%.

Литература

Aiginger K. (1998), *A Framework for Evaluating the Dynamic Competitiveness of Countries*, "Structural Changes and Economics Dynamics", nr 9.

Bieńkowski W. (1993), *Oddziaływanie rządu USA na rozwój zdolności konkurencyjnej gospodarki amerykańskiej w latach 1981-1988*, „Monografie i Opracowania”, nr 378, Szkoła Główna Handlowa, Warszawa.

Błaszczński A. (1995), *Słownik pojęć ekonomicznych Glossary of Economic Terms*, Szkoła Zarządzania Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków.

- Borowski J.** (2008), *Globalizacja, konkurencyjność międzynarodowa i strategie przedsiębiorstw*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok.
- Bossak J.** (1984), *Spoleczno-ekonomiczne uwarunkowania międzynarodowej zdolności konkurencyjnej gospodarki Japonii*, SGPiS, Warszawa.
- Daszkiewicz N.**, *Konkurencyjność. Poziom makro, mezo i mikro*, PWN, Warszawa 2008.
- Esser K., Hillebrandt W., Messner D., Meyer-Stammer L.** (1999), *Systemie Competitiveness – New Challenges to Business Politics*, "Economics" tom 59, Institute for Scientific Cooperation, Tiibingen.
- Gorynia M., Łaźniewska E.** (2009), *Kompendium wiedzy o konkurencyjności*, PWN, Warszawa.
- Kwiatkowski S.** (1996), *O psie, płocie, paradygmacie teorii organizacji i przyszłości praktyki zarządzania*, „Przegląd Organizacji”, nr 1.
- Lubiński M., Michalski T., Misala J.** (1995), *Międzynarodowa konkurencyjność gospodarki. Pojęcie i sposób mierzenia*, Instytut Rozwoju i Studiów Strategicznych, Warszawa.
- Максимчук А. И.** (2015), *Польша – путь к высокой эффективности*, ГРГУ им. Я. Купалы, Гродно.
- Maksimczuk A.** (2013), *Granice państwowe, relacje z sąsiedztwem gospodarczym i wschodnie pogranicze Polski w dobie transformacji, integracji i globalizacji tom 1. Transformacja systemowa i kształtowanie się nowej jakości polskich granic państwowych*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok.
- Максимчук А.** (2016), *Сектор малых и средних предприятий стран Восточной Европы: избранные проблемы, Том 1. О некоторых детерминантах повышения эффективности хозяйствования на микро и макроуровнях: теоретико-практические подходы*, Издательство Государственной высшей профессиональной школы имени профессора Эдуарда Ф. Щепаника в Сувалках, Сувалки.
- Marciniak S.** (2010), *Innowacyjność i konkurencyjność gospodarki*, Wydawnictwo C. H. Beck, Warszawa.
- Misala J.** (2007), *Międzynarodowa zdolność konkurencyjna i międzynarodowa konkurencyjność gospodarki narodowej. Podstawy teoretyczne*, Politechnika Radomska, Radom.
- Noga M., Stawicka M.K.** (red.) (2008), *Co decyduje o konkurencyjności polskiej gospodarki?*, CeDeWu, Warszawa.
- Olczyk M.** (2008), *Konkurencyjność, teoria i praktyka*, Ce De Wu, Warszawa.
- Przybyciński T.** (1997), *Wprowadzenie do teorii i polityki konkurencji*, Oficyna wydawnicza SGH, Warszawa.
- Rodto M.** (2003), *Zmiany międzynarodowej konkurencyjności – strategia lizbońska w poszerzonej Unii Europejskiej*, Instytut Spraw Publicznych, Warszawa.
- Skawińska E., Sobiech-Grabka K.G., Nawrot K.A.** (2010), *Makroekonomia. Teoretyczne i praktyczne aspekty gospodarki rynkowej*, PWE, Warszawa.
- Stankiewicz M.J.** (2002), *Konkurencyjność przedsiębiorstwa. Budowanie konkurencyjności przedsiębiorstwa w warunkach globalizacji*, Towarzystwo Naukowe Organizacji i Kierowania, Toruń.
- Strużycki M.** (red.) (1998), *Przedsiębiorstwo. Region. Rozwój*, Difin, Warszawa.
- Wysokińska Z.** (2001), *Konkurencyjność w międzynarodowym i globalnym handlu technologiami*, PWN, Warszawa.
- Żabiński L.** (2000), *Przewaga konkurencyjna*, PWE, Warszawa.

Александр Белоусов
Михаил Фурс

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ТРАНЗИТНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАН ЧЕРНОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

DEVELOPMENT OF THE TRANSPORT COMPLEX REPUBLICS OF BELARUS AS A FACTOR IN INCREASING THE TRANSIT POTENTIAL OF THE COUNTRIES OF THE BLACK SEA-BALTIC REGION

АННОТАЦИЯ

Целью исследования является анализ состояния развития транспортного комплекса Республики Беларусь, оценка основных показателей использования транзитного потенциала страны, выявление важнейших проблем и особенностей международного транзита Беларуси, а также рисков, связанных с его реализацией. При проведении исследования были использованы системные, статистические, аналитические, графические и другие методы научного познания. В заключение статьи сформулированы основные выводы, предложены рекомендации по дальнейшему совершенствованию транспортно-логистического комплекса Республики Беларусь, как неотъемлемого элемента транзитного потенциала стран черноморско-балтийского региона, которые можно использовать в качестве теоретической основы для принятия хозяйственно-управленческих и социальных решений, как на уровне отдельных стран, так и рассматриваемого региона в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

транспортный комплекс, транзит, транзитный потенциал, транспорт, черноморско-балтийский регион

ABSTRACT

The purpose of the study is to analyze the state of development of the transport complex of the Republics of Belarus, to assess the main indicators of the use of transit potential of the country, to identify major problems and features of international transit of Belarus, as well as the risks associated with its implementation. Systemic, statistical, analytical, graphics and other methods of scientific cognition were used in the course of the research. In conclusion, the article formulates the main conclusions, and offers recommendations for further improvement of the transport and logistic complex of the Republic of Belarus, as an integral element of the transit potential of the countries of the Black Sea-Baltic region, that can be used as a theoretical basis making economic, administrative and social decisions, both at the level of individual countries and the region as a whole.

KEYWORDS

transport complex, transit, transit potential, transport, Black Sea-Baltic region

ВВЕДЕНИЕ

Под транзитным потенциалом страны понимается совокупность экономических, организационных, технико-технологических, кадровых и других ресурсов для осуществления транзита грузов через ее территорию.

Республика Беларусь не обладает достаточными собственными топливно-энергетическими и сырьевыми ресурсами, поэтому транзитный потенциал в условиях активизации глобализационных и интеграционных процессов становится важнейшим потенциалом национальной экономики.

Географическое положение страны предопределило ее роль в качестве транзитной дорожной державы: республика находится на перекрестке основных транспортных маршрутов, связывающих государства Западной Европы с Востоком, регионы Черноморского побережья со странами Балтийского моря.

С одной стороны, транзит способствует интеграционным процессам, с другой – стимулирует развитие национальной экономики путем создания новых рабочих мест и привлечения инвестиций, характеризующихся в данной сфере деятельности быстрой окупаемостью. Транзит является источником поступлений в бюджеты всех уровней, стимулирует развитие транспортной и сервисной инфраструктуры. Кроме того, рост транзитного потенциала способствует совершенствованию не только транспортной системы, но и связанных с ней производственных отраслей, например машиностроения, строительства и т.д.

Важнейшим условием формирования транзитного потенциала является уровень развития транспортного комплекса страны.

На начало 2018 года в Республике Беларусь функционировало 11,8 тыс. организаций транспорта, что было на 1 500 организаций больше по сравнению с 2016 годом. В них было занято 275,2 тыс. человек, или 6,3 % от численности работников всех организаций страны. Доля транспорта в валовом внутреннем продукте (ВВП) Республики Беларусь составила – 5,5 %, сократившись по сравнению с 2016 годом на 2,2 процентных пункта (Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Транспорт и связь...).

По величине выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг на одного среднесписочного работника, «транспорт» среди видов экономической деятельности в Беларуси занимает третье место.

1 АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Транспортный комплекс Беларуси представлен железнодорожным, автомобильным, воздушным, водным и трубопроводным видами транспорта, находящимся во взаимодействии и взаимозависимости, дополняющими друг друга, раз-

вивающимися в тесной взаимосвязи, обеспечивая эффективное использование каждого вида.

При этом особое внимание в Беларуси уделяется развитию дорожной транспортной сети, как важнейшему элементу логистической инфраструктуры.

Территорию Беларуси пересекают 2 трансъевропейских транспортных коридора: с запада на восток – под номером II «Берлин – Варшава – Минск – Москва – Нижний Новгород» (автомобильная дорога М-1/Е 30 Брест – Минск – граница Российской Федерации), протяженностью по территории республики 610 км; с севера на юг – под номером IX «Хельсинки–Санкт-Петербург/Москва–Киев–Кишинев» (автомобильная дорога М-8/Е-95 граница Российской Федерации – Витебск – Гомель – граница Украины), протяженностью по территории Беларуси 456 км с ответвлением IX В «Гомель – Минск – Вильнюс – Клайпеда – Калининград», протяженностью 468 км.

По состоянию на 01.01.2018 года протяженность автомобильных дорог общего пользования Беларуси сложилась на уровне 102,4 тыс. км, увеличившись за пять лет на 2 тыс. км. Показатель густоты автомобильных дорог на 1000 км² территории Беларуси составляет 456,63 км, что более чем в три раза ниже, чем в Польше – 1 356,01 км, но существенно выше, чем в России (57,5 км на 1000 км²) и Украине (280,1 км на 1000 км²) (электронный документ, access mode: http://ru.worldstat.info/World/List_of_countries_by_Density_of_road_network, date of access: 11.04.2019).

По территории Беларуси проложены международные железнодорожные магистрали: «Брест – Минск – Орша» (главная ось транспортного коридора «Лондон – Париж – Берлин – Варшава – Минск – Москва») и «Гомель – Бобруйск – Минск – Молодечно – Лунинец – Барановичи – Лида» (соединяет Украину со странами Балтии). Эксплуатационная длина железнодорожных путей общего пользования Беларуси на начало 2018 года составляла – 5 491 км, из них электрифицированных – 1 128 км, или 20,5% от общей протяженности (Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Транспорт и связь...). Густота железнодорожных путей в расчете на 1000 км² территории в Беларуси сформировалась на уровне – 26,4 км. Для сравнения данный показатель в Польше составляет – 62,13 км на 1000 км², Украине – 35,93 км на 1000 км², России – 5,1 км на 1000 км² (электронный документ, access mode: http://ru.worldstat.info/World/List_of_countries_by_Density_of_railways, date of access: 11.07.2017).

После распада Советского Союза и социалистического лагеря страны Черноморско-Балтийского региона унаследовали до сих пор существующий рисунок энергетической инфраструктуры. Для многих из них это стало проблемой, а некоторыми государствами стало восприниматься как угроза независимости. Обеспечение энергетической безопасности стало одним из ключевых направлений как внешней, так и внутренней политики в регионе. При этом самым важным ее аспектом является высокая зависимость от импорта российского газа. Если для Беларуси, долгое время приоритетом являлась цена на импортируемое из России сырье, то теперь ее позиция сблизилась с пониманием энергетической безопасности в государствах Европейского Союза, где упор делается на диверсификацию

поставщиков (электронный документ, access mode: <http://inosmi.ru/world/20141110/224178697.html>, date of access: 09.04.2019).

Трубопроводный транспорт Беларуси включает газопроводы и нефтепроводы с ответвлениями, которые широко используются для транспортировки нефти, газа и нефтепродуктов. Нефтепроводы представлены мощными, высокопроизводительными системами «Дружба» (Куйбышев – Унеча – Мозырь – Брест; Унеча – Полоцк; Мозырь – Броды – Ужгород; Полоцк – Вентспилс; Сургут – Полоцк). Общая протяженность магистральных нефтепроводов, проходящих через территорию Беларуси, составляет – 2 983 км (Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Транспорт и связь...).

Густота магистральных трубопроводов в Беларуси составляет – 54,3 км на 1000 км². Для сравнения в России данный показатель в 2010 году не превышал – 13,6 км на 1000 км (Бондаренко 2014, с. 214).

Для оценки эффективности транспортного комплекса Беларуси рассмотрим такие показатели его деятельности, как объем перевезенных грузов и грузооборот.

В 2017 году в Беларуси всеми видами транспорта было перевезено 439,4 млн. тонн грузов, что на 45 млн. тонн меньше, чем в 2012 году (-9%). Перевозки грузов железнодорожным транспортом увеличились по сравнению с 2012 годом на 14,9 млн. тонн или на 0,9% и составили 146,3 млн. тонн. Трубопроводным транспортом перевезено 124,4 млн. тонн грузов, что на 0,3% меньше, чем в 2012 году. Перевозки грузов автомобильным транспортом также сократились по сравнению с 2012 годом на 8,8% и составили 166,6 млн. тонн. Водным транспортом в 2017 году было перевезено 2 млн. тонн грузов, что было в 2 раза меньше по сравнению с 2012 годом. Перевозки грузов воздушным транспортом по отношению к 2012 году выросли в 4 раза, достигнув уровня 0,05 млн. тонн.

В общем объеме перевезенных грузов в период 2012-2017 годов наибольший удельный вес занимали перевозки трубопроводным транспортом: в 2012 году их доля в общем объеме перевезенных грузов составляла 48,6%, в 2017 году – 43,3%. В 2017 году на долю трубопроводного, автомобильного и железнодорожного транспорта приходилось более 99% общего объема перевозок. При этом наметилась тенденция снижения удельного веса перевозок грузов водным транспортом с 0,1% в 2012 году до 0,02% в 2017 году. Одновременно был отмечен существенный темп прироста перевозок грузов воздушным транспортом – 400%, удельный вес которых в 2017 году достиг 0,1%.

В 2017 году грузооборот по всем видам транспорта составил 131,6 млн. т. км, что было на 1,7 млн. т. км или на 1,5% больше, чем в 2012 году. Увеличение грузооборота транспортных организаций было обусловлено в первую очередь изменением грузопотоков на автомобильном и авиационном транспорте. При этом в 2017 году по сравнению с 2012 годом объем грузооборота железнодорожного транспорта практически остался на том же уровне – около 48,5 млн. т. км. В свою очередь грузооборот автомобильного транспорта по сравнению с 2012 годом

увеличился на 5,7%, а воздушного на 244,5%. (Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Транспорт и связь...).

2 МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНЗИТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЕГО РЕАЛИЗАЦИЕЙ

Экспорт транспортных услуг в 2017 году составил 3,455 млрд. долл. США, сократившись по сравнению с 2012 годом на 4%. В экспорте транспортных услуг по перевозке грузов наибольший удельный вес в 2017 году занимали услуги автомобильного (39%), железнодорожного транспорта (27,3%) и трубопроводного (22,6%).

В 2017 году экспорт транспортных услуг превысил импорт в 2,2 раза (3,455 млрд. долл. США и 1,542 млрд. долл. США соответственно). Таким образом, положительное сальдо внешней торговли транспортными услугами составило более 1,91 млрд. долл. США. Тем не менее, необходимо констатировать, что данный показатель был на 22% ниже уровня 2012 года (Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Транспорт и связь...).

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 560 от 18 июля 2016 года была утверждена Республиканская программа развития логистической системы и транзитного потенциала на 2016-2020 годы, в которой в частности отмечено, что в 2011-2013 годах доходы от транзита имели тенденцию к росту в среднем на 13% ежегодно. Однако в 2014-2015 годах под влиянием неблагоприятных внешних геополитических и экономических факторов финансовые поступления от транзита снизились (электронный документ, access mode: <http://www.government.by/upload/docs/filec1a34378a39c1954.PDF>, date of access: 14.04.2019).

Кроме неблагоприятных внешних геополитических и экономических факторов снижение транзитных перевозок железнодорожным транспортом и доходов от них было обусловлено также девальвацией российского рубля, продолжением процесса изменения вектора внешней торговли Российской Федерации с западного направления (страны Европейского союза) на восточное (Китайская Народная Республика и страны Азиатско-Тихоокеанского региона), а также переориентацией российских внешнеторговых грузопотоков с портов Литовской Республики и Латвийской Республики на собственные порты.

Через воздушное пространство Беларуси за 2015 год выполнено более 221 тыс. транзитных полетов, что на 3,3% ниже уровня, достигнутого в 2014 году. Доходы и отчисления в бюджет от обслуживания транзитных полетов в 2015 году составили соответственно 73 млн. и 41,7 млн. долларов США (92,6 и 95,4% к прогнозу, установленному Государственной программой на 2015 год). За 2011-2015 годы доходы и отчисления в бюджет от обслуживания транзитных полетов соответственно составили 381,1 млн. и 185,4 млн. долларов США (114,7 и 101,4% к прогнозу, установленному Государственной программой на этот период).

Иностранными грузовыми автомобилями в 2015 году выполнено 1 107 934 транзитных поездки и иностранными автобусами – 19 778 транзитных поездок (81,5 и 72,7% к прогнозу, установленному Государственной программой на 2015 год). За 2011-2015 годы иностранными грузовыми автомобилями выполнено около 7 млн. транзитных поездок и 112 тыс. поездок иностранных автобусов (122,5 и 98,4% к прогнозу, установленному Государственной программой на этот период).

Таким образом, можно констатировать, что основу товарных потоков, проходящих через территорию Беларуси, составляют внешнеторговые грузы стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Европейского союза. Тенденция последних лет свидетельствует о перераспределении товарных потоков с центрально-европейского направления на южно-европейское. По этой причине к экономическим рискам, влияющим на эффективность использования логистического потенциала при обработке товарного потока, следует отнести уровень спроса в странах ЕС на основные сырьевые ресурсы: нефть и нефтепродукты, минеральные удобрения, черные металлы, лес и лесоматериалы.

Определенные экономические риски связаны с низкой конкурентоспособностью национальной логистической системы, в том числе с сохранением неравных условий осуществления хозяйственной деятельности субъектов логистического бизнеса в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также с высокой конкуренцией логистических центров (операторов) в соседних странах ЕС и сложностью технических регламентов в рамках ЕАЭС.

Степень геополитических рисков зависит во многом от взаимоотношений Республики Беларусь со странами ЕС и Российской Федерацией, а также Российской Федерации с другими государствами. Принятие взаимных санкций снижает товарооборот между ними и, соответственно, транзит товаров и транспортных средств по территории Республики Беларусь.

Основу транзитных потоков, проходящих через территорию Беларуси, составляют внешнеторговые грузы Российской Федерации. По этой причине к макроэкономическим рискам, влияющим на эффективность использования транзитного потенциала Республики Беларусь, относится уровень спроса в странах ЕС на каменный уголь, нефть и нефтепродукты, минеральные удобрения, черные металлы и другие товары, которые составляют основную часть транзитных грузов, перевозимых железнодорожным транспортом. Ухудшение конъюнктуры в этих рыночных сегментах может привести к снижению объема транзита и доходов от него.

В связи с изменением экспортных направлений Российской Федерации и Республики Казахстан с рынка ЕС на рынок стран Азиатско-Тихоокеанского региона ожидается снижение объема транзита грузов по территории Беларуси.

Увеличение влияния данного риска на объемы перевозок транзитных грузов железнодорожным транспортом зависит также от реализации стратегических планов по развитию российской транспортной инфраструктуры, связанных с переориентацией российских экспортных грузопотоков с портов Литовской

Республики, Латвийской Республики и Эстонской Республики на порты, расположенные в Ленинградской области Российской Федерации. Ввод в действие в этих портах новых грузовых терминалов и реконструкция железнодорожных подъездов к ним могут привести к снижению транзитных перевозок через территорию Республики Беларусь.

Определенные макроэкономические риски связаны с сохранением неравных условий осуществления хозяйственной деятельности субъектов в рамках ЕАЭС, поэтапной ликвидацией барьеров во взаимной торговле, а также с либерализацией рынка автотранспортных услуг.

По мнению разработчиков Республиканской программы развития логистической системы и транзитного потенциала на 2016-2020 годы снижение риска невыполнения целевого показателя по доходам от транзита из-за негативного влияния внешних макроэкономических и геополитических факторов возможно за счет реализации мероприятий по созданию привлекательных условий для основных грузоотправителей и грузополучателей в целях наращивания транзита высокодоходных грузов железнодорожным транспортом в направлении портов Калининграда, Клайпеды, Риги и Вентспилса, нефтепродуктов из Литовской Республики в Украину, а также развития контейнерных перевозок в сообщениях Китайская Народная Республика – Европа и Север – Юг. Выполнение данного целевого показателя возможно при условии увеличения российского экспорта топлива и сырья в страны ЕС и российского импорта из стран ЕС, что наиболее вероятно в случае отмены взаимных экономических санкций Российской Федерации и стран ЕС (электронный документ, access mode: <http://www.government.by/upload/docs/flec1a34378a39c1954.PDF>, date of access: 14.07.2017).

3 ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, КАК НЕОТЪЕМЛЕМОГО ЭЛЕМЕНТА ТРАНЗИТНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАН ЧЕРНОМОРСКО-БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Для оценки роли и значения транспортного комплекса Беларуси в транзитном потенциале стран черноморско-балтийского региона необходимо обратить внимание на индекс эффективности логистики (LPI), представляющий собой интерактивный инструмент тестирования, разработанный Всемирным банком, который измеряет производительность по всей цепочке поставок логистики внутри страны. Индекс дает возможность странам определить проблемы и найти пути повышения эффективности логистики. Последний рейтинг стран по уровню эффективности логистики был составлен в 2018 году (Reconstruction and Development, The World Bank, *Connecting to Compete 2018 Trade Logistics in the Global Economy...*).

В таблице 1 представлены место и общая оценка эффективности национальной логистики Беларуси и стран черноморско-балтийского региона по данным Всемирного банка за 2016 и 2018 годы.

Необходимо заметить, что индекс эффективности логистики суммирует результаты стран в шести областях, которые затрагивают наиболее важные аспекты текущей среды логистики, а именно:

1. Эффективность процесса таможенного оформления.
2. Качество услуг и инфраструктуры, связанных с транспортом.
3. Простота организации международных перевозок по конкурентоспособным ценам.
4. Компетентность и качество логистических услуг.
5. Возможность отслеживания и контроля грузов.
6. Своевременность доставки.

В 2016 и 2018 году LPI был рассчитан для 160 стран мира, где Беларусь заняла 120 и 103 место соответственно.

Таблица 1. Индекс эффективности логистики стран черноморско-балтийского региона

Table 1. LPI of countries of the Sea-Baltic region

Место		Страна	Общая оценка	
2016	2018		2016	2018
26	22	Чешская Республика	3,67	3,68
29	54	Литва	3,63	3,02
31	31	Венгрия	3,43	3,42
33	28	Польша	3,43	3,54
38	36	Эстония	3,36	3,31
41	53	Словацкая Республика	3,34	3,03
43	70	Латвия	3,33	2,81
60	48	Румыния	2,99	3,12
72	52	Болгария	2,8	3,03
80	66	Украина	2,74	2,83
93	116	Молдова	2,61	2,46
120	103	Беларусь	2,40	2,57

Источник: собственная разработка на основе: электронный документ, access mode: https://wb-lpi-media.s3.amazonaws.com/LPI_Report_2018.pdf, date of access: 12.04.2019.

Данные содержащиеся в таблице 1 убедительно свидетельствуют, что Беларусь обладает одной из наименее эффективных логистических систем стран черноморско-балтийского региона, что существенно снижает конкурентоспособность транспортного комплекса страны. Необходимо также заметить, что, несмотря на предпринимаемые правительством меры, направленные на развитие транспорт-

ного потенциала страны, позиция Беларуси в индексе LPI находилась в пределах 74 места в 2006 году и 120 места в 2016 году, при этом общая оценка эффективности логистики страны колебалась от 2,40 в 2016 году до 2,64 в 2014 году. Это свидетельствует о том, что уровень развития национальной логистической системы Беларуси в значительной степени отстает от аналогичного показателя большинства стран черноморско-балтийского региона, и в первую очередь государств-членов ЕС. На рисунке 1 представлена динамика изменения общей оценки и места Беларуси в индексе LPI за период с 2006 по 2018 годы.

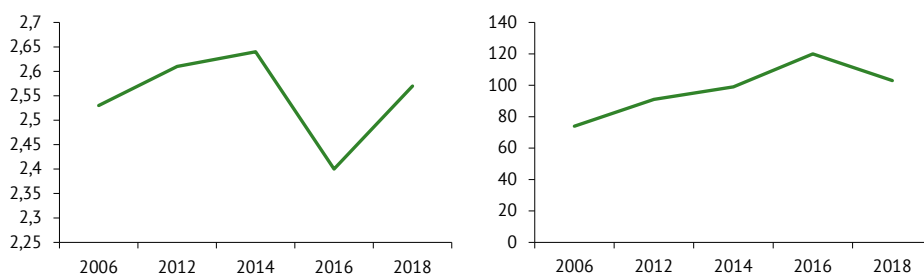

Рисунок 1. Динамика изменения общей оценки и места Беларуси в индексе LPI за период с 2006 по 2018 годы

Figure 1. Dynamics of changes in the overall assessment and the place of Belarus in the LPI index for the period from 2006 to 2018

Источник: собственная разработка на основе: электронный документ, access mode: https://wb-lpi-media.s3.amazonaws.com/LPI_Report_2018.pdf, date of access: 12.04.2019.

Выяснить причины существенного отставания транспортного потенциала Беларуси от большинства стран черноморско-балтийского региона помогает анализ состояния отдельных областей национальной логистики.

Из шести субиндексов LPI Беларуси самыми низкими показателями в 2018 году явились: простота организации международных перевозок по конкурентоспособным ценам, по которому страна заняла 134 место в мире (общая оценка – 2,31) и эффективность процесса таможенного оформления – 112 место (общая оценка – 2,35). При этом в 2018 году Беларусь по сравнению с 2016 годом существенно улучшила такие показатели, как качество инфраструктуры – 92 место (в 2016 г. – 135), профессиональная компетентность и качество логистических услуг – 85 (в 2016 г. – 125), возможность отслеживания и контроля грузов – 109 (в 2016 г. – 134), своевременность доставки – 78 (в 2016 г. – 96).

Таким образом, по версии Всемирного банка, в Беларуси в 2018 году был достигнут прогресс в сторону повышения эффективности логистической системы страны. Однако, несмотря на значительный потенциал логистической отрасли страны, ее развитие свидетельствует о несовершенстве и ряде проблем, существующих в обеспечении эффективного функционирования транспортного комплекса республики, они же и являются сдерживающими факторами повышения транзитного потенциала белорусского государства.

Согласно результатам исследования транспортной и логистической системы Республики Беларусь, проведенного Европейской экономической комиссией ООН в 2013 году к основным факторам, препятствующим эффективному развитию логистической системы в Республике Беларусь, относятся (Европейская экономическая комиссия ООН, *Исследование транспортной и логистической ...*):

1. Низкая пропускная способность пограничных пунктов пропуска через государственную границу Республики Беларусь, что достаточно часто выступает причиной длительных простоев транспортных средств в пунктах таможенного оформления, которые снижают транспортные потоки. Снижение времени простоев транспортных средств, связанных с ожиданием и проведением таможенного контроля, является одним из основных резервов повышения эффективности перевозок.
2. Отсутствие гармонизации базового законодательства в сфере автотранспортной деятельности, как между странами черноморско-балтийского региона, так и странами ЕАЭС. Принятые в государствах-членах ЕАЭС законодательные акты, регулирующие данные отношения существенно отличаются друг от друга. В ряде государств по целому ряду важнейших вопросов законодательство вообще отсутствует, регулирование иногда осуществляется на основе старых, советских, не отвечающих современным реалиям правовых норм. Также отсутствует регулирование по многим, являющимся чрезвычайно актуальными в настоящее время аспектам, таким как платность пользования инфраструктурой или перевозки опасных грузов.
3. Слабо унифицированные технические стандарты и технологические нормы в сфере перевозок пассажиров и грузов. Из общего числа соглашений и конвенций ЕЭК ООН, затрагивающих сферу автомобильного транспорта и процедуры пересечения границ (40 документов), 11 не было подписано ни одним из государств-членов ЕАЭС. Лишь к одному многостороннему документу – Таможенной конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (1975 г.) присоединились все государства – члены ЕАЭС.
4. Отсутствие эффективной разрешительной системы на территории стран черноморско-балтийского региона и ЕАЭС. Двусторонние соглашения, заключенные между отдельными странами, предполагают различный уровень преференций в отношении налогов, дорожных сборов, транзита, предусматривают в ряде случаев разрешительную систему осуществления перевозок, в том числе и на основе согласования контингента выдаваемых разрешений.
5. Высокий уровень ставок аренды складских помещений класса «А» и «В». Так по сравнению с Польшей, где предложение превышает спрос, ставки аренды складских помещений в 5–6 раз меньше, чем в Беларуси (электронный документ, access mode: https://www.eneca.by/ru_logistika_belaruss0/, date of access: 12.04.2019). Одним из факторов высоких ставок является то, что в Беларусь до настоящего времени фактически не пришли крупнейшие мировые логистические компании. Логистические центры в основном строятся за счет инвесторов-застройщиков (девелоперов) и резидентов Республики Беларусь, сфера

деятельности которых: дистрибуция, ритейл, транспортно-экспедиционная деятельность, которые вложив деньги в строительство, пытаются как можно быстрее вернуть деньги, сдавая площади в аренду или продавая построенные объекты. На рисунке 2 представлен сравнительный анализ ставок аренды складских помещений в Беларуси, Польше, Литве и России.

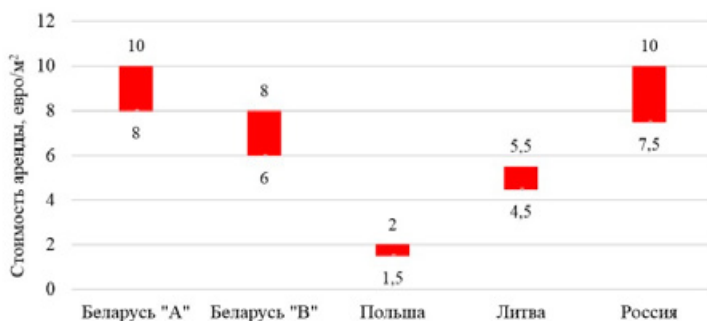

Рисунок 2. Сравнительный анализ ставок аренды складских помещений в Беларуси, Польше, Литве и России

Figure 2. Comparative analysis of rents storage facilities in Belarus, Poland, Lithuania and Russia

Источник: собственная разработка на основе: (электронный документ, access mode: https://www.eneca.by/ru_logistika_belaruss0/, date of access: 12.03.2019)

По состоянию на 1 июня 2015 г. в Республике Беларусь функционировало 37 логистических центров, при этом общая площадь складов класса «А» и «В» составляла порядка 520 тыс. кв. м.

Для сравнения, площадь логистических центров вблизи Варшавы превышает 2,6 млн. кв. м, а их общая площадь в Польше – свыше 7 млн. м (электронный документ, access mode: https://www.eneca.by/ru_logistika_belaruss0/, date of access: 12.04.2019).

6. Узкий спектр логистических услуг, оказываемых компаниями транспортно-логистического сектора. В Беларуси рынок 3PL-провайдеров (комплексных логистических услуг) практически не развит, находится в стадии формирования, а 4PL-провайдеры отсутствуют вовсе. Таким образом, в Беларуси до настоящего времени государством не созданы привлекательные условия для использования принципов интегрированной логистики, которые позволяют эффективно организовать процесс планирования, управления и контроля всех логистических процедур со стороны единого 4PL-оператора, имеющего долгосрочные стратегические цели.
7. Различные барьеры технического, административного, фискального и трансграничного характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования убедительно свидетельствуют, что на пути развития транзитного потенциала Беларуси можно обнаружить всевозможные препятствия, обуславливающие многочисленные проблемы, связанные с несовершенством нормативно-правовой базы; существенным отличием национальной транзитной инфраструктуры по техническим, технологическим и организационным параметрам от стран черноморско-балтийского региона, особенно с тарифной политикой и рядом других причин.

Для создания условий и реализации мероприятий по развитию и эффективному использованию транзитного потенциала Беларуси необходимо решить следующие основные задачи:

- осуществить гармонизацию белорусского законодательства с правилами, действующими на территории Европейского союза и стран-членов ЕАЭС, от результатов которого зависят перспективы развития международных грузоперевозок в страны Европы и Азии;
- исследование и планирование развития транзитного потенциала Беларуси должно осуществляться в тесной взаимосвязи с ее ближайшими соседями, такими как Польша, Украина, Литва и Латвия. При этом необходимо учитывать, что величина транзитных грузопотоков в регионе в значительной степени зависит от политики Правительства Российской Федерации, направленной на развитие собственных морских портов, расположенных на Балтийском и Черном морях, и, соответственно, на перенаправление туда экспортных грузопотоков;
- присоединение Республики Беларусь к проекту по созданию трансконтинентального автодорожного коридора «Западная Европа – Западный Китай» по маршруту: Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань – Оренбург – Актобе – Кызылорда – Шымкент – Алматы – Хоргос – Урумчи – Ланьчжоу – Чжэнчжоу – Ляньюньган. Данный проект, реализуемый Российской Федерацией, Казахстаном и Китаем, позволит сократить доставку грузов из Китая в Европу в 4,5 раза. Объемы перевозок по этому маршруту к 2020 г. прогнозируются на уровне 33 млн. тонн в год. Присоединение Республики Беларусь к транспортному коридору «Западная Европа – Западный Китай» возможно за счет включения в него ответвления через республику по II и IXВ международным транспортным коридорам, что существенно повысило бы конкурентоспособность транзитного потенциала стран черноморско-балтийского региона;
- развитие инфраструктуры автомобильных и железных дорог заключающееся в:
 - 1) более полном и качественном удовлетворении спроса на перевозки в международном сообщении;

- 2) совместном использовании и скоординированном развитии транспортной инфраструктуры в рамках формируемого Единого транспортного пространства ЕАЭС;
- 3) обеспечении беспрепятственного перемещения транспортных средств, грузов и пассажиров, услуг через национальные границы;
- 4) создании условий для быстрого комплексного обслуживания грузопотоков в местах пересечения границ и в международных логистических центрах;
- 5) привлечении на транспортные коммуникации перевозок международных транзитных грузов третьих стран сообщением Европа – Азия – Европа в направлениях север – юг, запад – восток.

Балтийский регион и Черноморское пространство являются регионами, обладающими определенными политическими, историческими и культурными особенностями. Страны черноморско-балтийского региона принадлежат к единой геополитической системе, развивая в ее рамках региональное сотрудничество, складывающееся под политическим и экономическим воздействием, как внутренних региональных процессов, так и внешних факторов.

Благодаря своему географическому положению, данный регион имеет особое значение для европейской геополитической системы, так как имеет непосредственный доступ к стратегическим энергетическим ресурсам.

При изучении транзитного потенциала стран черноморско-балтийского региона необходимо учитывать, что он объединяет как страны-участницы ЕС и НАТО, так и государства, не входящие в состав этих организаций – Беларусь, Украину, Молдову. При этом Беларусь, является государством-членом ЕАЭС, что оказывает существенное влияние как на ее транспортную и таможенную политику, цели, задачи и состояние транспортного комплекса страны, так и транзитный потенциал всего черноморско-балтийского региона. В этих условиях для повышения роли и значения транзитного потенциала Беларуси и всего черноморско-балтийского региона особое место должно быть отведено развитию сотрудничества нашей страны с такими региональными организациями как Совет государств Балтийского моря (СГБМ) и Черноморское экономическое сотрудничество (ЧЭС), а также вступление в ВТО.

Wkład autorów

Informacje o procentowym wkładzie poszczególnych osób w przygotowanie tekstu, z uwzględnieniem zwłaszcza udziału w koncepcję artykułu, treści teoretyczne i metodologiczne, przeprowadzenie badań, opracowanie danych, analizę i interpretację wyników:

1. Белоусов Александр – 50%
2. Фурс Михаил – 50%

Литература

Бондаренко В. А. (2014), *Маркетинговое сопровождение развития инфраструктуры ВЭД: теория и методология маркетингового сопровождения инфраструктуры ВЭД*, LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrücken.

Connecting to Compete 2018 Trade Logistics in the Global Economy The Logistics Performance Index and Its Indicators (2018), The International Bank for Reconstruction and Development, The World Bank, Washington.

Густота автомобильных дорог, pobrano z: http://ru.worldstat.info/World/List_of_countries_by_Density_of_road_network, date of access: 11.04.2019.

Густота железных дорог, pobrano z: http://ru.worldstat.info/World/List_of_countries_by_Density_of_railways, date of access: 11.04.2019.

Исследование транспортной и логистической системы Республики Беларусь (2013), Европейская экономическая комиссия ООН, New York and Geneva.

Кошевой В. (2014), *Трансформируют ли газотранспортную систему в Черноморско-Балтийском регионе?*, pobrano z: [<http://inosmi.ru/world/20141110/224178697.html>, 09.06.2017].

Логистика Беларуси. Выполнили план?, pobrano z: https://www.eneca.by/ru_logistika_belaruss0/, date of access: 12.04.2019.

Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 560 от 18 июля 2016 года «Об утверждении Республиканской программы развития логистической системы и транзитного потенциала на 2016 – 20120 годы», pobrano z: <http://www.government.by/upload/docs/file-c1a34378a39c1954.PDF>, date of access: 14.07.2017.

Транспорт и связь в Республике Беларусь. Статистический сборник (2018), Национальный статистический комитет Республики Беларусь, Минск.

Трубопроводный транспорт в Беларуси, pobrano z: <http://allby.tv/article/2246/truboprovodnyiy-transport-v-belarusi>, date of access: 11.04.2019.

Лариса **Данькова**

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СУДЕБНОГО ПРЕЦЕДЕНТА КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ИСТОЧНИКА ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

LEGAL NATURE OF THE JUDICIAL PRECEDENT AS AN ADDITIONAL SOURCE OF LAW IN THE MODERN LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS: THEORY AND PRACTICE

АННОТАЦИЯ

В статье с позиции общей теории права комплексно освещены проблемы возникновения, становления и развития судебного прецедента в англосаксонской и романо-германской правовых системах. Анализируются решения высших судебных инстанций государства, обосновывается влияние решений Европейского Суда по правам человека и их значение для отправления правосудия и совершенствования законодательства.

ABSTRACT

The purpose of the study is to examine the problem of genesis and the evolution of judicial precedent in the Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal systems from the perspective of general legal theory. Dialectic-logical, structural-functional, concrete historical, systemic methods of scientific knowledge, private-scientific methods, such as comparative legal and formal legal methods, were applied in the work. Theoretical conclusions were made based on the study of norms of law, doctrinal sources and judicial decisions. As a result, the author's definitions of "judicial practice" and "judicial precedent" were proposed. Social consequences: globalization and integration processes in the world lead to the convergence of legal systems. Although this does not mean replacing one system with another, the development of national legal systems is impossible without studying foreign experience.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

судебный прецедент, судебная практика, правовые позиции органов конституционного контроля

KEYWORDS

judicial precedent, judicial practice, legal positions of constitutional control bodies

ВВЕДЕНИЕ

Республика Беларусь вступила в новый этап своего развития, характеризующийся активным участием в региональных и мировых интеграционных процессах. Соответственно, чрезвычайно востребованными становятся такие подходы к осуществлению правоприменения и правосудия, которые были бы адекватны осуществляющимся процессам.

В настоящий период совершенствования национальной правовой системы особую актуальность приобретает формирование нового концептуального отношения к регулирующей функции права, понимание его особой роли в социальном взаимодействии, что требует переосмысления значения традиционных правовых феноменов.

Совершенно очевидно, что решения Конституционного Суда Республики Беларусь, Европейского Суда по правам человека, а также постановления Пленума Верховного Суда (как одного из ориентиров по конкретным делам), выступают частью активно развивающегося сектора в системе источников права.

При этом в белорусской доктрине продолжает господствовать идея, не признающая ни судебную практику, ни судебный прецедент в качестве источников права, что не позволяет правоприменителю гибко использовать весь накопленный практический и законодательный потенциал в отношении конкретной жизненной ситуации.

Определенную сложность представляет собой отсутствие в современной белорусской правовой науке единообразного определения судебного прецедента, что является причиной широкого разброса мнений по вопросу наличия или отсутствия прецедентного права как такового. Автором дается новое теоретически обоснованное определение судебного прецедента, под которым понимается судебное решение по конкретному делу, содержащее в себе созданную в процессе судейского правотворчества правовую норму, одобренную высшими судебными инстанциями; данное решение публикуется в официальных сборниках или обзорах судебной практики и является обязательным при разрешении сходных дел в будущем.

В отношении судебного прецедента как источника права, признанного прежде всего англосаксонской правовой семьей, следует отметить, что в романо-германской правовой семье в качестве правовой категории схожей природы используется понятие судебной практики. Первая попытка отнести судебную практику к источникам права была осуществлена С.И. Вильнянским в советский период (Вильнянский С.И. 1947, с. 241–244).

Дискуссионный характер имеет вопрос о месте и роли судебной практики в отечественной системе источников права. Чаще всего споры сводятся к тому, что судебная практика либо признается источником права и выступает в виде руководящих указаний (разъяснений) высших судебных органов в государстве; либо признается источником права в полном объеме, включая результаты деятельности нижестоящих судов; либо вообще не рассматривается в качестве источника права.

Автором предлагается следующее определение судебной практики: судебная практика – это совокупность решений судебных органов, принятых при разрешении конкретных правовых споров (или дел), восполняющая пробелы в законодательстве, создающая предпосылки для создания новых или изменения действующих норм права и обеспечивающая единообразное правоприменение.

С целью определения характера отношений между трактовками судебной практики и судебного прецедента в англосаксонской и континентальной правовой семье необходимо четко разграничить эти понятия, в том числе и для выявления особенностей, присущих только романо-германской правовой семье.

В.В. Демидов считает, что «разъяснения по вопросам практики применения законодательства, основанные на требованиях закона и обобщенных данных судебной практики в масштабах страны, представляют собой своеобразную форму судебного прецедента и являются ориентиром, подлежащим обязательному учету в целях вынесения законных и обоснованных приговоров, решений и постановлений» (Демидов В.В. 1998, с. 21).

Главное разграничение заключается в том, что, в отличие от судебного прецедента, судебная практика изучает, обобщает и дает разъяснения по вопросам применения законодательства. «Что же касается понятия «судебный прецедент», явившегося порождением англосаксонской системы права, то независимо от его современной модели, английской, американской, европейской, сегодня единодушно признается, что судебный прецедент – это судебное решение по конкретному делу, а не множественность аналогичных решений по определенной категории дел, выступающий как результат деятельности только высших судебных инстанций» (Гицу М.А. 2017, с. 6).

Некоторые зарубежные авторы рассматривают судебный прецедент и судебную практику как тождественные понятия. Например, Р. Кросс при исследовании судебного прецедента делает вывод, что данные понятия идентичны, взаимозаменяемы, выступают под одним и тем же названием «прецедент». Однако на практике рассматриваемые понятия имеют разные смысловые оттенки: когда речь идет о судебном прецеденте, то имеется в виду создание новой нормы, а не сам процесс судебной деятельности, результатом которой выступает судебное решение (Кросс Р. 1985, с. 8).

В англосаксонской правовой семье судебный прецедент рассматривается как традиционный источник права. Что касается отношения к судебному прецеденту в романо-германской правовой семье, то здесь также можно обнаружить длительную историю существования названного правового феномена. Он берет свое начало еще в Древнем Риме, когда возникла необходимость толкования Законов XII таблиц преторами. Сформулированные ими правила постепенно образовали систему обязательных правил – преторское право. «Многие институты римского права сложились на базе судебных прецедентов. Так, в Древнем Риме решения преторов и других магистратов признавались обязательными при рассмотрении аналогичных дел» (Аннерс, Э. 1994, с. 380). Данный этап истории римского права

характеризуется тем, что главным источником права в этот период выступали эдикты преторов, которые дополняли и исправляли квиригское право.

В настоящее время в странах романо-германской правовой семьи правосудие осуществляется на основе закона (иных нормативных правовых актов), который выступает практически в качестве единственного источника права. Р. Давид писал: «Абсолютный суверенитет закона в странах романо-германской правовой семьи является фикцией», поскольку «наряду с законом существуют и иные значительные источники права» (Давид Р. 2003, с. 104).

При характеристике судебного прецедента как дополнительного источника права учеными-правоведами выделяются следующие присущие ему особенности: 1) судебный прецедент может быть создан только судебными органами; 2) обязателен для применения в судах той же или низшей инстанции; 3) содержит в основе правовоположение (правовой принцип, стандарт, образец), сформулированное судом в рамках разрешения возникших спорных правоотношений; 4) подлежит официальному опубликованию в специальных сборниках как результат отправления правосудия, итог того, что судебными органами уже созданы определенные правила для разрешения конкретной ситуации. Совокупность перечисленных признаков характеризует сущность судебного прецедента, позволяющую отделить данный феномен от других правовых конструкций.

В последнее время особое внимание получила такая сложная правовая конструкция, как правовые позиции органов конституционного контроля, которые формулируются ими в своих решениях. Хотя данное явление еще только получает осмысление в теоретической науке, считаем важным рассмотреть правовые позиции конституционных судов с точки зрения возможного выявления сходства их природы с природой судебного прецедента.

Правовые позиции конституционных судов, будучи сравнительно новым и малоизученным в юриспруденции явлением, имеют большое значение для развития как правовой доктрины, так и юридической практики. В теоретическом плане такая правовая конструкция открывает новые возможности для более глубокого и разностороннего исследования доктрины судебной практики.

Особая правовая природа правовых позиций конституционных судов предопределена прежде всего их целью. Необходимо согласиться с мнением судьи Конституционного Суда Республики Беларусь С.П. Чигринова, что цель формулирования правовой позиции – выявление конституционного смысла правовой нормы либо установление наличия пробела в правовом регулировании¹.

В позитивном праве под пробелом понимается полное или частичное отсутствие правовых установлений (норм), необходимость которых обусловлена развитием социальной жизни и практического решения дел, основными принципами, политикой, смыслом и содержанием действующего законодательства, отвечаю-

¹ Чигринов С.П. (2009), *Правовые позиции Конституционного Суда как источник права*, Конституционный контроль: состояние, проблемы, перспективы: сб. докл. и тез. выст. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию Конституц. СудаРесп. Беларусь, Минск, 30 апр. 2009 г., Конституц. Суд Респ. Беларусь; отв. за вып. А.В. Марышкин и др., Минск, с. 86–90.

щего правовым требованиям, а также иными проявлениями права, вытекающего из природы вещей и отношений (Нерсесянц В.С. 1992, с. 254). В литературе указывается, что «в зависимости от критериев выделяются: пробелы действительные, мнимые и намеренные; пробел в праве и пробел в законодательстве; к явлению пробельности относят также такое состояние права, как правовая неопределенность» (Мурашко Л.О. 2007, с. 60).

Уяснению правовой природы решений Конституционного Суда Республики Беларусь, на наш взгляд, способствует Закон «О конституционном судопроизводстве», в котором в ст. 85 закреплены полномочия Конституционного Суда и где прямо предусмотрено, что «нормативные правовые акты, признанные согласно заключениям Конституционного Суда не соответствующими Конституции Республики Беларусь, не имеют юридической силы. Признание нормативных правовых актов не соответствующими Конституции Республики Беларусь является основанием для прекращения их действия, внесения в них соответствующих изменений и (или) дополнений либо принятия новых нормативных правовых актов с тем же предметом правового регулирования» (О конституционном судопроизводстве: Закон Респ. Беларусь 2014). По мнению М.А. Гицу, «решения Конституционного Суда, в отличие от закона, не ориентированы на принудительное их исполнение». Законодательством не регламентирован вопрос об ответственности государственных органов власти и управления за их неисполнение (Гицу М.А. 2017, с. 14).

Правовые позиции органов конституционного контроля в определенной мере имеют правотворческий аспект, зачастую выражая определенные правила поведения. С учетом указанного такое явление современного права, как правовые позиции органов конституционной юстиции, формулируемые ими в решениях, по своим основным характеристикам могут рассматриваться в определенной степени как результат судейского правотворчества. В связи с этим, можно утверждать, что Конституционному Суду Республики Беларусь в силу своего статуса и стоящих перед ним задач принадлежит особая роль в формировании и совершенствовании действующего права, выявлении дефектов и противоречий актов законодательства на стадии их разработки.

Важность судебного правотворчества обусловлена прежде всего особой связующей ролью между существующими нормами права и жизненными ситуациями, конфликтами, которые вправе разрешить только суд. Основным источником белорусского права является нормативный правовой акт, однако на протяжении всей истории развития права правоприменителями изучается судебная практика, результатом обобщения которой является принятие постановлений высшей судебной инстанцией Республики Беларусь – Верховным Судом.

Действующее законодательство не регламентирует прямо, кому принадлежит право внесения предложений о даче разъяснений по применению законодательства. Практика работы Верховного Суда показывает, что нередко с предложениями о рассмотрении на Пленуме конкретных вопросов по применению законодательства обращалась прокуратура Республики Беларусь, с рекомендациями – Межведомственная комиссия по борьбе с преступностью и наркоманией при

Совете безопасности Республики Беларусь. Эти предложения и рекомендации учитывались.

Первостепенная роль в инициировании вопросов, подлежащих обсуждению на Пленуме, как считает И.Н. Минец, должна отводиться коллегиям Верховного Суда, которые в процессе рассмотрения дел в кассационном и надзорном порядке имеют возможность делать выводы о том, насколько правильно ориентированы суды в применении конкретных правовых норм (Минец И. 1997, с. 3).

Являясь высшим органом судебной власти в системе общих судов, Верховный Суд Республики Беларусь играет ведущую роль в обеспечении соблюдения законности при осуществлении правосудия, укреплении его основных принципов. Постановления Пленума Верховного суда принимаются в случаях, когда имеется неясность в применении положения нормативного правового акта и требуется дополнительные разъяснения тех либо иных положений действующего законодательства. Указанные постановления базируются на анализе и обобщении судебной практики и обращены ко всем судебным инстанциям и к неопределенному кругу лиц.

Районный суд интерпретирует закон под углом применения к конкретному делу. Имея более тесную связь с судами первой инстанции, областные суды должны постоянно вести учет возникающих в работе проблемных вопросов применения законодательства, делать предложения по проектам постановлений, инициировать постановку вопросов для обсуждения на Пленуме Верховного Суда и учитывать мнение областных судов об актуальности и своевременности вносимых на обсуждение Пленума вопросов. Для этого необходимо включение большего числа решений апелляционных и кассационных судебных инстанций в банк данных «ЭТАЛОН – Судебная практика», а также судебных решений, принятых судом первой инстанции по конкретным делам, с целью выявления пробелов в правовом регулировании, что будет способствовать единообразному применению действующего законодательства.

Правильность и обоснованность толкования норм права – обязательное условие правильной реализации и соблюдения законности. При вынесении решения по конкретному делу суд вырабатывает определенный стандарт оценки фактических обстоятельств дела. Такое решение, будучи частным применением нормы, одновременно выступает и в качестве общего правила.

Имеющее место правовое ограничение полномочий Пленума Верховного Суда не совсем соответствует нынешнему статусу судебной власти и сдерживает возможность влияния на правоприменительную практику. Повышение роли постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, направленных на устранение пробелов в законодательстве, приведет к большей определенности и стабильности правового регулирования, повысит качество правотворческих решений, позволит исключить лабильность в праве.

В современной белорусской правовой системе нормативные положения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, и правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь, формулируе-

мые в решениях, выносимых в порядке обязательного предварительного конституционного контроля законов, имеют сложную правовую природу прецедентного характера, что подтверждают их следующие характеристики: они носят обязательный характер; являются окончательными (отсутствует возможность обжалования); распространяют свое действие на разрешение аналогичных дел в будущем; подлежат официальному опубликованию; рассматриваются в качестве источников права правоприменителями и нормотворческими органами.

Роль и значение судебной практики и судебного прецедента международных судов вытекают из статуса данных учреждений. Так, статус Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) в первую очередь связан с тем, что он был создан для защиты прав и свобод человека как конвенционный орган в рамках Совета Европы, в целях соблюдения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская Конвенция) (Конвенция о защите прав человека и основных свобод, 2001). Основная цель ЕСПЧ состоит в защите субъективных прав заявителей по индивидуальным жалобам. Посредством своих решений по жалобам ЕСПЧ влияет на систему судебной защиты прав и свобод человека в различных государствах.

«Стандарты в области прав человека, закрепленные в Конвенции, имеют статус общих норм международного права, что позволяет государствам, не являющимися участниками Конвенции, применять ее нормы в национальной судебной практике», – считает А.М. Жирмонт (Жирмонт А.М. 2006, с. 15).

ЕСПЧ рассматривает конкретные дела и, защищая субъективные права обращающихся за правовой поддержкой граждан, вырабатывает судебные прецеденты, служащие в дальнейшем для национального законодателя ориентиром на европейские стандарты по соблюдению прав человека.

В настоящее время, с учетом интеграции правовых систем и имплементации норм международного права в национальную систему права, российским ученым В.В. Джурой, была предложена следующая классификация судебных правовых актов: судебные правоприменительные акты, судебные интерпретационные акты и судебные правотворческие акты (Джура В.В. 2009, с. 11).

В статье 8 Конституции Республики Беларусь отмечено, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им национального законодательства (Конституция Республики Беларусь 1994, 2013). В Гражданском кодексе Республики Беларусь ч. 2 ст. 6 указывается, что нормы гражданского права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь (международный договор – межгосударственный, межправительственный или международный договор межведомственного характера, заключенный в письменной форме Республикой Беларусь с иностранным государством, который регулируется международным правом (О международных договорах Республики Беларусь, 2008)), вступившие в законную силу, являются частью гражданского законодательства². Можно заключить, что

²Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.; одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.; текст Кодекса по состоянию на 30.10.2015 г., КонсультантПлюс:

специальная норма имеет приоритет перед общей нормой права или, другими словами, норма международного договора как специальная для отношений с иностранным элементом имеет приоритет перед нормой закона.

Существующая правовая интеграция находит свое отражение и в современном белорусском законодательстве. Так, Декретом № 8 Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» закреплены отдельные термины (токен, блокчейн, майнинг и др.), применяемые в английском праве³.

Республика Беларусь является членом ЕАЭС (региональная организация по экономической интеграции), куда кроме нашей страны входят Россия, Армения, Казахстан и Киргизия. Для отечественного законодателя возникнет необходимость выработать правовой инструментарий, позволяющий отстаивать экономические интересы нашей страны в данной организации и на практике защищать права граждан и отдельных субъектов хозяйствования.

Например, для нашего исследования наибольший интерес представляют документы, принятые в Республике Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 26 октября 2017 года № 569 «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику»⁴, а также Концепция «Совершенствования гражданского законодательства Республики Казахстан на основе имплементации положений английского права», целью которой является определение ряда гражданско-правовых идей и конструкций, частично реципированных в цивилистическую доктрину казахстанского законодательства из английского права⁵.

В дальнейшем развитие ЕАЭС потребует унификации и гармонизации законодательства стран-участниц с целью обеспечения реализации поставленных задач и перспектив взаимного сотрудничества.

Таким образом, наибольший интерес как для правовой науки, так и для юридической практики в сложившихся новых геополитических условиях приобретает исследование правовой природы и статуса судебного прецедента как источника права. Формальное непризнание рассматриваемого источника права в Республике Беларусь и ряде европейских государств вовсе не означает его фактического отрицания. Сегодня можно констатировать, что повышается взаимодействие судебных и правотворческих органов в решении проблем современного законодательства, повышении эффективности правового регулирования общественных отношений.

Беларусь, ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь, Минск, 2018.
3 О развитии цифровой экономики (2017), «Декрет Президента Республики Беларусь, 21 декабря 2017 г.», № 8, режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716/, дата доступа: 25.01.2018.

4 О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику (2017), «Указ Президента Республики Казахстан, 26 октября 2017 г.», № 569, режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-perevode-alfavita-kazahskogo-yazyka-s-kiirilicy-na-latinskuyu-grafiku, дата доступа: 25.01.2018

5 Концепция Совершенствования гражданского законодательства Республики Казахстан на основе имплементации положений английского права, режим доступа: <https://www.zakon.kz/4885200-implementatsiya-printsipov-i-polozheniy.html>, дата доступа: 25.01.2018.

С изменением политико-правового курса государства, методов управления обществом и способов регулирования общественных отношений произошла эволюция правовой системы в Республике Беларусь, изменились и были преобразованы практически все юридические структуры и процедуры, переосмыслены привычные правовые ценности. Это, безусловно, было продиктовано теми актуальными задачами, которые решала и продолжает решать современная юридическая наука.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тенденции развития правовой системы Республики Беларусь формируются под влиянием интеграционных процессов, в том числе и в праве. Заимствование наиболее прогрессивного опыта, особенно в правотворческой и правоприменительной сфере, является неизбежным. Однако, следует учитывать национальные правовые традиции, правовой менталитет, особенности правовой системы нашего государства.

Интенсификация интегративных процессов между Республикой Беларусь и европейским, а также мировым сообществом не только в экономическом, но и правовом пространстве, обуславливает необходимость исследования прецедентного права и определение роли и места судебного прецедента в национальной правовой системе.

Литература

Вильнянский С.И. (1947), *Значение судебной практики в гражданском праве*, Учен.тр., Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР, Москва, Вып. 9, с. 239-290.

Демидов В.В. (1998) *О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда*, Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации, № 3, с. 21-24.

Гицу М.А. (2017), *Судебный прецедент как источник права в свете современных тенденций в России*, «Государство и право», № 6, с. 5-16.

Кросс Р. (1985), *Прецедент в английском праве*, (ред.) Ф.М. Решетников, Москва, Юрид. лит., с. 238.

Аннерс Э. (1994), *История европейского права*, Рос. акад. наук, Ин-т Европы, Наука, Москва, с. 395.

Давид Р. (2003), *Основные правовые системы современности*, Междунар. отношения, Москва, с. 398.

Чигринов С.П. (2009), *Правовые позиции Конституционного Суда как источник права*, Конституционный контроль: состояние, проблемы, перспективы: сб. докл. и тез. выст. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию Конституц. Суда Респ. Беларусь, Минск, 30 апр. 2009 г., Конституц. Суд Респ. Беларусь; отв. за вып. А.В. Марышкин и др., Минск, с. 86–90.

Нерсесянц В.С. (1992), *Наш путь к праву. От социализма к цивилизму, Российское право*, Москва, с. 349.

Мурашко Л.О. (2007), *Понятие конституционного пробела в аспекте предмета конституционно-правового регулирования*, Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь, № 4, с. 59–63.

О конституционном судопроизводстве (2018), «Закон Респ. Беларусь, 8 января 2014 г.», №124-З, КонсультантПлюс: Беларусь, ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Минск.

Минец И., *Пленум Верховного Суда. Каким ему быть?*, «Судовы веснік»1997, № 4, с. 2-3.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (2001) совершено г. Рим, 04.11.1950 г., Собр. законодательства Рос. Федерации, № 2, с. 163.

Жирмонт А.М. (2006), *Толковательная функция Европейского Суда по правам человека*, автореф. дис. ...канд. юрид. наук, 12.00.10, Белорус.гос. ун-т, Минск, с. 20.

Джура В.В. (2009), *Правовые акты органов судебной власти*, автореф. дис. ...канд. юрид. наук, 12.00.01, Иркут.гос. ун-т, Омск, с.23.

Конституция Республики Беларусь 1994 года: (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.), Амалфея, Минск, с. 48.

О международных договорах Республики Беларусь (2018), «Закон Республики Беларусь, 23 июля 2008 г.», № 421-З, режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871>HYPERLINK «<http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800421>»&HYPERLINK «<http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800421>»p0=h10800421, Дата доступа: 20. 01. 2018.

Гражданский кодекс Республики Беларусь (2018), КонсультантПлюс, Беларусь, ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь, Минск.

О развитии цифровой экономики (2017), «Декрет Президента Республики Беларусь, 21 декабря 2017 г.», № 8, режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716/, дата доступа: 25.01.2018.

О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику (2017), «Указ Президента Республики Казахстан, 26 октября 2017 г.», № 569, режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-perevode-alfavita-kazahskogo-yazyka-s-kirillicy-na-latinskuyu-grafiku, дата доступа: 25.01.2018.

Концепция Совершенствования гражданского законодательства Республики Казахстан на основе имплементации положений английского права, режим доступа: <https://www.zakon.kz/4885200-iimplementatsiya-printsipov-i-polozheniy.html>, дата доступа: 25.01.2018.

Леонид **Давыденко**
Елена **Давыденко**
Ян **Матюшевский**

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ПОЛЬШЕ

THE INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND POLAND

АННОТАЦИЯ

Объект исследования статьи – малый и средний бизнес как важнейший элемент формирования гибкой смешанной экономики, сочетания разных форм собственности и адекватной им модели хозяйства. Проанализированы институциональные принципы предпринимательства и необходимости устранения препятствий для развития малого и среднего бизнеса в Республике Беларусь и Польше.

ABSTRACT

The object of the article is small and medium business as the most important element of the formation of a flexible mixed economy, a combination of different forms of ownership and an adequate model of economy. The institutional principles of entrepreneurship and the need to remove obstacles to the development of small and medium-sized businesses in the Republic of Belarus and Poland are analyzed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

малый и средний бизнес, институциональные принципы, Конституция для бизнеса, закон «Право предпринимателей», Декрет Президента Республики Беларусь №7 «О развитии предпринимательства», Декрет Президента Республики Беларусь №8 «О развитии цифровой экономики»

KEYWORDS

small and medium business, institutional principles, the Constitution for business, the law „the right of entrepreneurs”, the Decree of the President of the Republic of Belarus №7” on the development of entrepreneurship”, the Decree of the President of the Republic of Belarus №8” on the development of the digital economy”

ВВЕДЕНИЕ

Малый и средний бизнес является важнейшим элементом в рыночной экономике, без которого не может гармонично развиваться ни одно из государств. Он во многом определяет темпы экономического роста, структуру и качества валового и национального продукта. Развитие малого и среднего бизнеса отвечает мировым тенденциям к формированию гибкой смешанной экономики, сочетанию разных форм собственности и адекватной им модели хозяйствования. Благодаря деятельности малых и средних предприятий создаются новые рабочие места, обеспечивается вовлечение в производство материальных, финансовых и природных ресурсов.

В последние годы динамика развития малого предпринимательства в Республике Беларусь и Польше свидетельствует о повышении вклада данного сектора в экономику стран. Однако всё ещё развитие этого бизнеса осуществляется медленными темпами, что объясняется существованием ряда барьеров, как институционального, так и экономического характера. Ступенькой к их преодолению является принятие в 2018г. декретов Президента Республики Беларусь №7 «О развитии предпринимательства», №8 «О развитии цифровой экономики» и «Конституции для бизнеса», а также закона «Право предпринимателей» в Республике Польша (Давыденко, с. 28; Максимчук, с. 191).

Основой исследования в статье прежде всего служили рекомендации новейших нормативных правовых актов Республики Беларусь и Польши, а также работы исследователей малых и средних предприятий (Daszkiewicz 2008, Morawiecki 2018, Максимчук 2019, Przychocka 2013, Давыденко 2019, Карягин 2018) и других авторов.

Новые законодательные принципы обеспечения свободы хозяйствования в Республике Беларусь и Польше. В Беларуси в поддержку малого и среднего бизнеса был принят декрет Президента Республики Беларусь №7 «О развитии предпринимательства», вступивший в силу 26 февраля 2018 года. Документ направлен на либерализацию условий ведения бизнеса в Беларуси. Декрет призван придать необходимый импульс развитию предпринимательской инициативы, стимулировать деловую активность граждан и в целом улучшить инвестиционный климат в стране (Декрет №7).

Декрет упрощает условия для начала и ведения предпринимательской деятельности. Так, запрещается введение новых налогов до 2020 года, ограничивается вмешательство государства в работу субъектов хозяйствования, устанавливается уведомительный порядок для начала работы по ряду видов деятельности: таким образом, декрет охватывает сферы, в которых сосредоточено около 95% субъектов малого и среднего бизнеса.

Также в декрете №7 обновлены следующие требования:

1. Общие требования пожарной безопасности к содержанию и эксплуатации капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений и иных объектов, принадлежащих субъектам хозяйствования;

2. Общие санитарно-эпидемиологические требования к содержанию и эксплуатации капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений и иных объектов, принадлежащих субъектам хозяйствования;
3. Общие требования в области ветеринарии к содержанию и эксплуатации капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений и иных объектов, принадлежащих субъектам хозяйствования.

Постановлением Советом Министров Республики Беларусь от 17 октября 2018 г. № 743 утверждена «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года» (Стратегия до 2030 г.).

Стратегия принята для повышения экономической свободы предпринимательства и увеличения его вклада в социально-экономическое развитие страны, формирования конкурентной среды и обеспечения равных условий хозяйствования для субъектов различных форм собственности и определяет приоритетные направления на среднесрочную и долгосрочную перспективу, основные задачи и принципы совершенствования госрегулирования и поддержки развития предпринимательства.

Цель Стратегии – формирование динамично развивающегося сектора малого и среднего предпринимательства, способного существенно улучшить структуру белорусской экономики, повысить ее конкурентоспособность, обеспечить эффективную занятость и рост доходов населения.

Основные задачи – создание благоприятных административно-правовых и экономических условий, формирование системы мер для качественного развития бизнеса и создание эффективной специализированной структуры государственной поддержки малого и среднего предпринимательства.

Реализация Стратегии планируется в два этапа:

- переходный этап – 2018-2020 годы: совершенствование институциональной базы и инфраструктуры;
- основной этап – 2021-2030 годы: создание и функционирование конкурентоспособного и адаптивного предпринимательского сектора национальной экономики.

Для активизации частной предпринимательской инициативы предусматривается:

1. создание равных условий работы субъектов хозяйствования независимо от форм собственности;
2. противодействие монополистической деятельности и формирование конкурентной среды;
3. реформирование госпредприятий, включая передачу госимущества более эффективному собственнику, выработка мер по контролю за выполнением обязательств по вовлечению неиспользуемого имущества в хозоборот;
4. разделение функций государства как регулятора и собственника;
5. проведение оценки законодательства при поступлении предложений о введении административных процедур, электронного контроля; создание

- единого общедоступного электронного реестра административных процедур, предоставляющего возможность поиска необходимых процедур, исходя из конкретных деловых ситуаций;
6. обеспечение прохождения административных процедур в электронном виде; ограничение круга лицензируемых видов деятельности только видами деятельности, непосредственно влияющими на национальную безопасность, общественный порядок, здоровье населения и охрану окружающей среды, упрощение лицензионных требований, обеспечение принудительного прекращения действия лицензий только по решению суда;
 7. внедрение механизма оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов, влияющих на условия осуществления предпринимательской деятельности;
 8. изменение критериев отнесения субъектов хозяйствования к микро-, малым и средним организациям (с использованием зарубежного опыта);
 9. изменение уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях на предмет соответствия размера ответственности размеру причиненного ущерба и степени общественной опасности деяний;
 10. совершенствование контрольной деятельности на основе неукоснительного соблюдения принципов добросовестности субъектов хозяйствования, приоритета профилактической направленности работы контролирующих органов; повышение уровня судебной защиты прав и законных интересов субъектов малого и среднего бизнеса;
 11. публикация судебных решений, затрагивающих сферу МСП, в открытом доступе (включая мотивировочную часть решений, постановлений). – Рис. 1.

В результате реализации Стратегии планируется довести долю субъектов малого и среднего предпринимательства в общем объеме валовой добавленной стоимости к 2030 году до 50 процентов с нынешних примерно 25%.

Белорусский малый и средний бизнес представляли на начало 2019 года 110 тысяч юридических лиц, 236 тысяч индивидуальных предпринимателей и 54,3 тыс. физических лиц, привлекаемых ИП по трудовым и гражданско-правовым договорам. В Декрете Президента Республики Беларусь №8 «О развитии цифровой экономики» предлагается принять меры, направленные на повышение правовой защищенности участников отношений, связанных с применением современных финансовых технологий.

Для реализации этих мер установлено, что функции по контролю за деятельностью операторов криптоплатформ, операторов обмена криптовалют в части соблюдения ими законодательства о предотвращении легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения возлагаются на государственные органы в соответствии с их компетенцией (Декрет №8).

Рисунок 1. Источник: журнал «СОЮЗ. Беларусь-Россия», 2018

Figure 1. Source: Journal "UNION. Belarus-Russia", 2018

В Польше же в качестве инструмента либерализации рынка выступает «Конституция для бизнеса», основная часть которой вступила в силу 30.04.2018 г. Конституция является крупнейшей за 30 лет реформой экономического права. Конституцией был введен ряд благоприятных для предпринимателей правил. Конституция для бизнеса предусматривает введение должности Уполномоченного по правам предпринимателей, через которого будут проходить все законодательные документы в сфере предпринимательской деятельности.

Вместе со вступлением в силу Конституции для бизнеса свое действие прекратил Закон о свободе предпринимательской деятельности в Польше. До 1 февраля 2019 г. в силу вступили положения, не вошедшие в основную часть документа. Главным тезисом Конституции является утверждение о том, что все, что не запрещено законом – разрешено. Кроме того, в пакете документов говорится, что в случае особо сложных споров спор решается в пользу предпринимателя. Введены также льготы для начинающих бизнесменов, которые в течение полугода имеют право не платить взносы на социальное страхование. Конституция предусматривает назначение в течение 6 месяцев Уполномоченного по делам малых и средних предприятий.

Изменения были внесены в пять законов:

- Закон о правах предпринимателей,
- Закон о центральном реестре и информации об экономической деятельности предпринимателя,

- Закон о представителях малого и среднего бизнеса,
- Закон о принципах участия иностранных предпринимателей и других иностранцев в экономических операциях на территории Польши;
- Закон о правилах реализации вышеперечисленных изменений.

Конституция для бизнеса представляет собой пакет законов, цель которых состоит в реформировании и упрощении правил ведения бизнеса. Изменения, внесенные в конституцию бизнеса, касаются таких областей, как:

- отношения между предпринимателем и официальными страховыми;
- открытие бизнеса;
- приостановка деятельности;
- принципы создания коммерческого права;
- обязанности, связанные с ведением бизнеса.

Важнейшим актом в соответствии с Конституцией для бизнеса является Закон «Право предпринимателей». Наиболее важные права предпринимателя и принципы ведения бизнеса по этому закону в Польше определены в 16 статьях.

Ст. 1. Закон определяет правила начала, ведения и завершения предпринимательской деятельности на территории Республики Польша, в том числе права и обязанности предпринимателей и задачи органов государственной власти в этой области.

Ст. 2. Все на равных правах могут начать, вести и завершать предпринимательскую деятельность.

Ст. 3. Под предпринимательской деятельностью понимается трудовая деятельность, непрерывно осуществляемая от имени предпринимателя.

Ст. 4. 1. Предпринимателем является физическое лицо, юридическое лицо или организационная единица, не являющаяся юридическим лицом, которую закон признает правоспособной, осуществляющее предпринимательскую деятельность.

4. 2. Предпринимателями также являются партнеры гражданского общества в сфере осуществляемой ими предпринимательской деятельности.

4. 3. Правила начала, ведения и завершения предпринимательской деятельности иностранными гражданами определяются в отдельных положениях.

Ст. 5. 1. Не является предпринимательской деятельностью деятельность, осуществляемая физическим лицом, чей доход от этой деятельности не превышает ни за один месяц в году месяц 50% от суммы минимальной заработной платы, указанной в законе от 10.10. 2002 года. «О минимальной заработной плате» (Dz. U. z 2017 г. poz. 847 oraz z 2018 г. poz. 650), и которое в течение последних 60 месяцев не вело хозяйственной деятельности.

5. 2. Лицо, осуществляющее деятельность, указанную в пункте 1, может подать заявку на запись в Центральный реестр хозяйственной деятельности. Деятельность становится предпринимательской со дня, указанного в заявке.

5. 3. Если доход от деятельности, о которой говорится в п. 1, за месяц превысил сумму, о которой говорится в п. 1, эта деятельность становится предпринимательской начиная со дня, в котором произошло превышение суммы, упомянутой в п. 1.

5. 4. В случае, указанном в пункте 3, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, подает заявку на запись в Центральный реестр хозяйственной деятельности в течение 7 дней со дня, когда произошло превышение суммы, указанной в пункте 1.

5. 5. Положения пункта 1 не применяются к деятельности, осуществляемой в рамках договора гражданского товарищества.

5. 6. Под доходом, указанным в пункте 1, подразумеваются суммы, причитающиеся, даже если они не были фактически получены, после отключения стоимости возвращенных товаров, акцизных товаров и товаров со скидками.

Ст. 6. 1. Положения закона не применяются к:

- 1) производительной деятельности в сфере сельского хозяйства, в области производства сельскохозяйственных культур, животноводства и селекции, садоводства, овощеводства, лесного хозяйства и внутреннего рыболовства;
- 2) аренде комнат фермерами, продаже домашних блюд и предоставлению льгот в области сельскохозяйственных услуг и услуг, связанных с пребыванием туристов;
- 3) изготовлению вина фермерами, производящими менее 100 гектолитров вина в течение экономического года, и упомянутыми в статье 17 пункта 3 Закона от 12 мая 2011 года «О выпуске и розливе винодельческих изделий, торговле этими изделиями и организации винного рынка». (Dz. U. z 2016 r. poz. 859, z 2017 r. poz. 624 oraz z 2018 r. poz. 650);
- 4) деятельности фермеров в области продаж, упомянутых в статье 20 пункт 1С закона от 26 июля 1991 года «О подоходном налоге физических лиц» (Dz. U. z 2018 r. poz. 200, z późn. zm.2)

Ст. 7.

1. Под используемыми в настоящем законе терминами понимаются:

- 1) микропредприниматель – предприниматель, который, по крайней мере, в один год из двух последних лет деятельности выполнил следующие условия:
 - а) среднегодовая численность сотрудников менее 10;
 - б) достиг годового чистого оборота от продажи товаров, продукции и услуг и финансовых операций, не превышающий эквивалент 2 миллионов евро в злотых, или сумма активов его баланса, составленного на конец одного из 2 лет не превысила эквивалент 2 миллионов евро в злотых;
- 2) малый предприниматель – предприниматель, который, по крайней мере, в один год из двух последних лет деятельности выполнил следующие условия:
 - а) среднегодовая численность сотрудников менее 50;
 - б) достиг годового чистого оборота от продажи товаров, продукции и услуг, и финансовых операций, не превышающий эквивалент 10 миллионов евро в злотых, или сумма активов его баланса, составленного на конец

одного из 2 лет не превысила эквивалент 10 миллионов евро в злотых, и который не является микропредпринимателем;

- 3) средний предприниматель – это предприниматель, который, по крайней мере, в один год из двух последних лет деятельности выполнил следующие условия:
 - а) среднегодовая численность сотрудников не менее 250;
 - б) достиг годового чистого оборота от продажи товаров, продукции и услуг, и финансовых операций, не превышающий эквивалент 50 миллионов евро в злотых, или сумма активов его баланса, составленного на конец одного из 2 лет не превысила эквивалент 43 миллионов евро в злотых, и который не является микропредпринимателем либо малым предпринимателем.
 - 4) орган – компетентный в вопросах начала, ведения или прекращения деятельности орган государственного управления, иной орган государственной власти, за исключением судов, а также органов местного профессионального самоуправления.
2. Выраженные в евро величины, указанной в п. 1, п. 1-3, пересчитывается в злотых по среднему курсу, объявленному Национальным Банком Польши в последний день финансового года, выбранного для определения статуса предпринимателя.
 3. Годовая занятость, упомянутая в пункте 1 пункт 1-3, определяется в пересчете на полный рабочий день, и не включает сотрудников, находящихся в декретных отпусках, отпусках на условиях декретного отпуска, отцовских отпусках, родительских отпусках и отпусках по воспитанию, а также занятых для профессиональной подготовки.
 4. В случае, если предприниматель работает менее года, его ожидаемый чистый оборот от продажи товаров, продукции и услуг, и финансовых операций, а также среднегодовая занятость, о которых идет речь в ч. 1 п. 1-3, определяется на основе данных за последний период, задокументированный предпринимателем.

Ст. 8. Предприниматель может вести любую деятельность, кроме той, которая запрещена законодательством. Предприниматель может быть призван к ответственности только на основании закона.

Ст. 9. Предприниматель осуществляет предпринимательскую деятельность в соответствии с принципами честной конкуренции, соблюдения хороших манер и законных интересов других предпринимателей и потребителей, а также уважения и защиты прав и свобод человека.

Ст. 10.

1. Орган руководствуется в своих действиях принципом доверия к предпринимателю, предполагая, что он действует в соответствии с законом, честно и уважением к хорошим манерам.
2. Если предметом разбирательства органом является возложение на предпринимателя обязанности или ограничения, или получение разрешения,

и в этом отношении остаются спорные моменты относительно фактического состояния, орган решает их в пользу предпринимателя.

3. Положения пункта 2 не применяются, если:
 - 1) в процедуре участвуют субъекты со спорными интересами, или исход разбирательства оказывает непосредственное влияние на интересы третьих лиц;
 - 2) отдельные положения требуют от предпринимателя доказывать определенные факты;
 - 3) это затрагивает важные общественные интересы, включая основные интересы государства, в частности его безопасность, оборону или общественный порядок.

Ст. 11.

1. Если субъект разбирательства в органах власти налагает на предпринимателя обязательство или ограничивает, или отклоняет разрешение, в случае возникновения сомнений относительно содержания правовой нормы, эти сомнения разрешаются в пользу предпринимателя, если только это не противоречит интересам сторон или интересам третьих лиц, на которых разбирательство оказывает прямое влияние.
2. Положения пункта 1 не применяются, если это затрагивает важные общественные интересы, включая основные интересы государства, в частности его безопасность, оборону или общественный порядок.

Ст. 12. Орган ведет разбирательство таким образом, что вызывает доверие предпринимателей к государственной власти, руководствуясь принципами пропорциональности, беспристрастности и равного обращения.

Ст. 13. Государственные должностные лица несут ответственность за нарушение закона, вызванное их действиями или несоблюдением правил, изложенных в отдельных нормативных актах.

Ст. 14. Орган власти без какой-либо уважительной причины не отклоняется от установленной практики разрешения дел в том же фактическом и правовом статусе.

Ст. 15. Орган власти в рамках своей юрисдикции предоставляет предпринимателю информацию об условиях начала, ведения и завершения предпринимательской деятельности.

Ст. 16.

1. Уполномоченный по делам малых и средних предпринимателей защищает права микропредпринимателей, малых и средних предприятий.
2. Объем и порядок работы Уполномоченного по делам малых и средних предпринимателей изложены в отдельных положениях.

Приоритеты развития малого и среднего бизнеса в Беларуси и Польше. Сравнения приоритетов в законодательстве, связанных с вступлением в силу Конституции для бизнеса и Декрета №7 отображены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение «Конституции для бизнеса» и Декрета №7

Table 1. Comparison of the „Constitution for business” and Decree No. 7

Нововведение	Польша	Беларусь
1. Упрощение отношений предприниматель – власть.	<p>1. Введение правила: «все, что не запрещено, разрешено». Предприниматель может свободно вести бизнес, если он не нарушает запреты или ограничения, прямо указанные в законе.</p> <p>2. Презумпция добросовестности предпринимателя. Предприниматель не должен доказывать свою добросовестность, сомнения относительно обстоятельств каждого дела будут решены в пользу предпринимателя.</p> <p>3. Дружеская интерпретация правил. Непонятные положения будут решаться в пользу предпринимателей.</p> <p>4. Принцип пропорциональности. Властные структуры не могут наложить необоснованное бремя на предпринимателя, например, нельзя запросить документы, которые у них уже есть.</p> <p>5. Назначение уполномоченного по делам малого и среднего бизнеса. Уполномоченный может, например, попросить министров дать объяснения по наиболее сложным положениям и вмешаться в вопрос о нарушении прав предпринимателей. Уполномоченный защищает интересы предпринимателей, по его запросу министерства дают разъяснения по пунктам законодательства, а также раскрывает пункты законодательства для предпринимателей. Уполномоченный является беспристрастным, аполитичным и избирается сроком на 6 лет.</p>	<p>1. Введение презумпцию добросовестности субъекта хозяйствования. То есть изначально он считается добросовестно соблюдающим требования законодательства, пока не будет доказано иное.</p> <p>2. Уменьшение необходимых для ведения бизнеса разрешений (напр. в сфере рекламной деятельности субъекты хозяйствования вправе не разрабатывать проектную документацию для размещения средства наружной рекламы).</p> <p>3. Обещание исключения использования неоднозначных и оценочных определений в рамках уголовного законодательства.</p> <p>4. Утверждение максимально систематизированных и сокращенных общих требований пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологических требований, требований в области охраны окружающей среды и ветеринарии к размещению, устройству, оборудованию, содержанию и эксплуатации капитальных строений, изолированных помещений.</p>

Нововведение	Польша	Беларусь
<p>2. Упрощение процедуры открытия бизнеса</p>	<p>1. Введение так называемой незарегистрированной деятельности (без регистрации в Центральном реестре хозяйственной деятельности). К деятельности, не требующей регистрации, относится небольшая доходная деятельность физических лиц, например, сезонная торговля или сезонные услуги. Если доходы от этой деятельности в любой месяц не превышают 50% размера минимальной заработной платы (в 2019 году минимальная заработная плата составляет 2250 злотых, или 50% – 1125 злотых), эта деятельность не рассматривается как экономическая деятельность и не требует регистрации в Центральном реестре хозяйственной деятельности. Доход от такой деятельности облагается налогом на общих условиях. Незарегистрированная деятельность применяется для людей, ведущих бизнес лично (не в компании) и не ведущих бизнес в течение последних 5 лет. Данное правило не может быть применено для деятельности, требующей получения разрешения или лицензии.</p> <p>2. Внедрение льгот в ZUS (Учреждение социального страхования) для новых компаний. Начинающие предприниматели могут быть освобождены от взносов социального обеспечения в течение первых 6 месяцев работы. Предприниматель должен подать заявление на обязательное социальное страхование в течение 6 месяцев с начала деятельности (вместо 7 дней). В таком случае в течение двух лет он может платить льготные страховые взносы. Однако эти льготы не относятся к страховым взносам, которые также являются обязательными для предпринимателей. Вклад здоровья может быть не облагаемым налогом (не доход).</p>	<p>Декретом предусматривается принцип сочетания заявительного и уведомительного порядка начала осуществления отдельных видов деятельности. К ним относятся:</p> <ul style="list-style-type: none"> • бытовые услуги, • туристические услуги, • социальные услуги, • торговля и общепит, • перевозка пассажиров, • ремонт автомобилей, • производство мебели, • производство пищевой продукции, • производство стройматериалов, • разработка сайтов, • ремонт компьютеров, • оказание психологической помощи и другие (всего 19 сфер). <p>Заявительный принцип начала деятельности заключается в том, что по общему правилу субъект хозяйствования в первую очередь обязан пройти госрегистрацию, которая производится по заявлению заинтересованного лица. Для занятия данными видами деятельности достаточно будет подать единственное уведомление в исполком через службу „одно окно“ (допускается почтовое отправление с уведомлением о вручении) либо с помощью портала электронных услуг. На следующий день уже можно будет заниматься заявленным видом деятельности. В этом уведомлении субъекту хозяйствования необходимо будет указать, что он обеспечил организацию своего бизнеса надлежащим образом. В частности, используемая недвижимость, транспортные средства, трудовые ресурсы соответствуют требованиям законодательства.</p>

Нововведение	Польша	Беларусь
3. Упрощение процедуры приостановления деятельности	<p>Возможность приостановить деятельность на время декретного или родительского отпуска при найме работника.</p> <p>До введения Конституции бизнеса невозможно было приостановить свою деятельность, в случае, если в компании работают наемные сотрудники. В настоящее время можно приостановить деятельность компании (зарегистрированной в Центральном реестре хозяйственной деятельности) на любой указанный период (в настоящее время только на 24 месяца) или на неопределенный срок. По истечении периода приостановки бизнес возобновится автоматически. Если предприниматель не подаст запрос на возобновление, он не будет удален из реестра (как раньше).</p>	<p>В случае прекращения, приостановления или возобновления осуществления вида экономической деятельности, включенного в перечень, субъект хозяйствования уведомляет об этом местный исполнительный и распорядительный орган.</p>
4. Упрощение коммуникации с предпринимателями	<p>1. Создание нового интернет-портала для предпринимателей. На портале с расширением www.biznes.gov.pl будут размещены объяснения, как выполнять отдельные официальные вопросы, а также будет возможность оплатить официальные сборы или получить справку о неуплате налогов или взносов. Портал будет напоминать предпринимателям (посредством SMS или электронной почты) о предстоящих официальных датах и сообщать о наиболее важных изменениях в законодательстве.</p> <p>2. Появление возможность решения простых официальных вопросов по телефону, электронной почте или другими средствами связи. Администрация сможет быстро информировать, например, о готовых к получению документах.</p> <p>3. Постепенная ликвидация REGON (Регистр народного хозяйства). Основным номером, идентифицирующим предпринимателя, будет NIP (индивидуальный номер налогоплательщика).</p>	<p>1. Введение системы «одно окно»</p> <p>2. Возможность уведомления о начале бизнеса через портал https://portal.gov.by</p>

Нововведение	Польша	Беларусь
5. Упрощение работы с посредниками	Возможность работы с посредниками предпринимателей – физическими лицами Публикация информации о представителях в CEIDG будет равносильна выдаче доверенности в письменном виде.	Отсутствует
6. Упрощение регулирования деятельности	Организация каталога форм деловых операций. Тремя основными формами деловых операций являются: концессии, разрешения и реестры регулируемой деятельности. Лицензии были отменены как отдельные формы регулирования. Был введен принцип недискриминирования: разрешения должны предоставляться всегда, если предприниматель соответствует критериям, предусмотренными законом.	1. Отмена обязательного характера нормативных правовых актов СССР и БССР. 2. Обещание обеспечить максимальный отказ от назначения наказания в виде лишения свободы за совершение экономических преступлений, сократить число составов экономических преступлений из категорий тяжких и менее тяжких.
7. Упрощение создания регламента для предпринимателей	1. Создание каталога основных правил, которые необходимо соблюдать при создании экономического закона. Это принцип пропорциональности бремени для предпринимателей из сектора малого и среднего бизнеса, согласно которому, если делается вывод о том, что проект нового закона затрагивает предпринимателей в этом секторе, он должен быть направлен на ограничение административных обязательств по отношению к ним. Там также будет действовать принцип стремления избегать чрезмерного применения законодательства ЕС и сокращения информационных обязательств. 2. Министерства и другие органы власти выпускают юридические разъяснения законов. «Руководства», написанные простым языком, объясняют, как применять самые сложные законы. Приложение к ним поможет предпринимателю, например, в случае проверки.	Ликвидация требования изготовления печати при регистрации коммерческой организации
8. Упрощение ведения бизнеса иностранными гражданами	Введение новых правил, касающихся правил участия иностранных предпринимателей и других иностранных лиц в экономической торговле в Польше. До сих пор эти правила были разбросаны по трем различным законам и противоречивые.	Отсутствует

Источник: авторская разработка на основе: «Конституция для бизнеса» в Польше и Декрет №7 «О развитии предпринимательства» в Беларуси.

Очевидно, Конституцией для бизнеса охвачено большее количество аспектов, связанных с развитием предпринимательства. Важными недостатками Декрета №7 являются отсутствие упрощений для ведения бизнеса иностранными гражданами. Также отсутствует информация, связанная с работой с посредниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует отметить, что Конституция для бизнеса подразумевает появление юридических разъяснений законов, а также специалистов, способных доступно донести информацию до начинающих предпринимателей. Информация в конституции изложена последовательно и доступно, также используются графики и таблицы, наглядно иллюстрирующие принцип работы Конституции. Такие подходы положительно бы повлияли и на бизнес-климат Беларуси. Тем не менее, по словам Владимира Карягина, Председателя президиума Республиканской конфедерации предпринимательства, председателя Минского столичного союза предпринимателей и работодателей, пакет документов по либерализации условий ведения бизнеса работает: растет число самозанятых, также развивается агроэкотуризм и ремесленничество (Карягин 2018).

Как отмечает профессор А. Максимчук, что «среди субъектов хозяйствования ликвидации в большей мере подвержены малые и средние предприятия, в меньшей – крупные» (Максимчук, с. 209). Повышению конкурентоспособности и конкурентной позиции на мировом рынке малых и средних предприятий, как в Польше, так и в Беларуси будут способствовать выполнения решений в соответствии с новыми принципами «Конституции для бизнеса», закона «Право предпринимателей» в Польше, Декрета №7 «О развитии предпринимательства» и Декрета №8 «О развитии цифровой экономики» в Беларуси. Эти институциональные документы создают беспрецедентные международные условия для развития малого бизнеса и отрасли информационных технологий.

Wkład autorów

Wkład poszczególnych współautorów w przygotowanie tekstu, z uwzględnieniem zwłaszcza udziału w tworzeniu koncepcji artykułu, treści teoretyczne i metodologiczne, przeprowadzenie badań, opracowanie danych, analizę i interpretację wyników przedstawia się następująco:

1. Давыденко Леонид – 35%,
2. Давыденко Елена – 35%,
3. Матюшевский Ян – 30%

Literatura

- Давыденко Л.Н.** (2019), *Международные основы предпринимательской деятельности*: практикум в 2 ч., БГУ, Минск, с.169.
- Максимчук А.И.** (2019), *Польша в условиях трансформации, интеграции и глобализации: избранные аспекты: монография*, «БИП-Институт правоведения», ИВЦ Минфина, Минск, с. 240.
- Daszkiewicz N.** (2016), *Konkurencyjność. Poziom makro, mezo i mikro*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa, с. 216.
- Davydzenka L., Przychocka I.** (2013), *Instytucjonalizacja rynku inwestowania w innowacje*, Wydawnictwo Uczelniane Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej w Suwałkach, Suwałki, с. 200.
- Morawiecki M.** (2018), *Konstytucja Biznesu*, Ministerstwo Rozwoju, Warszawa, с. 70.
- Przychocka I.** (2012), *Małe i średnie przedsiębiorstwa wobec wejścia Polski do Unii Europejskiej*, Wydawnictwo „SIGMA” SPJ., Warszawa, с.113.
- Максимчук А.** (2016), *Сектор малых и средних предприятий стран Восточной Европы: избранные проблемы*, Том 2. «Предпринимательство, сектор малых и средних предприятий Польши и Беларуси в условиях кризиса», Издательство Государственной высшей профессиональной школы имени профессора Эдуарда Ф. Щепаника в Сувалках, Сувалки, с. 173.
- Карягин В.Н.** (2018), *Платформа для бизнеса в Беларуси*, МСП, Минск, с.119.

Акты правне

- Konstytucja Biznesu** (2019), *Serwis informacyjno-usługowy dla przedsiębiorcy*, pobrano z: <https://www.biznes.gov.pl/pl/ulawienia-dla-biznesu/konstytucja-biznesu>, Дата доступа: 25.02.2019.
- USTAWA z dnia 6 marca 2018 r. «Prawo przedsiębiorców», Internetowy System Aktów Prawnych., pobrano z: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20180000646/T/D20180646L.pdf>, Дата доступа: 25.02.2019.
- Декрет Президента Республики Беларусь 23 ноября 2017 г. № 7 О развитии предпринимательства, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Минск, 2019, pobrano z: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700007&p1=1&p5=0>, Дата доступа: 25.02.2019.
- Декрет Президента Республики Беларусь 21 декабря 2017 г. № 8 О развитии предпринимательства, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Минск, 2019, pobrano z: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700007&p1=1&p5=0>, Дата доступа: 25.02.2019.
- Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2018 г. № 743 «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Минск, 2019, pobrano z: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700007&p1=1&p5=0>, Дата доступа: 25.02.2019.

Źródła internetowe

<https://news.tut.by/economics/612149.html>

Европейский институт инноваций и технологий (EIT), pobrano z: <https://eit.europa.eu/>, Дата доступа: 20.01.2019.

The Global Competitiveness Report 2017-2018, World Economic Forum, pobrano z: reports.weforum.org/global-competitiveness-index/, Дата доступа: 19.01.2019.

Официальный сайт Международного института развития менеджмента (IMD), pobrano z: www.imd.org., Дата доступа: 19.01.2019.

Леонид **Давыденко**

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОГРАММАХ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЁРСТВА

INSTITUTIONAL TOOLS FOR TRANSBOUNDARY COOPERATION IN THE EASTERN PARTNERSHIP PROGRAMMES

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены институциональные основы трансграничного сотрудничества Республики Беларусь в программах Европейского Союза. Раскрываются основные финансовые источники и инструменты межрегиональной политики сопредельных государств, которые ещё не в полной мере используются в нашей стране. В целях более активного участия Республики Беларусь в программах Восточного партнёрства предложены приоритетные направления институционального и финансового обеспечения.

ABSTRACT

The article deals with the institutional framework of cross-border cooperation of the Republic of Belarus in the programs of the European Union. The article reveals the main financial sources and instruments of interregional policies of neighboring countries, which are not yet fully used in our country. With a view to the more active participation of the Republic of Belarus in the Eastern partnership programs, the priority directions of institutional and financial support are proposed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

трансграничное сотрудничество, программы Восточного партнёрства, институциональное и финансовое обеспечение, приоритетные направления

KEYWORDS

cross-border cooperation, Eastern partnership programs, institutional and financial support, priority areas

ВВЕДЕНИЕ

Развитие открытых белорусской и польской экономик, стремление государства увеличить долю экспорта в ней и активизировать внешнеэкономические связи, а также традиционно сильная зависимость макроэкономической составляющей от внешних источников обуславливают важность и актуальность развития взаимовыгодных отношений с нашими ближайшими соседями, в частности, с теми из них, кто тем или иным образом включен в Европейский Союз. С одной стороны, это обусловлено выгодным центральным европейским положением наших государств и исторически сложившимся направлением торговых путей, пролегающих через наши территории, с другой стороны, территориальная близость накладывает определенный отпечаток и на характер экономических взаимодействий с ближайшими регионами, и на их потенциал. Заметим, что длительное время наши взаимоотношения с западными и северными соседями были довольно близки на культурном, политическом, этнографическом уровне, но в последние десятилетия, в связи с расширением границ Европейского Союза на восток, в экономическом и политическом взаимодействии появились новые оттенки и возможности. В 2004 году вступила в силу Европейская Политика Соседства (ЕПС) – и это стало следствием именно расширения Европейского Союза на восток. Учитывая беспрецедентный географический и политический размах расширения на страны бывшего социалистического блока, политика была направлена на решение двух важнейших стратегических задач: «избежать нанесения новых разделительных линий в Европе и содействовать стабильности и процветанию как в пределах ЕС, так и за его границами». Несмотря на эти достойные цели, ЕПС с самого начала базировалась на конфликтной логике проекта, содержащейся в его риторике и действиях, что впоследствии помешало ее успешной реализации в отношении стран-соседей.

В частности, в рамках ЕПС было трудно совместить идеалистическую риторику о создании «круга друзей» вокруг Европы и реалистичные, продиктованные соображениями безопасности, потребности в защите своих собственных границ и окружения ЕС «хорошо управляемыми странами». Отдельную сложность вызвала проблема поиска стимула для проведения соседями болезненных и дорогостоящих реформ в обмен на обещание менее осязаемой экономической интеграции в будущем. Видение будущего с отсутствующей конечной целью, так называемой «finalit», стало проблемой в равной мере, как для политиков ЕС, так и для стран-партнеров, что нашло отражение в таких противоречивых описаниях, как «Европейские соседи» и «соседи Европы», применяемых в отношении к странам-аутсайдерам.

Таким образом, неудивительно, что ЕПС вызвала неоднозначную реакцию у восточных соседей, которые в разной степени легитимации оценили новую политику. В ответ на непреднамеренные последствия ЕПС 6 мая 2009 года в Праге на саммите стран-членов и официальных лиц ЕС была запущена инициатива Восточного партнерства (ВП).

Совместная Декларация с шестью восточноевропейскими партнерами – Республикой Беларусь, Украиной, Молдовой, Грузией, Арменией и Азербайджаном – была подписана ЕС с целью более тесного сотрудничества с регионом. Ее инициаторами стали Швеция и Польша. Подписание инициативы явилось важным шагом к созданию оптимальных условий для ускорения образования политических ассоциаций и дальнейшей экономической интеграции между ЕС и заинтересованными странами-партнерами. Несомненно, в случае Республики Беларусь, наибольший интерес и потенциал развития представляет собой взаимосвязь с исторически близкими регионами Прибалтики – Польшей, Литвой, Латвией и Калининградской областью. Помимо выгодного географического расположения, позволяющего упростить и облегчить многие торговые процессы, данные регионы предоставляют возможность развития направления, слабо включенного в экономическую политику Беларуси в силу территориальных факторов – а именно выход к морю и возможности морских перевозок, наиболее дешевых и в то же время связывающих воедино ведущие мировые торговые державы.

1 ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЁРСТВО И ЦЕЛИ ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Программа Восточного Партнерства предполагает достаточно интересный спектр оригинальных проектов, а также инструментов и ресурсов для их реализации. Новаторство программы состоит в первую очередь в применении двухвекторного подхода по отношению к странам региона, который предусматривает не только углубление двусторонних отношений ЕС с заинтересованными сторонами, но и благодаря многостороннему направлению способствует развитию новых отношений ЕС с теми странами, которые до этого не имели структурированных отношений с ЕС (например, Республика Беларусь), а также развитию отношений внутри региона. Как уже упоминалось, Республика Беларусь принята в программу «Восточное партнерство» вместе с Азербайджаном, Арменией, Грузией, Молдовой и Украиной. Эта программа, созданная по инициативе Польши и Швеции, направлена на развитие особых отношений в регионе, граничащем со странами бывшего постсоветского пространства. Нельзя не отметить, что Республика Беларусь с большой заинтересованностью отнеслась к программе «Восточное партнерство». Как было отмечено представителями Европейской комиссии, отвечающей за данный проект, Республика Беларусь стала активным участником всех четырех платформ Восточного Партнерства и всех флагманских инициатив. Белорусские эксперты сотрудничали на всех уровнях программы.

Как показывают исследования, усилия руководства Республика Беларусь позитивно оценивались как за рубежом, так и жителями страны. Позитивная оценка населением страны внешнеполитической деятельности руководства резко возросла. В значительной мере это свидетельствует о поддержке гражданами изменений во внешнеполитическом курсе Республика Беларусь (Белицкий 2017, с. 4-13; Литвинюк 2009, с. 182).

Поворот ЕС к Республике Беларусь продиктован желанием строить прогнозируемые и экономически выгодные взаимоотношения, а также заинтересован в стабильности и предсказуемости развития сотрудничества. Республика Беларусь имеет значение для ЕС как транзитная страна, как перспективный рынок для вложения инвестиций. Несмотря на довольно сильную политизированность официальных взаимоотношений нашей страны со странами Европейского Союза и пессимистические прогнозы относительно перспектив развития программы Восточного Партнерства, Беларусь находит экономические точки соприкосновения с европейскими странами, особенно значение придавая развитию программ взаимодействия с ближайшими соседями.

В рамках данной программы одним из наиболее целесообразных и перспективных направлений является трансграничное экономическое сотрудничество. Оно предполагает гармонизацию экономической и социальной политики, создание локальных рынков товаров и услуг, активизацию инвестиционной деятельности. Процессы глобализации и интернационализации, меняющие территориальную и отраслевую структуру мировой экономики, влияют на базовые характеристики белорусской. Обозначим следующие общие причины повышения актуальности проблем трансграничного сотрудничества и исследований регионального экономического развития в глобальном контексте:

- приоритетность проблемы соотношения внешней и внутренней торговли в условиях формирования единого, нового трансграничного экономического пространства страны при объективном развитии внешних связей;
- совершенствование механизмов экономического управления территориальным развитием для пограничных регионов Беларуси;
- необходимость целостной системы управления трансграничным развитием. Традиционные и новые механизмы региональной политики существуют в различном правовом поле и в рамках реструктуризации трансграничного пространства;
- повышение значимости факторов усиления экономического развития в структуре механизмов трансграничной политики;
- глобализация мировой экономики, инновационно проявляющаяся на трансграничном пространстве Республики Беларусь (Давыденко 2016, с. 51).

Если сопоставить данные безусловно важные и перспективные с экономической точки зрения аспекты с декларируемыми целями Восточного партнерства, то несложно отметить сходство позиций и некоторое единство перспектив, а ведь именно это может стать в будущем залогом эффективной реализации идей программы. Так, среди ее деклараций значатся:

- политическая и экономическая интеграция между ЕС и странами-партнерами;
- содействие безопасности, стабильности и надлежащему управлению;
- стимулирование сотрудничества между организациями гражданского общества и органами государственной власти стран-партнеров;

- поощрение контактов между людьми благодаря либерализации визового режима в долгосрочной перспективе и в индивидуальном порядке, после того как будут удовлетворены необходимые предварительные условия;
- повышение энергетической безопасности;
- содействие реформированию отрасли и охране окружающей среды.

Не секрет, что приведенные здесь выдержки из программы во многом носят откровенно декларативный характер. Цели Восточного партнерства предполагались к осуществлению в двустороннем и многостороннем формате.

Двусторонний формат предполагает углубление двусторонних связей между Европейским союзом и каждым из восточных партнеров. Это достигается путем заключения двусторонних соглашений, таких как соглашения об ассоциации, углубленные и всеобъемлющие соглашения о зонах свободной торговли, двусторонний диалог по либерализации виз, а также путем более тесного двустороннего сотрудничества в ряде областей и технического содействия.

Многосторонний формат представляет собой структуру, в которой ЕС и восточные партнеры преодолевают общие вызовы в качестве группы. Многосторонний формат продвигает цели Восточного партнерства посредством четырех многосторонних (тематических) платформ и шести флагманских инициатив.

Реализация программы «Восточное партнерство» нацелена на реальное сближение стран-партнеров с Европейским союзом. Данная цель заключается в создании структуры для многостороннего сотрудничества со странами-партнерами на основе так называемых четырех тематических платформ:

- по делам демократии, эффективного управления и стабильности – охватывает вопросы, связанные с избирательными стандартами, свободой СМИ, борьбой с коррупцией, реформой государственной службы, сотрудничеством в области правосудия и полиции, мерами укрепления доверия, вопросами безопасности и т.д.
- по делам экономической интеграции и сближения с политиками ЕС – касается унифицирования рыночных и торговых решений, социально-экономического развития, борьбы с бедностью и т.н. социальной изоляцией, равенства шансов, а также вопросов, связанных со здоровьем, окружающей средой и климатическими изменениями.
- по вопросам энергетической безопасности – охватывает вопросы, связанные с унификацией энергетической политики и правовых решений в государствах Партнерства с практикой/правом Европейского союза, восстановление (строительство) основных объектов энергетической инфраструктуры, а также с поддержкой т.н. южного энергетического коридора (продление нефтепровода Одесса-Броды и др.)
- отношения между людьми – касается вопросов, связанных с культурным сотрудничеством, поддержкой неправительственных организаций и гражданского общества, студенческими и школьными обменов, а также присоединением стран-партнеров к Рамочной научно-исследовательской программе и совместным медиальным проектам (Давыденко 2016, с. 51, 52).

Среди «флагманских инициатив» Восточного Партнерства можно перечислить следующие:

1. Интегрированная программа управления границами (IBM)
 - бюджет 44.5 млн. EUR;
 - начата 15.09.2009.
 - В рамках выше указанной флагманской инициативы утвержден к реализации ряд учебных и экспериментальных проектов, среди которых, кроме всего прочего: демаркация белорусско-украинской границы, создание электронной системы обмена информацией между таможенными службами Украины и Беларуси, оборудование пограничных переходов Бавра и Баграташен (между Грузией и Арменией), а также строительство пограничного перехода Унгури-Бронница (между Молдовой и Украиной).
 2. Поддержка малого и среднего бизнеса (SME Facility)
 - бюджет 57 млн. EUR.
 - Инициатива основывается на трех правилах:
 - программа East-Invest – улучшение инвестиционного климата в государствах ВП, а также создание сети связей между малым и средним бизнесом государств ЕС и ВП (7 млн. EUR);
 - инструмент финансовой поддержки SME Facility – поддержка развития кредитных рынков для малого и среднего бизнеса в странах ВП при помощи займов и гарантий Европейского инвестиционного банка, и Европейского банка реконструкции и развития; бюджет 30 млн. EUR плюс около 350 млн. EUR от EBI и EBOiR;
 - программа менеджерской поддержки и бизнес-консалтинга (20 млн. EUR).
 3. Региональные рынки электроэнергии, возобновляемых источников энергии и энергоэффективности.
 - бюджет 41 млн. EUR;
 - инициатива состоит из четырех элементов:
 - техническая помощь;
 - исследование выполнимости;
 - поддержка разработки и реализации «планов действий в области устойчивой энергетики»;
 - содействие участию государств ВП в «Intelligent Energy Europe Programme».
- В рамках данной инициативы реализуется проект в области энергоэффективности и охраны окружающей среды – инициатива Швеции в адрес Украины, а позже остальных государств ВП.
4. Экологический менеджмент (Environmental Governance)
 - бюджет 12 млн. EUR;
 - содействие охране окружающей среды, укрепление процесса экологического менеджмента – повышение доступности достоверной информации,

касающейся охраны окружающей среды, повышение уровня информированности.

- Инициатива охватывает мероприятия в двух областях:
 - создание информационной системы об окружающей среде;
 - доступ к информации на тему окружающей среды.
5. Система борьбы со стихийными бедствиями и катастрофами, вызванными человеком.
- бюджет 12 млн EUR;
 - реализация в двух фазах:
 - обзор правовой базы в отношении стихийных бедствий и механизмов защиты населения (6 млн. EUR);
 - сотрудничество между странами ЕС и ВП, включая стажировки, обучающие программы, приобретение оборудования (6 млн. EUR) (Давыденко 2016, с. 52, 53).

Многое из этих заявлений так и осталось на уровне деклараций: как показал прошедший в Риге в мае 2015 года саммит Восточного Партнерства, политические интересы и выгоды пока преобладают над экономическими. Многие эксперты дают довольно пессимистический прогноз дальнейшему развитию данной инициативы, поскольку политические соображения подчас способны идти вразрез с самым здравым экономическим смыслом. И тем не менее, между странами – участницами программы Восточного Партнерства идет медленный процесс углубления экономического взаимодействия.

2 ФИНАНСОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Важным фактором функционирования трансграничного экономического сотрудничества является финансирование трансграничных проектов и программ в рамках еврорегионов. Структура финансирования трансграничного сотрудничества в рамках еврорегионов определяется их уставом. В соответствии с соглашением сотрудничающих сторон организационные структуры еврорегиона имеют обязанность участвовать в согласованном финансировании его деятельности. Эти финансовые средства накапливаются на счетах участников соглашения и формируются из таких источников как вклады членов еврорегиона, взносы организаций-спонсоров, благотворительные вклады, а также субсидии административных единиц макроуровня, в том числе местные и центральные средства. Финансовые поступления делают возможным содержание органов трансграничного сотрудничества (структур объединений, коммунальных союзов, секретариатов, рабочих групп). Использование этих средств на совместные цели устанавливается путем соглашений между сторонами еврорегиона. В целом приграничные регионы Западной Европы могут пользоваться всеми доступными программами развития, программами помощи ЕС, ВБ, ЕБРР и ЕИБ.

В рамках ЕС для поддержки европейского трансграничного сотрудничества действуют три основных структурных фонда: ЕФО и ГСХ, ЕФОР и ЕФРР (табл. 1). Дополнительно на наиболее социально-экономически отсталых территориях используется ФС, целью которого является создание инфраструктуры, необходимой для функционирования трансграничного сотрудничества.

Таблица 1. Финансовые инструменты региональной и межрегиональной политики ЕСи их программное использование

Table 1. Financial instruments of the EU regional and interregional policy and their programmatic use

Финансовые источники	Название фондов, программ и их назначение
Структурные фонды	Европейский фонд регионального развития (EFRR)
	Европейский фонд общественного развития (EFSD)
	Европейский фонд ориентации и гарантии для сельского хозяйства (EAGGF)
Фонд сплоченности (CF)	
Предвступительные вспомогательные фонды (Pre-accession Funds)	PHARE – Программа финансовой и технической поддержки реструктуризации экономики в странах Центральной и Восточной Европы.
	ISPA – Программа поддержки инвестиционных проектов, связанных с развитием инфраструктуры транспорта и охраны окружающей среды, для стран-кандидатов в Евросоюз
	SAPARD – Программа, направленная на модернизацию сельскохозяйственных предприятий и развитие сельских районов в странах-кандидатах в ЕС
	TACIS – Программа финансовой и технической поддержки в реализации политико-экономических преобразований для стран СНГ и Монголии
Инициативы Сообщества	INTERREG III – Программа поддержки добрососедских контактов и общественной стабильности в странах Центральной и Восточной Европы через финансирование проектов, обеспечивающих пользу регионам и общественности по обе стороны границы
	LEADER II – Действия программы направлены на структурное развитие депрессивных сельскохозяйственных регионов путем создания сети взаимосвязей между территориями государств-участников
	LIFE – Программа поддержки регионов в сфере охраны окружающей среды
	RECITE – Программа поддержки сотрудничества между регионами в вопросе обмена знаниями и опытом
	PACTE – Действия программы направлены на налаживание или усиление сотрудничества в области обмена знаниями и новыми технологиями
	LEONARDO – Программа поддержки гуманитарного сотрудничества регионов с целью улучшения качества образования и создания инновационных систем обучения

Источник: разработка автора на основе Portal Funduszy Europejskich, pobrane z: <http://www.funduszeuropejskie.gov.pl/>. – Дата доступа: 20.01.2019.

Кроме вышеуказанных фондов в ЕС созданы также предвступительные вспомогательные фонды (Pre-accession Funds) (табл. 1). Эти фонды «согласовываются» с правительствами отдельных стран и являются дополнительным источником финансирования, поддерживающим уже существующие программы помощи. Для приграничных регионов значимым является тот факт, что в соответствии с принципами вышеизложенных фондов программы и проекты трансграничного сотрудничества трактуются как приоритетные задачи. Использование европейских структурных фондов в большей степени зависит от выработки соответствующих программ и проектов заинтересованными сторонами по согласованию с правительствами. Европейские структурные фонды в основном направлены на поддержание устойчивого развития, а также для перестройки инфраструктуры; а в экономической сфере – на инвестиции.

Специфическим инструментом региональной политики ЕС являются так называемые Инициативы Сообщества. Это программы помощи, дополняющие средства структурных фондов в экономическом круге вопросов и являющиеся своеобразным противовесом на повторяющиеся конкретные проблемы в процессе развития трансграничного сотрудничества (Шимов 2007, с. 3-8).

Региональные Инициативы Сообщества носят характер наднациональных программ, подготовка и реализация которых осуществляется с широким вовлечением и активным участием регионов. Основной целью Инициатив Сообщества является помощь в создании благоприятных факторов развития предприятий на территориях европейского рынка и возрастающей конфедерации, при этом предполагается, что углубление сотрудничества не только не вызовет ухудшения ситуации в этих районах, но напротив создаст условия для их более интенсивного межрегионального развития (Weidenfeld 1999, с. 453).

3 РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ИНСТРУМЕНТА ДОБРОСОСЕДСТВА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

«Внедрение механизма установления добрососедских отношений», согласно разработанной интеграционной стратегии ЕС, происходит в три этапа:

- 1) 2004/2006 гг. – реализация программ Добрососедства;
- 2) 2007/2013 гг. – реализация программ в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП);
- 3) после 2013 г. – заключение соглашений о Добрососедстве.

В настоящее время программы трансграничного сотрудничества ЕС являются составной частью Европейского инструмента Добрососедства (ЕИД). Основная цель политики Добрососедства – закрепить существующие успехи, полученные в результате координации различных механизмов и выполнении существующих соглашений и обязательств до конца 2020 г. Программы Добрососедства разрабатываются совместно участниками с обеих сторон границы.

Регламент ЕИД для программ трансграничного сотрудничества устанавливает: правила географической приемлемости, механизмы программирования, механизмы распределения финансирования, механизмы управления (Regulation(EU) 2014). Примерное содержание Правил реализации программ трансграничного сотрудничества вводится отдельным регламентом (Programming ENI-2014-2020).

Стратегические и тематические цели трансграничного сотрудничества до 2020 г. изложены в разработанном ЕК и Службой внешних действий ЕС Документе программирования помощи ЕС в сфере трансграничного сотрудничества в рамках ЕИД (Commission Implementing Regulation (EU) No 897/2014).

Таблица 2. Программы трансграничного сотрудничества ЕИД на 2014-2020 гг., которые доступны Республике Беларусь

Table 2. Programs of cross-border cooperation of the EID for 2014-2020, which are available to the Republic of Belarus

Программа	Страны-участницы и их территориальные единицы	Источник финансирования, млн евро		
		ЕИД	ЕФРР	Общая сумма
Программы сухопутных границ				
Польша-Беларусь-Украина	Польша: субрегионы Подкарпатского, Подляского, Люблинского, Мазовецкого воеводств Беларусь: Гродненская, Брестская, Гомельская, Минская области, г. Минск Украина: Львовская, Волынская, Закарпатская, Ровенская, Тернопольская и Ивано-Франковская области	37	37	74
Латвия-Литва-Беларусь	Латвия: Латгальский и Земгальский регионы Литва: Утенский, Вильнюсский, Алитусский, Паневежский уезды Беларусь: Гродненская, Витебская, Минская, Могилевская области, г. Минск	87,9	87,9	175,8
Программа морского бассейна				
Регион Балтийского моря	Финляндия, Швеция, Дания, Норвегия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Беларусь, Германия (Мекленбург-Передняя Померания, Шлезвиг-Гольштейн, Бранденбург, Люнебург, Берлин, Гамбург, Бремен), Россия (Мурманская, Ленинградская, Псковская, Калининградская, Вологодская, Новгородская, Архангельская области, Республика Карелия, Республика Коми, Ненецкий округ, Санкт-Петербург)	8,8*	263,8	8,8*

* Средства только для заявителей из Беларуси и России при подписании этими странами соответствующих соглашений о финансировании.

Источник: разработка автора на основе: Совместная операционная программа Регион Балтийского моря. pobrane z: http://www.interreg-baltic.eu/fileadmin/user_upload/about_programme/BSR-Cooperation-Programme.pdf [10].

Трансграничное сотрудничество на европейском континенте строится на пре-емственной основе: во-первых, при разработке стратегии и правил реализации программ трансграничного сотрудничества ЕИД учтен опыт реализации программ предшествующего периода, во-вторых, как и в программный период 2007-2013 гг., в 2014-2020 гг. в рамках ЕИД реализуется три основных типа программ, включающие: общую сухопутную границу, короткий морской переход, программы морского бассейна.

В 2014-2020 гг. ЕС финансирует 12 программ сухопутной границы, 1 программу морского перехода, а также 4 программы морского бассейна. Для Республики Беларусь в вышеназванный период доступны три программы трансграничного сотрудничества ЕИД (табл. 2): Польша-Беларусь-Украина, Латвия-Литва-Беларусь, Регион Балтийского моря.

Анализ доступных Республике Беларусь программ трансграничного сотрудничества ЕИД показал, что программа трансграничного сотрудничества «Регион Балтийского моря» реализуется исключительно по правилам внутренней программы ЕС «Территориальное сотрудничество в Европе», включая составляющую, которая финансируется из средств ЕИД (табл. 2). Поэтому программу «Регион Балтийского моря» на период 2014-2020 гг. следует рассматривать как внутреннюю программу ЕС с частичным финансированием из средств ЕИД.

По способу реализации программы трансграничного сотрудничества ЕС в Беларуси делятся на две группы: на основе программ трансграничного сотрудничества ЕИД, правил использования средств ЕФРР для поддержки Европейского территориального сотрудничества. К первой группе относятся программы «Польша-Беларусь-Украина» и «Латвия-Литва-Беларусь», а ко второй группе – «Регион Балтийского моря».

Вопросы софинансирования программ решаются странами-участницами программ в процессе их разработки и отражаются в документах, утвержденных ЕК. Согласно этим документам, страны-партнеры софинансируют программы «Польша-Беларусь-Украина», «Латвия-Литва-Беларусь» и «Регион Балтийского моря» на уровне государства. Республика Беларусь в софинансировании упомянутых программ на уровне государства не участвует.

Сравнительный анализ приоритетов программ трансграничного сотрудничества ЕИД с участием Республики Беларусь и стратегии трансграничного сотрудничества ЕИД показали, что для Беларуси доступны 9 из 11 тематических целей трансграничного сотрудничества. Эти цели были выбраны странами-участницами программ совместно. В частности, не востребованы в программах с участием Беларуси тематические цели: 1 «Развитие бизнеса, а также малых и средних предприятий» и 9 «Продвижение и сотрудничество в области устойчивой энергетики и энергетической безопасности».

Главной особенностью программ трансграничного сотрудничества ЕС на 2014-2020 гг. является их переход на совместно-раздельное управление с государствами-членами ЕС, которое предполагает тесное сотрудничество органа управления, национального органа и органа аудита для обеспечения общей

ответственности за управление программой. Для этого необходимо эффективное и четкое распределение обязанностей и ролей всех участвующих стран, в том числе и стран-партнеров в сферах управления, контроля, аудита и возмещения средств на базе распределения обязанностей между участвующими странами и созданной системы управления и контроля (включая аудит) во всех странах.

От Республики Беларусь для всех программ трансграничного сотрудничества ЕИД в качестве национального органа определено Министерство иностранных дел, а в группу аудиторов делегирован представитель Министерства финансов; функции контроля возложены на Центр международной технической помощи Европейского союза.

Не являясь страной-кандидатом в ЕС, Республика Беларусь не может получить полноценную финансово-экономическую поддержку трансграничного сотрудничества. Хотя ее приграничные регионы все же попадают в сферу экономических и геополитических интересов «Большой Европы» и Положений «Нового механизма установления добрососедских отношений».

4 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ источников финансового обеспечения трансграничного сотрудничества показал, что финансовое наполнение может формироваться по-разному и в различных пропорциях. Это могут быть как бюджетные средства – ЕС, государств, на территории которых расположены еврорегионы, регионов и территорий местного самоуправления; так и внебюджетные – главным образом, привлеченные средства различных фондов, финансовых организаций, предприятий и предпринимателей.

Реализация трансграничных программ имеет стратегическое значение, т. к. развивает обмен и углубляет сотрудничество в сфере экономики, культуры, социальных вопросов и образования на местном и межгосударственном уровнях. Однако разработанный ЕК механизм Добрососедства Восточного партнёрства требует корректировки с общей системой приграничной политики ЕС, т. к. должен иметь связь с другими механизмами, включая национальные программы финансовой помощи, а также сочетаться с политикой и механизмами конкретных отраслевых программ (например, Шенгенские льготы, TEMPUS и т.д.).

В период становления трансграничного сотрудничества финансовое обеспечение этого сотрудничества в значительной части обусловлено местными бюджетами. Эти первоначальные вложения необходимы, чтобы активизировать сотрудничество в рамках еврорегиона, обеспечить жизнедеятельность его структуры, являясь, по сути, способом привлечения финансовых средств из прочих источников, включая финансовую поддержку структурных фондов и Инициатив Сообщества ЕС.

Наиболее значимый экономический, социальный и экологический эффект приграничные регионы Республики Беларусь могут получить при условии разра-

ботки и успешной реализации **целевых комплексных программ** развития трансграничного сотрудничества, а также реализации **совместных проектов**, существующих еврорегионов на основе специально принятых и финансируемых (с участием средств бюджета ЕС) трансграничных программ. В долгосрочной же перспективе «катализатором» развития трансграничного сотрудничества может быть частный капитал, для которого необходимо создать приемлемые условия финансирования.

Выявлено, что институционализация межгосударственных отношений с перспективой развития трансграничного сотрудничества на практике сталкивается с рядом законодательных, инфраструктурных, финансовых, природных, информационных и общественных барьеров. Их устранение возможно при должной финансовой поддержке трансграничного сотрудничества, направленной главным образом на повышение эффективности экономического сотрудничества и развитие инфраструктуры на приграничных территориях соседних государств: Беларуси, Польши, Литвы, Латвии, Украины, России.

Литература

- Давыденко Л.Н.** (2016), *Экономическая аналитика: учеб.-метод. пособие*, БГЭУ Минск, с. 49-53.
- Белицкий В.Ф., Былина И.В., Гончарова Д.В.** (2017), *Особенности подготовки и реализации программ трансграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента добрососедства*, «Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь», № 4, с. 4-13.
- Литвинюк А.И., под науч. ред. д-ра экон. наук Л.Н. Давыденко** (2009), *Трансграничное сотрудничество и еврорегиональная кооперация*, БГПУ Минск, с. 182.
- Основные правила INTERREG* (2000) (выпуск III), OJС143 от 23 мая 2000 г., Centrum Informacji Europejskiej, pobrane z: <http://www.cie.gov.pl/>. – Date of access: 20.02.2007.
- Шимов В.Н., Мишкевич М.В., Турбан Г.В.** (2007), *Внешнеэкономические отношения Беларуси и Европейского союза в контексте Европейской политики соседства*, Проблемы развития транзитивной экономики: инновационность, устойчивость, глобализация, материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22-23 мая 2007 г.), БГЭУ Минск, с. 3-8.
- Weidenfeld W., Wessels W.** (1999), *Europa od A do Z. Podręcznik integracji europejskiej*, Wokół Nas Gliwice, с. 453.
- Regulation (EU) No 232/2014 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2014 establishing a European Neighbourhood Instrument, pobrane z: http://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2014.077.01.0027.01.ENG.
- Programming of the European Neighbourhood Instrument (ENI) – 2014-2020. Programming document for EU support to ENI Cross-Border Cooperation (2014-2020), pobrane z: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/cbc_2014-2020_programming_document_en.pdf.
- Commission Implementing Regulation (EU) No 897/2014 of 18 August 2014 laying down specific provisions for the implementation of cross-border cooperation programmes financed under Regulation (EU) No 232/2014 of the European Parliament and the Council establishing a European Neighbourhood Instrument. Official Journal of the European Union 19.8.2014, pobrane z: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014R0897>.
- Совместная операционная программа Регион Балтийского моря, pobrane z: http://www.interreg-baltic.eu/fileadmin/user_upload/about_programme/BSR-Cooperation-Programme.pdf

Татьяна **Филипчик**

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

CURRENT PROBLEMS AND AREAS OF IMPROVEMENT OF LEGISLATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

АННОТАЦИЯ

Вопросы качества и эффективности законов всегда находились в центре внимания юридической науки и практики. Сегодня можно вести речь о том, что ряд проблем современного законодательства носят универсальный характер. Следовательно, совершенствование законодательства – это необходимый и неизбежный процесс, который в каждом государстве приобретает разные формы с учетом политико-правовых, социально-экономических особенностей, культурных и исторических традиций.

Автор анализирует актуальные проблемы, тенденции и закономерности развития законодательства Республики Беларусь, рассматривает наиболее приоритетные направления его совершенствования на современном этапе.

ABSTRACT

The quality and effectiveness of laws have always been the subject of legal science and practice. Today we can say that many of the problems of modern legislation are universal in nature. Therefore, the improvement of legislation is a necessary and inevitable process, which in each state acquires different forms, taking into account political, legal, socio-economic features, as well as cultural and historical traditions.

The author analyzes current problems, trends, and patterns of development of the legislation of the Republic of Belarus and considers the most priority directions of its improvement at the present stage.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

законодательства, совершенствование
законодательства

KEYWORDS

legislation, improvement of legislation

ВВЕДЕНИЕ

Новые тенденции в развитии белорусского общества, выражающиеся в обновлении и усложнении общественных отношений, оказали значительное влияние на изменения в правовом пространстве страны, в том числе и на функционирование всей системы правового регулирования. В последнее время в обыденном и научном сознании укоренилось представление о низкой эффективности принимаемых законов, иных нормативных актов, правового регулирования в целом. Изменения, происходящие в общественной жизни, приводят к тому, что правовые нормы, верно отражавшие общественные потребности, могут быстро устаревать, и, как следствие, утрачивать свою эффективность. Следовательно, совершенствование законодательства – необходимый, естественный и неизбежный процесс, в основе которого должен лежать глубокий научный анализ результатов правового регулирования (Филипчик Т. В. 2011, с. 103).

Период социальных, экономических, политических трансформаций в постсоветских странах связан с активной законотворческой деятельностью. Для многих республик бывшего Советского Союза этот процесс из-за отсутствия достаточного опыта является довольно сложным, а его результаты не всегда отвечают современным реалиям. Поэтому в настоящее время особое внимание ученых и практиков приковано к проблемам совершенствования законодательства.

Анализ научной литературы позволяет выделить некоторые современные тенденции и черты развития законодательства:

- основная цель современного законодательства – провозглашение и защита прав и свобод человека, создание механизмов их реализации;
- расширение сферы правового регулирования и возрастание роли закона;
- расширение сферы экономических отношений, что способствует повышению внимания законодателя к экономическим проблемам;
- расширение сферы действия норм и принципов международного права, влияние их на развитие и функционирование национальной правовой системы.

Сегодня можно констатировать, что «проблемы эффективности законодательства являются настолько же старыми, насколько и новыми, постоянно обновляющимися под влиянием изменения типа правосознания, морально-психологического восприятия права и других факторов» (Горбань В. С. 2009, с. 52).

При этом следует отметить, что, несмотря на особенности и специфику исторического, правового, политического, социально-экономического развития современных государств, некоторые проблемы в сфере законодательства существенно не различаются и приобретают универсальный характер. С развитием и усложнением самой системы права, появлением новых отраслей законодательства особо остро встал вопрос о приведении его в упорядоченное, внутренне согласованное состояние.

Анализ и обобщение законотворческой практики Республики Беларусь и других государств позволили обозначить ряд общих проблем, требующих теоретического и практического разрешения.

Во-первых, увеличение массива нормативных правовых актов. Активная правотворческая деятельность последних лет потребовала существенного обновления законодательства. Ежегодно, начиная с 1999 г., в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь в среднем регистрируется около десяти тысяч правовых актов. Значительный объем принятых и принимаемых норм оказывает влияние на развитие национальной правовой системы и нормативного массива как ее ключевого элемента.

Чрезмерное увлечение законодательствованием, по мнению французского ученого А. Гарапона, когда это приводит к появлению огромного числа законов в стране, ведет к «истощению юридической системы. Неумелое обращение с законотворчеством может быть не только бесполезным, но и даже опасным для общества» (Гарапон А. 2004, с. 41).

Законы обрастают таким множеством дополнений и нормативных разъяснений, что установление их подлинного смысла и надлежащее применение оказывается почти невозможным. По мнению американского правоведа Л. Фуллера «закон, который меняется ежедневно, хуже отсутствия закона» (Фуллер Л. Л. 2007, с. 52). Большое количество законодательных актов, не обеспеченных соответствующими возможностями политико-правовой системы, приводит к инфляции законов, они теряют свою социальную полезность и не пользуются уважением со стороны тех, кому они были адресованы (Горбань В. С. 2009, с. 46-47). Понятие «инфляции законов» употребляет и А. Гарапон, полагая, что в таком состоянии законы образуют огромный «склад» норм, трудно поддающихся усвоению и порождающих непредвиденные эффекты (Гарапон А. 2004, с. 42).

Российский правовед В. С. Горбань отмечает, что «причинами такого состояния являются различные факторы, среди которых следует назвать невысокий профессиональный уровень законотворцев, стихийность в развитии социальных и экономических отношений, по отношению к которой должно обеспечиваться на уровне законодательных технологий и общей законодательной правовой культуры такое важное свойство законов, как разумная индифферентность к стихийному и многовариантному развитию общественных отношений» (Горбань В. С. 2009, с. 45).

Во-вторых, несмотря на существенные достижения в совершенствовании приемов и правил юридической техники, повышении содержательного и юридикотехнического качества нормативных правовых актов, имеется ряд проблем, требующих пристального внимания как со стороны ученых, так и нормотворческих структур.

Это касается наличия большого количества отсылочных норм, различия в терминологии законодательных актов, чрезмерной перегруженности норм, затрудняющей их понимание. В Национальном центре правовой информации (НЦПИ)

подсчитали, что в законодательстве содержится 24 различных определения термина «близкие родственники», 47 – термина «перевозчик».¹

В-третьих, немаловажной проблемой является недостаточное прогнозирование последствий принятия нормативных правовых актов при подготовке их проектов, что влечет внесение дополнений, изменений либо отмену этих актов сразу после их принятия.

Законодательство является результатом правотворческой деятельности. Именно на этапе правотворчества формируются потенциальные свойства правовой нормы, исходные показатели эффективности правовых предписаний, а «последующие этапы правового регулирования уже напрямую связаны с качественным их содержанием» (Бойко Л. Н. 2009, с. 140).

С учетом вышеизложенного представляется необходимым выделить факторы в сфере правотворчества, которые лежат в основе совершенствования законодательства и являются предпосылкой потенциальной эффективности норм права.

Одной из самых важных и «ответственных» в процессе правотворчества является стадия разработки проекта нормативного правового акта.

При этом «необходимо учитывать, что в современных исследованиях поднимается вопрос о необходимости разработки новых подходов к учету и отражению непосредственно в законодательном процессе накопленных общественной практикой идей, подходов к стихийному нормативному регулированию, моделей поведения» (Мурашко Л. О. 2011, с. 101).

На стадии разработки проекта нормативного правового акта важно учесть многие факторы: правовые возможности, конкретно-исторические условия, уровень экономического, социального и культурного развития общества, правовые традиции и другие особенности конкретной правовой системы.

Процесс познания объективной действительности, реальных потребностей общества должен осуществляться на научной основе. Повышение роли науки является одним из приоритетных направлений современной правотворческой политики. Отсутствие четкого, научно обоснованного представления о том, каким должно быть законодательство и возможные последствия его реализации, не приведет к достижению поставленных перед правотворчеством задач. Стабильность и высокое качество законодательства могут быть обеспечены только в том случае, когда принцип «научности правотворчества» найдет свое достойное место и последовательную реализацию.

К средствам обеспечения научной обоснованности нормативных правовых актов относят не только экспертизу законопроектов, но и «различные качественные и количественные методы, применяемые в области социальных наук (интервью, наблюдения, анализ текста, практические тесты, демонстрационные программы, моделирование, эксперимент, прогноз, системный анализ, создание

¹ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, Новости PRAVO.BY, 31 марта, 2017 г., Нац. центр правовой информ., режим доступа: <http://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2017/march/23548/> дата доступа: 03.12.2017

сценариев и др.), которые используются в сочетании друг с другом для получения надежных и более точных результатов» (Беликова К. М. 2008, с. 39).

Процесс совершенствования законодательства предполагает наряду с учетом законодателем объективной действительности, общественных потребностей, еще и учет правил юридической техники при формулировании и конструировании правовых норм. По мнению К. М. Беликовой на этом «техническом периоде рождения нормы допускается множество ошибок, приводящих впоследствии к появлению у нее различных пороков» (Беликова К. М. 2008, с. 40).

С одной стороны, включение в текст нормативных актов различных дефинитивных разъяснений обыденных понятий, общеупотребительных слов и выражений «перегружает» акты и мало оправдано. С другой стороны, неопределенность понятий и терминов и недостаточная смысловая проработка нормативных актов приводит не только к ошибочному их толкованию, но и, соответственно, произвольному применению (Беликова К. М. 2008, с. 40). Все это, как и избыточное количество отсылочных норм, и внесение дополнений и изменений в только что принятые правовые акты затрудняет их реализацию.

В Республике Беларусь особое внимание уделяется вопросам совершенствования технико-юридических свойств норм права, имеются определенные достижения в этой области.

В Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», который вступил в силу с 1 февраля 2019 года поставлена задача «упростить правила нормотворческой техники, применяемые при подготовке проектов нормативных правовых актов. Одним из нововведений законопроекта является определение единых обязательных требований к подготовке проектов нормативных правовых актов всех нормотворческих органов».²

В указанном Законе закреплены основные требования нормотворческой техники, в том числе к терминологии, а также языковые, стилистические требования, предъявляемые к тексту нормативного правового акта; общие вопросы подготовки проектов новых нормативных правовых актов, внесения изменений в нормативные правовые акты, толкования, приостановления, возобновления, продления действия, отмены и признания нормативных правовых актов (их структурных элементов) утратившими силу.

Как справедливо отмечает В. С. Горбань «адекватность инструментария, применяемого при формулировании норм, является предпосылкой того, что воля законодателя будет правильно и ясно истолкована» (Горбань В. С. 2009, с. 108). В идеале правовые понятия должны быть сформулированы так, чтобы не оставлять пространства для произвольного толкования.

В правовой науке и практике в ряде случаев приходится определять теоретическую, проектируемую эффективность норм права, поскольку либо нет фактических, реальных результатов действия таких норм, либо не представляется возмож-

² О нормативных правовых актах Республики Беларусь (2019), Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г., № 130-З, ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Минск.

ным их установить. Подобные ситуации могут возникнуть, например, при составлении прогнозов эффективности норм права на стадии их подготовки и последующей апробации. Это необходимо для того, чтобы правотворческий орган имел представление об эффективности действия проектируемых новелл до того, как они будут приняты и вступят в действие.

Средством преодоления многих правотворческих ошибок является системное научное прогнозирование как развития законодательства, так и эффективности применения прогнозируемых норм (Филипчик Т. В. 2012, с. 39-40).

Исследование как юридического прогнозирования, так и прогнозирования эффективности правовых актов проводилось еще рядом советских ученых (В. П. Казимирчук, В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, В. М. Сырых и др.). Тем не менее, многие научные разработки в этой сфере оказались невостребованными практикой современного законодательства.

Прогнозирование тенденций развития законодательства и характера социальных последствий практики реализации правовых нововведений является одним из приоритетных направлений правотворческой политики во многих странах, в том числе и в Республике Беларусь.

Потребность в правовом прогнозировании обусловлена активной нормотворческой деятельностью государственных органов, результаты которой в значительной степени зависят от прогнозов, основанных на анализе общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании.

Достаточный уровень эффективности законодательства во многом может быть достигнут при помощи грамотного правового прогнозирования. Эффективность закона предполагает оценку его качества прежде всего с точки зрения того, насколько полно выполнены поставленные в нем задачи, достигнута ли поставленная цель правового регулирования, хорошо ли он сбалансирован с системой действующего законодательства, насколько благоприятны возможные или уже наступившие социально-экономические и иные последствия введения его в действие.

Разработка рекомендаций по прогнозированию законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм поможет открыть новые пути развития законодательства и правовой системы в целом (Радченко В. И., О. А. Иванюк, и др. 2008, с. 14).

В Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» закрепляется содержание и порядок осуществления прогнозирования последствий принятия (издания) нормативных правовых актов; а также прогнозирование финансово-экономических, социальных, экологических и иных последствий принятия (издания) нормативного правового акта.³

Безусловно, прогнозирование и последующее планирование правотворчества должно осуществляться на основе анализа правоприменительной практики.

³ О нормативных правовых актах Республики Беларусь (2019), Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г., № 130-З, ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Минск.

Совершенствование законодательства выдвигает необходимость обобщения практики, учета критики со стороны лиц, на которых закон распространяет свое действие. Более внимательное и систематическое наблюдение за действием законов, связанное с предоставлением обратной информации от правоприменителя к законодателю, не только повысило бы качество и эффективность законов, но одновременно способствовало бы решению целого ряда сложных проблем. Обилие изменений, вносимых в законы, быстрая замена принятых норм затрудняют информирование тех, кому законы адресованы.

Во многих зарубежных странах все большую актуальность приобретает практика оценки законодательства. По мнению ряда зарубежных исследователей (в частности профессора Л. Мадера), под оценкой подразумевается анализ и определение влияния законодательства. Это общее определение включает три элемента. Во-первых, оценка касается законодательства, то есть нормативных актов и административных решений, основанных на этих актах. Во-вторых, оценка определяет влияние закона, причинно-следственные отношения между законодательными действиями и социальной действительностью. В-третьих, оценка является попыткой методически проанализировать и оценить воздействие законодательства.⁴ Таким образом, основная цель оценки – получение законодателем знаний и представлений о действии законодательства в реальной действительности для выбора наиболее оптимальных направлений и способов его совершенствования.

В последние десятилетия оценка получила распространение в законодательной практике многих стран (Швейцарии, ФРГ, Франции, США и др.). В этих странах широко используется как перспективная, так и ретроспективная оценка. В европейских странах создаются специальные органы или службы, ответственные за оценку законодательства. Они могут самостоятельно оценивать воздействие законодательства или уполномочивать внешних специалистов.

В настоящее время с учетом зарубежного опыта в Республике Беларусь начинает развиваться такое направление в совершенствовании законодательства как оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ). В Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» содержится положение, согласно которому «оценка регулирующего воздействия проекта нормативного правового акта на условия осуществления предпринимательской деятельности проводится в целях выявления положений, устанавливающих избыточные обязанности, запреты и ограничения, необоснованные расходы для субъектов предпринимательской деятельности».⁵ Согласно Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2016–2020 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 февраля 2016 г., № 149,

4 Мадер Л. (2003), *Оценка законодательства – вклад в повышение качества законов* [в:] „Оценка законов и эффективности их принятия, материалы Междунар. семинара, Совет Европы, Гос. Дума, Рязань, 16-17 октября 2002 г., Изд. Гос. Думы, Москва, с. 25-35.

5 *О нормативных правовых актах Республики Беларусь* (2019), Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г., № 130-З, ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Минск.

предусмотрено внедрение основ процедуры ОРВ в отношении административных процедур для бизнеса.⁶

Позитивно оценивая шаги по внедрению ОРВ в республике, И. П. Сидорчук отмечает, что «ОРВ следует рассматривать как эффективный инструмент в руках самих регуляторов правовых отношений – государственных органов (должностных лиц). Эта технология позволит им не только прогнозировать последствия принимаемых правовых решений, но и обеспечить выработку наиболее оптимальных и объективных из них за счет усиления социально-экономической обоснованности, прогностической и рискованности составляющих» (Сидорчук И. П. 2017, с. 24).

Оценка регулирующего воздействия для нашей республики процесс новый и сложный, требующий проведения дальнейших исследований на основе анализа зарубежного опыта, разработки методологической основы для его проведения и др.

Закон играет роль основного политико-правового средства регулирования наиболее важных общественных отношений. Во все времена проблема повышения качества и эффективности закона являлась актуальной и находилась в центре внимания ученых и практиков.

В настоящее время поиск путей и средств обеспечения соответствия законов ожиданиям и потребностям общества, общим и конкретным социально-экономическим, идеологическим, культурно-психологическим и организационным условиям, в которых они будут действовать, необходимость решения проблем множественности и качества законов возлагает на законодателя особую ответственность и требует особо высокого уровня компетентности и профессионализма.

В основе любого закона лежит определенная концепция, которая показывает действительное наличие проблемы, степень ее актуальности, необходимость решить ее именно законодательным путем, отсутствие альтернатив решения проблемы. Ж. Жоуберт однажды справедливо заметил, что «лучше рассмотреть проблему, не решая ее, чем решить, не рассмотрев ее прежде» (Горбань В. С. 2009, с. 83).

В Республике Беларусь с 2005 г. в ежегодных планах подготовки законопроектов предусматривается разработка концепций наиболее сложных и значимых проектов законов.

При разработке планов подготовки законопроектов Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (далее – Центр) всесторонне оценивается обоснованность внесенных предложений, необходимость принятия законопроектов, их соответствие реальным социально-экономическим потребностям общества.

В содержании концепции в обобщенном виде находят свое отражение практически все факторы, которые заложены в основу совершенствования законодательства: постановка правильной, научно обоснованной цели правового акта с

⁶ Государственная программа «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2016–2020 гг. (2018), постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 февр. 2016 г., № 149, ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Минск.

учетом законодателем объективной действительности, реальных потребностей общества, возможностей и условий реализации будущих норм; формулирование и конструирование норм с учетом соблюдения правил юридической техники; прогнозирование последствий действия правового акта; планирование деятельности по его разработке и принятию; обобщение и анализ правоприменительной практики; учет национального менталитета; использование результатов научных исследований в правотворческом процессе.

Таким образом, нами делается вывод о том, что приоритетным направлением правотворческой политики в области совершенствования современного законодательства является подготовка качественной концепции проекта правового акта, особенно закона, что позволит не только избежать правотворческих ошибок, но станет прочным фундаментом будущего правового акта, предпосылкой его эффективности.

Несмотря на то, что в Республике Беларусь имеется определенный опыт в подготовке концепций проектов законов, следует обратить внимание на некоторые, на наш взгляд, принципиально важные моменты.

Во-первых, подготовку качественных концепций законов затрудняет неопределенность понятия «концепция закона»; смешение концепции закона с идеей закона, с обоснованием закона либо с другими документами; отсутствие в научной литературе ясности в вопросе о содержании концепции, а также о ее структурных элементах. Это требует проведения необходимых исследований, в том числе разработки четких правил, которые необходимо применять при подготовке концепции закона в целях обеспечения ее должного качества.

Во-вторых, на стадии разработки концепции законопроекта важно учесть правовые возможности для реализации будущего акта, которые не должны отрываться от реальной действительности, в противном случае закон рискует остаться на бумаге.

В-третьих, разработка концепции законопроекта – весьма сложная и ответственная работа, результаты которой отражаются на всех последующих стадиях законодательного процесса. Важнейшее требование – качество концепции закона, поскольку ошибочная концепция закона может не только не привести к ожидаемому результату нормативного правового регулирования конкретных общественных отношений, но и в наибольшей степени повлечь за собой негативные последствия (Филипчик Т. В. 2015, с. 203-209).

В настоящее время очевидным является тот факт, что развитие национального законодательства в той или иной сфере осуществляется с учетом опыта зарубежных стран. Следует также признать, что совершенствование законодательства не может проходить обособлено от процессов интеграции и глобализации, в условиях которых возрастает роль гармонизации законодательства, что обусловлено объективными экономическими, экологическими, социальными, политическими, культурными и иными факторами. Гармонизация законодательства «осуществляется на саморегулятивной основе путем заимствования соответствующих норм

и институтов у других систем, унификации и других способов» (В. А. Абрамович и др. 2016, с. 92).

Заимствование прогрессивного зарубежного правового опыта, по мнению Л.Н. Бойко, «помогает заполнять существенные пробелы в национальной правовой системе...». Но лишь дополнять, а не подменять, иначе «это самым непредсказуемым образом может сказаться на национальной правовой действительности, результатом чего является неэффективность права вследствие его неясности и отсутствия целесообразности для граждан, что проявляется в подрыве его престижа и вырабатывает у населения убеждение в его ненужности» (Бойко Л. Н. 2009, с. 137).

В литературе встречается точка зрения, согласно которой учету национального правового менталитета принадлежит особая роль при разработке и принятии нормативных правовых актов.

На наш взгляд, вопросы понимания, методики изучения, роли правового менталитета в повышении качества правового регулирования общественных отношений требуют отдельного изучения и исследования. Следует признать, что в процессе совершенствования национального законодательства учету национального менталитета, исторических традиций и духовных ценностей народа следует уделить особое внимание.

На наш взгляд, весьма важно при заимствовании зарубежного опыта учитывать правовые традиции, сформированную на протяжении длительного времени систему ценностей, особенности менталитета народа и т.д. Иначе искусственное заимствование не принесет положительных результатов, а может дать и не планируемый законодателем противоположный эффект.

В связи с этим можно привести пример, когда на стадии разработки концепции законопроекта пришлось отказаться от планируемого закона. Речь идет о проекте Закона Республики Беларусь «О противодействии домашнему насилию», который был вынесен на всенародное обсуждение и вызвал высокий общественный резонанс. Против этого Закона выступили многие граждане, общественные и религиозные организации, политические деятели, депутаты.

Как заявил председатель постоянной комиссии Палаты представителей по образованию, культуре и науке Игорь Марзалюк на пресс-конференции в Минске 27 сентября 2018 г. «в Беларуси существуют необходимые правовые инструменты для противодействия семейному насилию, и принятие нового закона в этой области может навредить традиционной системе отношений».⁷

Глава Конференции католических епископов Беларуси архиепископ Тадеуш Кондрусевич также выступил против этого проекта с заявлением, что утверждения об «укреплении института семьи», содержащиеся в Концепции, прямо противоречат ее содержанию, которое атакует традиционные семейные ценности, глубоко

⁷ Марзалюк И. (2018), *Проект закона о противодействии домашнему насилию противоречит традиционным ценностям*, режим доступа: <https://news.tut.by/society/609616.html>, дата доступа: 27.02.2019.

противоречит национальным, культурным, а также духовным традициям белорусского народа.

После резонанса в обществе от подготовки отдельного закона в Министерстве внутренних дел решили отказаться и считают целесообразным свои предложения проработывать в рамках корректировки действующих законодательных актов страны.⁸

В связи с этим хотелось бы отметить, что, не смотря на то, что во многих странах законодательство, регулирующие вопросы семейного и домашнего насилия, нашло полную поддержку и признание, в нашем государстве вызвало негативную реакцию общественности. Таким образом, процесс совершенствования национального законодательства должен сопровождаться заимствованием прогрессивного зарубежного опыта, но с учетом национальных традиций и существующей системы ценностей.

В целом можно сделать вывод, что Республика Беларусь в процессе совершенствования законодательства изучает и внедряет прогрессивный опыт зарубежных стран в правотворческой сфере. Об этом свидетельствует активное развитие таких институтов, как правовой мониторинг, оценка регулирующего воздействия, прогнозирование последствий действия нормативных правовых актов и другие. Однако сегодня сложно судить о результатах и делать выводы о том, насколько эффективно «работают» эти механизмы, так как дать такую оценку можно будет через некоторое время.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Совершенствование законодательства является обязательной предпосылкой, основополагающим фактором, обуславливающим эффективность норм права. Законодательство является результатом правотворчества, именно на данном этапе формируются потенциальные свойства правовой нормы, закладываются основы ее эффективности. Последующие этапы правового регулирования уже напрямую связаны с качественным содержанием норм права.
2. Одной из самых важных является стадия разработки проекта нормативного правового акта, по результатам которой можно вести речь о потенциальной эффективности нормы права либо об отсутствии таковой, а уже в процессе реализации соответствующей нормы становится ясной ее действительная, реальная эффективность.
3. В качестве приоритетных направлений совершенствования законодательства как условия эффективности норм права рассматриваются следующие:
 - постановка четких целей, ради которых принимаются нормативные правовые акты и соответствие избранных правовых средств цели. В процессе постановки целей необходимо ориентироваться на единую систему основополагающих, универсальных и принципиально важных ценностей,

⁸ МВД отказалось от подготовки закона о противодействии домашнему насилию (2018), режим доступа: <https://news.tut.by/society/612506.html>, дата доступа: 27.02.2019.

реальные потребности общества в конкретный период, интересы участников общественных отношений;

- учет правовых возможностей, которые не должны отрываться от реальной действительности, конкретно-исторических условий, уровня социально-экономического и культурного развития общества;
- обеспечение научной обоснованности, формирование четкого научно обоснованного представления о том, каким должно быть законодательство и возможные последствия его реализации;
- подготовка качественных концепций проектов нормативных правовых актов;
- учет специфических закономерностей права и соблюдение правил юридической техники при формулировании и конструировании правовых норм;
- прогнозирование тенденций развития законодательства и социальных последствий его реализации;
- планирование деятельности по достижению целей правовых норм;
- систематическое наблюдение за действием законов, связанное с предоставлением обратной информации от правоприменительных органов;
- включение оценки регулирующего воздействия при подготовке проектов нормативных правовых актов с целью повышения их качества и эффективности;
- учет национального правового менталитета при разработке и принятии нормативных правовых актов, заимствовании зарубежного опыта в процессе совершенствования национального законодательства.

Литература

Филипчик Т. В. (2011), *О плюралистическом подходе к эффективности норм права [в:] Роль гражданского общества, социального и правового государства в защите и реализации прав человека*, материалы межвуз. науч.–практ. конф., Гродно, 19 мая 2011 г., Гроднен. фил. БИП, ред. кол. С. И. Викторова (и др.), Ламарк, Гродно, с. 59-60.

Горбань В. С. (2009), *Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства*, ИД «Юриспруденция», Москва, с. 160.

Гарапон А. (2004), *Хранитель обещаний: суд и демократия*, Nota Bene, Москва, с. 328.

Фуллер Л. Л. (2007), *Мораль права*, ИРИСЭН, Москва, с.306.

Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, Новости PRAVO.BY, 31 марта, 2017 г., Нац. центр правовой информ., режим доступа: <http://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2017/march/23548/> дата доступа: 03.12.2017.

Бойко Л. Н. (2009), *Эффективность права под углом национального правового менталитета*, «Журнал российского права», № 5(149), с. 134-141.

Мурашко Л. О. (2011), *Об аксиологической концепции правообразования*, «Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь», № 1, с. 96-102.

Беликова К. М. (2008), *Современные представления об эффективности правового регулирования и ее оценке*, «Теория и методология сравнительного правоведения» № 3, с. 35-41.

О нормативных правовых актах Республики Беларусь (2019), Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г., № 130-З, ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Минск.

Филипчик Т. В. (2012), *Совершенствование законодательства как условие эффективности норм права* [в:] *Роль гражданского общества, социального и правового государства в защите и реализации прав человека*, материалы II межвузовской науч.-практ. конф., Гродно, 24 мая 2012 г., ред. С. И. Викторова (и др.), УП Экоперспектива, Гродно, с. 103-105.

Радченко В. И., О. А. Иванюк и др. (2008), *Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм*, «Журнал российского права», № 8 (140), с. 3-14.

Мадер Л. (2003), *Оценка законодательства – вклад в повышение качества законов* [в:] «Оценка законов и эффективности их принятия, материалы Междунар. семинара», Совет Европы, Гос. Дума, Рязань, 16-17 октября 2002 г., Изд. Гос. Думы, Москва, с. 25-35.

Государственная программа «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2016–2020 гг. (2018), постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 февр. 2016 г., № 149, ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Минск.

Сидорчук И. П. (2017), *Оптимизация правового регулирования на основе оценки регулирующего воздействия*, «Право.by», № 1 (45), с. 21-25.

Филипчик Т. В. (2015), *Разработка концепции проекта закона как предпосылка его эффективности*, «Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні: науч.-практ. и информ.-методический журн.» № 2, с. 203-209.

В. А. Абрамович и др., (ред.) В. И. Павлов (2016), *Основы устойчивого развития национальной правовой системы в XXI столетии: методология, теория, практика*, Бизнесофсет, Минск, с. 278.

Марзалиук И. (2018), *Проект закона о противодействии домашнему насилию противоречит традиционным ценностям*, режим доступа: <https://news.tut.by/society/609616.html>, дата доступа: 27.02.2019.

МВД отказалось от подготовки закона о противодействии домашнему насилию (2018), режим доступа: <https://news.tut.by/society/612506.html>, дата доступа: 27.02.2019.

Геннадий **Хацкевич**
Андрей **Проневич**

ДВУХФАКТОРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ С ПОСТОЯННОЙ ЭЛАСТИЧНОСТЬЮ ПРОИЗВОДСТВА

TWO-FACTOR PRODUCTION FUNCTIONS WITH CONSTANT ELASTICITY OF PRODUCTION ABSTRACT

АННОТАЦИЯ

В работе решена обратная задача восстановления двухфакторных производственных функций исходя из заданной постоянной эластичности производства. Описано все множество двухфакторных производственных функций, имеющих постоянную эластичность выпуска по масштабу производства (класс однородных двухфакторных производственных функций). Указаны основные экономико-математические характеристики двухфакторных производственных функций, заданных в неявной и явной формах. Выделенный класс двухфакторных производственных функций содержит многие хорошо известные функции, такие как производственные функции Кобба-Дугласа, CES, Лу – Флетчера, Лиу – Хильдебранда, VES, Кадияла и др. Полученные результаты могут быть использованы при моделировании реальных производственных процессов, которые имеют постоянную эластичность производства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

производственная функция, обратная задача эластичность выпуска по капиталу, эластичность выпуска по труду, эластичность производства

ABSTRACT

The paper solves the inverse problem of identifying two-factor production functions based on a given constant elasticity of production. The study describes all the set of two-factor production functions having constant output elasticity by production scale (class of homogeneous two-factor production functions). The main economic and mathematical characteristics of two-factor production functions given in implicit and explicit forms are given. A separate class of two-factor production functions contains many well-known functions, such as the production functions of Cobb-Douglas, CES, Lu-Fletcher, Liu-Hildebrand, VES, Kadiyala, etc. The obtained results can be used in modeling real production processes, which have constant elasticity of production.

KEYWORDS

production function, inverse problem, output elasticity with respect to capital, output elasticity with respect to labor, production elasticity

ВВЕДЕНИЕ

Понятие производственной функции, описывающей зависимость выпуска продукции от затрат, сформировалось на рубеже XIX и XX вв. В экономическую теорию термин «производственная функция» был введен в 1891 году (Berry 1891) английским математиком А. Берри, помогавшим А. Маршаллу при подготовке математического приложения к его монографии «Принципы экономической науки» (Маршалл 1993). Однако попытки установить зависимость выпуска продукции от количества используемых ресурсов и придать этой зависимости некоторую аналитическую форму имели место задолго до этого (исторический обзор по становлению теории производственных функций смотри, например, в работах (Humphrey 1997; Mishra 2010; Тарасевич, Гальперин, Игнатьев 2000, Симонов 2009), а современное состояние и обзор литературы по этому направлению приведены в монографиях (Клейнер 1986, Клейнер 2016, Горбунов 2013)).

В настоящее время производственная функция выступает базовым элементом математического моделирования производственных систем на различных уровнях – от крупного предприятия до национальных экономик (Горбунов 2013). Ввиду большого разнообразия экономических процессов одной из основных проблем при их моделировании становится задача выбора аналитической формы производственной функции. Прежде всего, этот выбор обуславливается теоретическими соображениями, которые должны учитывать особенности взаимосвязей между конкретными ресурсами и результативными признаками. Необходимо также учитывать особенности статистических данных, по которым оцениваются параметры производственной функции.

Данная работа посвящена исследованию двухфакторных производственных функций с постоянной эластичностью производства.

Рассмотрим двухфакторную производственную функцию

$$Y : (K, L) \rightarrow F(K, L) \quad \forall (K, L) \in G, \quad (1)$$

где K – капитал (объем основных фондов в стоимостном или натуральном выражении), L – труд (объем трудовых ресурсов, т.е. число рабочих, число человеко-дней, человеко-часов и т.п.), Y – объем выпущенной продукции в стоимостном или натуральном выражении, а неотрицательная функция F является дважды непрерывно дифференцируемой на области G из первого квадранта

$$\mathbf{R}_+^2 = \{(K, L) : K > 0, L > 0\}.$$

Каждая из двухфакторных производственных функций (1) характеризуется рядом экономико-математических показателей:

1) средняя производительность капитала (труда)

$$AP_K(F) = \frac{F(K, L)}{K} \left(AP_L(F) = \frac{F(K, L)}{L} \right),$$

которая показывает среднюю отдачу каждой единицы капитала (труда);

2) предельная производительность капитала (труда)

$$MP_K(F) = \frac{\partial F(K, L)}{\partial K} \left(MP_L(F) = \frac{\partial F(K, L)}{\partial L} \right),$$

которая приближенно показывает на сколько изменится объем выпуска продукции в случае использования дополнительной единицы капитала (труда) и неизменном количестве труда (капитала);

3) эластичность выпуска по капиталу (по труду)

$$E_K(F) = \frac{MP_K(F)}{AP_K(F)} \equiv \frac{K}{F(K, L)} \frac{\partial F(K, L)}{\partial K}$$

$$\left(E_L(F) = \frac{MP_L(F)}{AP_L(F)} \equiv \frac{L}{F(K, L)} \frac{\partial F(K, L)}{\partial L} \right),$$

которая приближенно показывает на сколько процентов изменится объем выпуска продукции при изменении количества капитала (труда) на 1% и условии, что количество труда (капитала) остается неизменным;

4) эластичность производства (или эластичность выпуска по масштабу производства)

$$E(F) = \lim_{t \rightarrow 1} \frac{t}{F(tK, tL)} \frac{\partial F(tK, tL)}{\partial t} \equiv E_K(F) + E_L(F),$$

которая приближенно показывает на сколько процентов изменится объем выпуска продукции, если масштаб использования факторов изменится на 1%;

5) предельная норма замещения (труда капиталом)

$$S_{LK}(F) = \frac{\partial F(K, L)}{\partial L} : \frac{\partial F(K, L)}{\partial K},$$

которая приближенно показывает на сколько процентов нужно увеличить (или уменьшить) использование фактора K чтобы компенсировать уменьшение (или увеличение) использования фактора L на 1%;

6) эластичность замещения (труда капиталом)

$$\sigma_{LK}(F) = \frac{d(K/L)}{K/L} \cdot \frac{dS_{LK}(F)}{S_{LK}(F)} = \frac{d \ln(K/L)}{d \ln S_{LK}(F)} \text{ при } F(K, L) = const,$$

которая приближенно показывает на сколько процентов изменится фондовооруженность труда $k = K/L$ при изменении предельной нормы замещения труда капиталом $S_{LK}(F)$ на 1%. Для вычисления эластичности замещения факторов производственной функции (1) будем также использовать формулу, непосредственно выражающую эластичность замещения через факторы (капитал и труд) и частные производных

$$\sigma_{LK}(F) = \frac{\left(K \frac{\partial F}{\partial K} + L \frac{\partial F}{\partial L} \right) \cdot \frac{\partial F}{\partial K} \cdot \frac{\partial F}{\partial L}}{KL \left(2 \frac{\partial F}{\partial K} \cdot \frac{\partial F}{\partial L} \cdot \frac{\partial^2 F}{\partial K \partial L} - \left(\frac{\partial F}{\partial K} \right)^2 \frac{\partial^2 F}{\partial L^2} - \left(\frac{\partial F}{\partial L} \right)^2 \frac{\partial^2 F}{\partial K^2} \right)}.$$

В случае, когда двухфакторная производственная функция (1) является однородной степени μ , формула для вычисления эластичности замещения факторов принимает более простой вид

$$\sigma_{LK}(F) = \frac{\frac{\partial F(K, L)}{\partial K} \cdot \frac{\partial F(K, L)}{\partial L}}{(1 - \mu) \frac{\partial F(K, L)}{\partial K} \cdot \frac{\partial F(K, L)}{\partial L} + \mu F(K, L) \frac{\partial^2 F(K, L)}{\partial K \partial L}}.$$

В процессе развития теории производственных функций определился набор стандартных производственных функций, обладающих заранее определенными свойствами (например, однородности и заданной эластичности замещения факторов). Укажем некоторые наиболее распространенные двухфакторные производственные функции, широко используемые в практике моделирования производственных процессов.

В 1928 году американскими учеными Ч.У. Коббом и П.Х. Дугласом в работе «Теория производства» (Cobb, Douglas 1928) для описания влияния величины затрачиваемого капитала и труда на объем выпускаемой продукции в обрабатывающей промышленности США за 1899 – 1922 гг. была использована степенная функция (двухфакторная производственная функция Кобба–Дугласа)

$$Y : (K, L) \rightarrow AK^\alpha L^\beta \quad \forall (K, L) \in \mathbf{R}_+^2, \quad A > 0, \quad \alpha, \beta \in (0; 1), \quad \alpha + \beta = 1. \quad (2)$$

В своей более поздней статье (Douglas 1976) П.Х. Дуглас снял предположения об условиях, накладываемых на показатели степеней α и β функции (2). Отметим также и то, что впервые (Humphrey 1997, Нейман 2003) в качестве теоретической модели производства степенная функция (2) была использована шведским экономистом К. Викселлем в начале XX века.

Большое применение в экономическом анализе получила производственная функция CES (или ACMS-функция)

$$Y : (K, L) \rightarrow A(aK^{-\gamma} + (1-a)L^{-\gamma})^{-\mu/\gamma} \quad \forall (K, L) \in G, \quad A > 0, \quad a \in [0; 1], \quad (3)$$

$$\gamma \in [-1; 0) \cup (0; +\infty),$$

которая была предложена Р.М. Солоу в 1956 году (Solow 1956). Эта функция была использованная (Arrow и др. 1961) в 1961 году учеными-экономистами К.Д. Эрроу, Х.Чинери, Б.С. Минхас и Р.М. Солоу для анализа реальных национальных экономик, после чего она стала широко применяться как модель производства, более адекватная реальности, чем функция Кобба–Дугласа (2). Из CES-функции (3) при $\gamma = -1$, $\mu = 1$ получаем линейную однородную производственную функцию

$$Y : (K, L) \rightarrow bK + cL \quad \forall (K, L) \in \mathbf{R}_+^2, \quad b = aA, \quad c = (1-a)A; \quad (4)$$

при $\gamma \rightarrow 0$ имеем производственную функцию Кобба–Дугласа с параметрами $\alpha = a\mu$, $\beta = (1-a)\mu$; а при $\gamma \rightarrow +\infty$ предельной для CES-функции (3) является функция с фиксированными пропорциями (производственная функция Леонтьева при $\mu = 1$)

$$Y : (K, L) \rightarrow A \cdot \min(K^\mu; L^\mu) \quad \forall (K, L) \in \mathbf{R}_+^2, \quad A > 0. \quad (5)$$

Так, например, для двухфакторных производственных функций (2) – (4) экономико-математические показатели приведены в таблице 1, где использовано обозначение $k = K/L$ – фондовооруженность труда.

Производственные функции (2) – (5) являются примерами однородных функций постоянной эластичности замещения факторов производства: функция Кобба–Дугласа (2) имеет единичную эластичность замещения; для CES-функции (3) эластичность замещения факторов производства равна $1/(1 + \gamma)$, у линейной функции (4) эластичность замещения факторов бесконечна, а для функции Леонтьева (5) эластичность замещения факторов равна нулю. В общем случае, класс однородных двухфакторных производственных функций (1) с постоянной эластичностью замещения факторов производства описывается следующим утверждением (см., например, (Losonczi 2010)).

Таблица 1. Экономико-математические характеристики производственных функций (2) – (4)

Table 1. Economic and mathematical characteristics of production functions (2) – (4)

№	Показатель	Функция Кобба–Дугласа	CES – Функция (при $\mu = 1$)	Линейная функция
1.	$R_K(F)$	$AK^{\alpha-1}L^\beta$	$A(a + (1-a)k^\gamma)^{-1/\gamma}$	$b + \frac{c}{k}$
2.	$R_L(F)$	$AK^\alpha L^{\beta-1}$	$A(ak^{-\gamma} + 1 - a)^{-1/\gamma}$	$bk + c$
3.	$M_K(F)$	$\alpha \cdot R_K(F)$	$\frac{a}{A^\gamma} (R_K(F))^\gamma$	b
4.	$M_L(F)$	$\beta \cdot R_L(F)$	$\frac{1-a}{A^\gamma} (R_L(F))^\gamma$	c
5.	$E_K(F)$	α	$\frac{a}{A^\gamma} (R_K(F))^\gamma \equiv \frac{a}{a + (1-a)k^\gamma} \frac{bk}{bk + c}$	
6.	$E_L(F)$	β	$\frac{1-a}{A^\gamma} (R_L(F))^\gamma \equiv \frac{(1-a)k^\gamma}{a + (1-a)k^\gamma} \frac{c}{bk + c}$	
7.	$E(F)$	$\alpha + \beta$	1	1
8.	$S_K(F)$	$\frac{\beta}{\alpha} k$	$\frac{1-a}{a} k^{\gamma+1}$	$\frac{c}{b}$
9.	$\sigma_K(F)$	1	$1(1 + \gamma)$	∞

Источник: разработана авторами

Предложение 1. Пусть двухфакторная производственная функция (1) является однородной степени $m \neq 0$ и имеет постоянную эластичность замещения факторов производства $\sigma \neq 0$. Тогда двухфакторная производственная функция (1) имеет аналитический вид

$$Y:(K, L) \rightarrow \begin{cases} AK^\alpha L^{m-\alpha} & \text{if } \sigma = 1; \\ (aK^\rho + bL^\rho)^{m/\rho} & \text{if } \sigma \neq 1, \end{cases}$$

где число α такое, что $\alpha \neq 0$ и $\alpha \neq m$, числа $A, a, b > 0$, а $\rho = (\sigma - 1)/\sigma$.

Однако класс однородных производственных функций с постоянной эластичностью замещения факторов производства в полной мере не позволяет описывать реальные процессы производства, что приводит к задаче его расширения

в разных направлениях (см., например, работы: Клейнер 1986, Клейнер 2016, Горбунов 2013 и Liu, Hildebrand 1965; Lu, Fletcher 1968; Sato, Hoffman 1968; Revankar 1971; Kadiyala 1972; Господарик, Ковалев 2015; Хацкевич, Проневич 2017; Khatskevich, Pranevich 2017; Khatskevich, Pranevich 2018).

В данной статье описано все множество двухфакторных производственных функций с постоянной эластичностью производства (класс двухфакторных однородных производственных функций) и найдены экономико-математические характеристики указанного класса двухфакторных производственных функций.

Производственные функции с постоянной эластичностью производства

Класс двухфакторных производственных функций с постоянной эластичностью выпуска по масштабу производства описывает

Теорема 1. Пусть производственный процесс имеет постоянную эластичность производства $E(F) = \mu \quad \forall (K, L) \in \mathbf{R}_+^2$, $\mu = const$. Тогда множество всех производственных функций (1), описывающих этот производственный процесс, задается неявно в виде соотношения

$$\Phi\left(\frac{K}{L}, \frac{F}{L^\mu}\right) = 0, \quad (6)$$

где Φ – произвольная дифференцируемая функция.

Доказательство. Если производственный процесс имеет постоянную эластичность производства μ , то производственная функция (1), описывающая этот процесс, находится из дифференциального уравнения в частных производных первого порядка (согласно характеристикам 3) и 4) производственной функции)

$$K \frac{\partial F(K, L)}{\partial K} + L \frac{\partial F(K, L)}{\partial L} = \mu F(K, L). \quad (7)$$

Квазилинейному уравнению в частных производных первого порядка (7) соответствует обыкновенная дифференциальная система в симметрической форме

$$\frac{dK}{K} = \frac{dL}{L} = \frac{dF}{\mu F}. \quad (8)$$

Интегрируя дифференциальное уравнение

$$\begin{aligned} \frac{dK}{K} = \frac{dL}{L} &\Leftrightarrow d \ln K = d \ln L \Leftrightarrow d \ln \frac{K}{L} = 0 \Leftrightarrow \\ &\Leftrightarrow \ln \frac{K}{L} = \tilde{C}_1 \Leftrightarrow \frac{K}{L} = C_1, \end{aligned}$$

где $C_1 = \exp \tilde{C}_1$ и \tilde{C}_1 – произвольные вещественные постоянные, получаем, что рациональная функция $\xi_1 : (K, L) \rightarrow \frac{K}{L} \quad \forall (K, L) \in \mathbf{R}_+^2$ является первым интегралом дифференциальной системы (8).

Из дифференциального уравнения $\frac{dL}{L} = \frac{dF}{\mu F}$ имеем

$$\frac{dF}{F} = \frac{\mu dL}{L} \Leftrightarrow \ln F = \ln L^\mu + \tilde{C}_2 \Leftrightarrow \ln \frac{F}{L^\mu} = \tilde{C}_2 \Leftrightarrow \frac{F}{L^\mu} = C_2,$$

где $C_2 = \exp \tilde{C}_2$ и \tilde{C}_2 – произвольные вещественные постоянные. Поэтому функция

$$\xi_2 : (K, L) \rightarrow \frac{F(K, L)}{L^\mu} \quad \forall (K, L) \in G$$

является первым интегралом дифференциальной системы (8).

На основании функционально независимых на области G первых интегралов ξ_1 и ξ_2 системы (8) получаем решение уравнения (7) в неявной форме из соотношения (6). Учитывая аналитический вид функций-коэффициентов уравнения (7) и то, что производственная функция F непрерывно дифференцируема на области G на основании теоремы 3.1 из (Егоров 2007, с. 340-341) заключаем, что соотношение (6) определяет общее решение квазилинейного уравнения в частных производных первого порядка (7).

При выполнении условий теоремы о существовании и дифференцируемости неявной функции (см., например: Ильин, Позняк 2000, с. 545-546) для производственной функции (1), заданной в неявной форме (6), вычислим (таблица 2) экономико-математические характеристики первого и второго порядков.

Таблица 2. Экономико-математические характеристики производственной функции (1), заданной в неявной форме (6)

Table 2. Economic and mathematical characteristics of production function (1) given in implicit form (6)

№	Экономико-математическая характеристика
1.	$M_K(F) = -L^{\mu-1} \psi_1(\xi_1, \xi_2) \quad M_L(F) = L^{\mu-1} (\mu \xi_2 + \xi_1 \psi_1(\xi_1, \xi_2))$
2.	$E_K(F) = -\frac{\xi_1}{\xi_2} \psi_1(\xi_1, \xi_2) \quad E_L(F) = \mu + \frac{\xi_1}{\xi_2} \psi_1(\xi_1, \xi_2) \quad E(F) = \mu, \mu = const$
3.	$S_K(F) = -\left(\xi_1 + \frac{\mu \xi_2}{\psi_1(\xi_1, \xi_2)} \right) \psi_1(\xi_1, \xi_2) = \frac{\partial \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_1} : \frac{\partial \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_2}, \quad \xi_1 = \frac{K}{L},$ $\xi_2 = \frac{F}{L^\mu}$
4.	$\sigma_K(F) = \frac{\left(\xi_1 \frac{\partial \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_1} + \mu \xi_2 \frac{\partial \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_2} \right) \cdot \frac{\partial \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_1} \cdot \frac{\partial \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_2}}{\xi_1 \left((1-\mu) \left(\frac{\partial \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_1} \right)^2 \cdot \frac{\partial \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_2} - \mu \xi_2 \psi_2(\xi_1, \xi_2) \right)},$ $\psi_2(\xi_1, \xi_2) = \left(\frac{\partial \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_1} \right)^2 \frac{\partial^2 \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_2^2} + \left(\frac{\partial \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_2} \right)^2 \frac{\partial^2 \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_1^2} -$ $- 2 \frac{\partial \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_1} \frac{\partial \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_2} \frac{\partial^2 \Phi(\xi_1, \xi_2)}{\partial \xi_1 \partial \xi_2}$

Источник: разработана авторами

Ограничиваясь только теми функциями Φ , для которых функциональное уравнение (6) можно разрешить относительно второго аргумента (см., например: Ильин, Поняк 2000, с. 544-551), получаем следующее утверждение.

Следствие 1. Если некоторый производственный процесс имеет постоянную эластичность производства $E(F) = \mu \quad \forall (K, L) \in \mathbf{R}_+^2, \mu = const$, то его можно описать одной из производственных функций вида

$$F_\phi : (K, L) \rightarrow L^\mu \phi\left(\frac{K}{L}\right) \quad \forall (K, L) \in G, \quad (9)$$

где ϕ – произвольная неотрицательная непрерывно дифференцируемая функция на числовом луче $(0; +\infty)$.

Основные экономико-математические характеристики класса производственных функций с постоянной эластичностью производства (9) представлены в таблице 3.

Таблица 3. Экономико-математические характеристики производственной функции (2)

Table 3. Economic and mathematical characteristics of the production function (2)

№	Экономико-математическая характеристика	
1.	$\mathcal{R}_K(F_\varphi) = \frac{L^\mu}{K} \varphi\left(\frac{K}{L}\right)$	$\mathcal{R}_L(F_\varphi) = L^{\mu-1} \varphi\left(\frac{K}{L}\right)$
2.	$\mathcal{M}_K(F_\varphi) = L^{\mu-1} \varphi'(\xi) \Big _{\xi=\frac{K}{L}}$	$\mathcal{M}_L(F_\varphi) = L^{\mu-1} (\mu\varphi(\xi) - \xi \varphi'(\xi)) \Big _{\xi=\frac{K}{L}}$
3.	$E_K(F_\varphi) = \xi \frac{\varphi'(\xi)}{\varphi(\xi)} \Big _{\xi=\frac{K}{L}}$	$E_L(F_\varphi) = \mu - \xi \frac{\varphi'(\xi)}{\varphi(\xi)} \Big _{\xi=\frac{K}{L}}$
4.	$E(F_\varphi) = \mu, \mu = const$	
5.	$S_K(F_\varphi) = \left(\mu \frac{\varphi(\xi)}{\varphi'(\xi)} - \xi \right) \Big _{\xi=\frac{K}{L}}$	
6.	$\sigma_K(F_\varphi) = \frac{\varphi'(\xi)(\mu\varphi(\xi) - \xi \varphi'(\xi))}{\xi((\mu-1)(\varphi'(\xi))^2 - \mu\varphi(\xi)\varphi''(\xi))} \Big _{\xi=\frac{K}{L}}$	

Источник: разработана авторами

Класс двухфакторных производственных функций с постоянной эластичностью производства (9) достаточно «богат» и содержит многие известные и широко используемые на практике производственные функции:

- 1) если $\phi(\xi) = A\xi^\alpha$, то получаем двухфакторную производственную функцию Кобба-Дугласа (2) с $\beta = \mu - \alpha$;
- 2) если $\phi(\xi) = A(a\xi^{-\gamma} + 1 - a)^{-\mu/\gamma}$, то имеем CES-функцию (3);
- 3) если $\phi(\xi) = A(a\xi^\rho + (1-a)b\xi^{-\nu(1-\rho)})^{\mu/\rho}$, то получаем производственную функцию Лу-Флетчера (Lu, Fletcher 1968)

$$F : (K, L) \rightarrow A \left(aK^\rho + (1-a)b \left(\frac{K}{L} \right)^{-\nu(1-\rho)} L^\rho \right)^{\mu/\rho} \quad \forall (K, L) \in G, \quad G \subset \mathbf{R}_+^2,$$

которая при $\nu = 0, b = 1, \rho = -\gamma$ является CES-функцией;

- 4) если $\phi(\xi) = A((1-b)\xi^\rho + b\xi^{\nu\rho})^{\mu/\rho} \quad \forall \xi \in \mathbf{R}_+$ то мы получаем производственную функцию Лиу-Хильдебранда (Liu, Hildebrand 1965)

$$F : (K, L) \rightarrow A((1-b)K^\rho + bK^{\nu\rho}L^{(1-\nu)\rho})^{\mu/\rho} \quad \forall (K, L) \in G,$$

которая при $\nu = 0, a = 1 - b, \rho = -\gamma$ становится CES-функцией;

5) если $\phi(\xi) = A(a_1 \xi^{\alpha+\beta} + 2b_1 \xi^\alpha + c_1)^{\mu/(\alpha+\beta)}$, то получаем производственную функцию Кадияла (Kadiyala 1972)

$$F : (K, L) \rightarrow A(a_1 K^{\alpha+\beta} + 2b_1 K^\alpha L^\beta + c_1 L^{\alpha+\beta})^{\mu/(\alpha+\beta)} \quad \forall (K, L) \in G,$$

где $a_1 + 2b_1 + c_1 = 1$, $a_1, b_1, c_1 \geq 0$, $\alpha(\alpha + \beta) > 0$, $\beta(\alpha + \beta) > 0$. Производственная функция Кадияла при условии $b_1 = 0, c_1 = 1 - a_1, \alpha + \beta = -\gamma$ есть CES-функция. При $c_1 = 0, \alpha + \beta = \rho, a_1 = a, b_1 = \frac{1}{2}(1 - a)b, v = \frac{\alpha}{\alpha + \beta - 1}$

является производственной функцией Лу-Флетчерп, а при $a_1 = c_1 = 0$ - функцией Кобба-Дугласа. Полагая параметры $\alpha = \frac{1}{\delta\gamma} - 1, \beta = 1, \delta = \frac{1}{1 - a_1}, c_1 = 0$, получаем производственную функцию VES (Sato, Hoffman 1968; Revankar 1971)

$$F : (K, L) \rightarrow A_1 K^{(1-\delta\gamma)\mu} (L + (\delta - 1)K)^{\delta\gamma\mu} \quad \forall (K, L) \in G, A_1 > 0.$$

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе решена обратная задача восстановления двухфакторных производственных функций исходя из заданной постоянной эластичности производства. Описано все множество (теорема 1 и следствие 1) двухфакторных производственных функций, имеющих постоянную эластичность выпуска по масштабу производства (класс однородных двухфакторных производственных функций). Указаны основные экономико-математические характеристики двухфакторных производственных функций, заданных в неявной (таблица 2) и явной (таблица 3) формах. Выделенный класс производственных функций содержит многие хорошо известные функции, такие как производственные функции Кобба-Дугласа, CES, Лу-Флетчера, Лиу-Хильдебранда, VES, Кадияла и др.

Полученные теоретические результаты (теорема 1, следствие 1, таблицы 2 и 3) могут быть использованы при моделировании реальных производственных процессов, которые имеют постоянную эластичность производства.

Wkład autorów

Informacje o procentowym wkładzie poszczególnych osób w przygotowanie tekstu, z uwzględnieniem zwłaszcza udziału w koncepcję artykułu, treści teoretyczne i metodologiczne, przeprowadzenie badań, opracowanie danych, analizę i interpretację wyników:

1. Хацкевич Геннадий – 50%
2. Проневич Андрей – 50%

Литература

- Горбунов В.К.** (2013), *Производственные функции: теория и построение*, Ульяновский государственный университет, Ульяновск.
- Господарик Е.Г., Ковалев М.М.** (2015), *ЕАЭС-2050: глобальные тренды и евразийская экономическая политика*, Белорусский государственный университет, Минск.
- Егоров А.И.** (2007), *Обыкновенные дифференциальные уравнения с приложениями*, Физматлит, Москва.
- Ильин В.А., Позняк Э.Г.** (2000) *Основы математического анализа, часть I, Наука*. Физматлит, Москва.
- Клейнер Г.Б.** (1986), *Производственные функции: теория, методы, применение*, Финансы и статистика, Москва.
- Клейнер Г.Б.** (2016), *Экономика. Моделирование. Математика. Избранные труды*, ЦЭМИ РАН, Москва.
- Маршал А.** (1993), *Принципы экономической науки*, Прогресс, Москва.
- Нейман А.М.** (2003), *К. Виксель и его вклад в развитие экономической теории и экономического анализа*, «Экономический анализ: теория и практика», № 1, с. 5-11.
- Симонов П.М.** (2009), *Экономико-математическое моделирование*, Пермский государственный университет, Пермь.
- Тарасевич Л.С., Гальперин В.М., Игнатьев С.М.** (2000), *50 лекций по микроэкономике*, Экономическая школа, Санкт-Петербург.
- Хацкевич Г.А., Проневич А.Ф.** (2017), *Квазиоднородные производственные функции единичной эластичности замещения факторов по Хиксу*, «Экономика, моделирование, прогнозирование», вып. 11, с. 135-140.
- Arrow K.J., Chenery H.B., Minhas B.S., Solow R.M.** (1961), *Capital-labor substitution and economic efficiency*, "The Review of Economics and Statistics", vol. 43, no. 3, p. 225-250.
- Berry A.** (1891), *The pure theory of distribution*, "British Association of Advancement of Science: Report of the 60th Meeting", p. 923-924.
- Cobb C.W., Douglas P.H.** (1928), *A theory of production*, "American Economic Review", vol. 18, p. 139-165.
- Douglas P.H.** (1976), *The Cobb-Douglas production function once again: its history, its testing, and some new empirical values*, "Journal of Political Economy", vol. 84, no. 5, p. 903-916.
- Humphrey T.M.** (1997), *Algebraic production functions and their uses before Cobb-Douglas*, "Federal Reserve Bank of Richmond Economic Quarterly", vol. 83/1, p. 51-83.
- Kadiyala K.R.** (1972), *Production functions and elasticity of substitution*, "Southern Economic Journal", vol. 38, p. 281-284.
- Khatskevich G.A., Pranevich A.F.** (2017), *On quasi-homogeneous production functions with constant elasticity of factors substitution*, "Journal of Belarussian State University. Economics", no. 1, p. 46-50.
- Khatskevich G.A., Pranevich A.F.** (2018), *Production functions with given elasticities of output and production*, "Journal of Belarussian State University. Economics", no. 2, p. 13-21.
- Liu T.C., Hildebrand G.H.** (1965), *Manufacturing production functions in the United States*, Cornell University Press, Ithaca.
- Losoncz L.** (2010), *Production functions having the CES property*, "Acta Mathematica Academiae Paedagogicae Nyiregyhaziensis", vol. 26(1), p. 113-125.

Lu Y.C., Fletcher L.B. (1968), *A Generalization of the CES production function*, "Review of Economics and Statistics", vol. 50, p. 449-452.

Mishra S.K. (2010), *A brief history of production functions*, "The IUP Journal of Managerial Economics", vol. 8(4), p. 6-34.

Revankar N.S. (1971), *A class of variable elasticity of substitution production functions*, "Econometrica", vol. 39, no. 1, p. 61-71.

Sato R., Hoffman R.F. (1968), *Production function with variable elasticity of factor substitution: some analysis and testing*, "The Review of Economics and Statistics", vol. 50, p. 453-460.

Solow R.M. (1956), *A contribution to the theory of economic growth*, "Quarterly Journal of Economics", vol. 70, no. 1, p. 65-94.

Yuri Krivorotko

PARTICIPATORY BUDGETING IN BELARUS: EXPLORING DE POSSIBILITIES FOR DECENTRALIZED COOPERATION

BUDŻETOWANIE PARTYCYPACYJNE NA BIAŁORUSI: SPRAWDZANIE MOŻLIWOŚCI WSPÓŁPRACY ZDECENTRALIZOWANEJ

ABSTRACT

The process of decentralization of local communities and the participatory approach is one of the most difficult in recent years in the post-soviet countries and in Belarus, as well. Decentralized cooperation brings about the mutual cooperation between civil society and local authorities and enables the development of projects and activities supporting local democracy and economic and social development. They are also creating strong links between communities and citizens, creating dialogue and trust. One of the directions for decentralized cooperation is the public participation in the local budget process where the citizens have an opportunity to create budgets and include their own projects. The aim of the article is to test the hypothesis of participatory budgeting (PB) capacity in the local budgeting process. The article is divided into three parts: a) experiences of PB countries; b) the analysis of PB in Belarus; and c) key factors and evaluation of new steps in PB are to be done. The methodological research is based on the study of fiscal decentralization, which forms the basis for PB, last empirical studies in PB area, studies applied in some PB research projects in the Central and Eastern European countries, data from the project analysis portfolio carried out by the NGO "Lev Sapieha Foundation" and ALDA during the implementation of projects.

KEYWORDS

participatory budgeting, decentralization,
budget

STRESZCZENIE

Proces decentralizacji społeczności lokalnych i podejście partycypacyjne jest jednym z najtrudniejszych w ostatnich latach w krajach postsowietycznych i na Białorusi. Dzięki zdecentralizowanej współpracy dochodzi do wzajemnej współpracy między społeczeństwem obywatelskim a władzami lokalnymi i możliwe jest opracowanie projektów i działań wspierających lokalną demokrację oraz rozwój gospodarczy i społeczny. Tworzą także silne powiązania między społecznościami i obywatelami, tworząc dialog i zaufanie.

Jednym z kierunków współpracy zdecentralizowanej jest udział społeczeństwa w procesie budżetu lokalnego, w którym obywatele mają możliwość tworzenia budżetów i włączania do nich własnych projektów. Celem artykułu jest sprawdzenie hipotezy zdolności budżetowania partycypacyjnego (PB) w procesie budżetu lokalnego. Artykuł podzielony na trzy części: a) doświadczenia krajów PB; b) analiza PB na Białorusi; oraz c) kluczowe czynniki i ocena nowych kroków w PB mają być wykonane. Badania metodologiczne opierają się na badaniu decentralizacji fiskalnej, która tworzy podstawę dla budżetowania partycypacyjnego, ostatnich badań empirycznych w obszarze PB, badań stosowanych w niektórych projektach badawczych PB w krajach Europy Środkowej i Wschodniej, danych portfela analizy projektu przeprowadzonych przez organizację pozarządową „Lev Sapieha Foundation” i ALDA podczas realizacji projektów.

SŁOWA KLUCZOWE

budżetowanie partycypacyjne, decentralizacja,
budżet

INTRODUCTION

Most post-soviet countries are facing the challenge of improving the functioning of their public administration sector. Theoretically, there are two opposing types of responses to this challenge: centralization and decentralization. Both have their advantages and disadvantages. In Belarus, the first of them will probably be preferred. But does this mean that there are no other options? We assume that the answer is “yes, they are”. Decentralization using the engine of inter-jurisdictional competition could provide a sound solution to the problem of public sector efficiency, avoiding many of the problems associated with the growing power of the central government.

The process of decentralization of local communities and participatory approach is one of the most difficult in recent years in the post-soviet countries and Belarus as well. Decentralized cooperation brings about, mutual cooperation between civil society and local governments and enables projects and activities to be developed that support local democracy and economic and social development. They also create strong links between communities and citizens, building dialogue and trust.

One of the ways of decentralized cooperation is the public participation in the local budgetary process or PB, where citizens and active population groups create a local budget and include their projects in it. Thanks to PB, citizens have the right to decide how much public funds should be spent. PB is a tool for further civic education, which leads not only to increased awareness of public issues and policy making.

The benefits from participatory budgeting are obvious in „pushing” for fiscal decentralization in Belarus by expanding the tools of local democracy, including PB. It must contribute to increasing openness, transparency, and accountability in the local budgetary process; broadening skills and knowledge in the field of public finance, budgeting, and financial control; strengthening decentralized cooperation between residents and local authority, and targeted use of budgetary funds.

1 METHODOLOGY AND RESEARCH HYPOTHESIS

The methodology of the paper is based on the study of fiscal decentralization, which lays the foundation for PB. Among them: Ch. Tiebout (1956); Bahl, R., and J. Martinez-Vazquez (2006); Bahl Roy W. (1999); Bird, Richard, Robert D. Ebel, and Christine I. Wallich (1995); Ebel R.D. (1999); Ebel, Robert D., Serdar Yilmaz (2003); Gabor Peteri (ed.), 2002; Kenneth Davey (ed.), 2002; Oates Wallace E. (1972), (1985), (2003); Sevic Z. (ed.) (2008) and others.

Specific studies on PB also contribute to the methodology studies. They are: Crook, R. – Manor, J. (2000); Davey, K. (2012); Elsenhans, H. – Kulke, R. – Roschmann, C. (2005); Krenjova, J. – Raudla, R. (2013); Manor, J. (1999); Rodgers, D. (2010); Sedmihradská, L (2011); Selee, A. D. – Tulchin, J. S. (2004); Sevic, Z. (2006); Wollmann, H. (1980); Walzer, (1991); Wampler, B. (2007); Willmore, L. (2005); The significant practical contribution to research methodology have introduced study projects of public budge-

ting in the countries of Central and Eastern Europe: „Capacity Building of NAPA for Open Local Governance (2017), supported by: SlovakAid, Slovak Ministry of Foreign Affairs’ Programme and also experience of the Vishegrad group’s countries on engagement of citizens to processes of budgeting and examples of using forms of PB in Poland, Hungary, Slovakia and Czech Republic. They help to compare the effectiveness and legal framework of public budgeting, promote the development of proposals to simplify budgetary procedures, and inspire thinking about successful prospects for the introduction of the participatory budgets in Belarus. By showing which tools and practices are effectively applied in neighboring countries, we justify suggesting appropriate changes in the Belarusian legislation and their subsequent practical application.

Finally, the methodology of the research is based on the analysis of projects financed by the EU in the field of supporting civic initiatives in the development of local tasks in Belarus. The social welfare sector, improvement of social infrastructure, green projects, fitness facilities they included. At the same time, these spheres were projected and budgeted by initiative groups on the basis of competitions by means of selected projects. All projects were implemented in cooperation with the NGO „Lev Sapieha foundation” and the European Association of Local Democracy (ALDA).

The research hypothesis is based on the assumption that PB is key to fiscal decentralization. PB, as a starting point, creates a strong impulse to create decentralized cooperation between the inhabitants of the municipality and local authorities, which in turn creates a basis for fiscal decentralization. In order to prove it, we must show that there are instruments in place in Belarus to create decentralized cooperation as a PB.

The following hypothesis, which needs to be proven, is the possibility of transferring technology and public budgeting instruments on the basis of re-granting funds for the local budgetary process. Therefore, characterizing the hypothesis in general, it can be called as a verification of the existence of an opportunity and ability to develop PB in Belarus.

2 A SHORT SURVEY OF PB EXPERIENCE

PB is a democratic process that gives every citizen the opportunity to take part in the distribution of a local fund or part of a local budget. This form of citizen participation is not introduced into the legislation of Belarus, but the experience of other countries can be borrowed from them for the purpose of interaction and dialogue between local authorities and citizens. PB allows city and village dwellers to decide how to use local funds and part of the local budget for local development. The experience of the Visegrad countries in involving citizens in the budgeting process shows that participatory budgeting has allowed harmonizing the relations between citizens and authorities in many aspects. Thus, the introduction of PB in Belarus can be considered as a possible instrument of fiscal decentralization.

Positive examples of PB in Poland, Hungary, Slovakia, and the Czech Republic help to compare the effectiveness and a legal framework of addressing citizens, inspire them to think about successful prospects for implementation of participatory budgeting's in Belarus.

Showing how such instruments and practices are effectively used in Visegrad countries, we present proposals for changes in Belarusian legislation for their subsequent practical application.

It is known that PB began to be applied in 1989 in Brazil in the city of Porto Alegre, and then it was widely spread on the American continent, especially in the USA (Empowerment Case Studies, 2015). For the last 15 years, it has taken roots in Europe (Lisbon, Berlin, Leipzig, Hamburg, Bonn, Seville, Cordoba, Rome, a number of cities in England, France, in Scandinavia, etc.). Currently, PB is used in 1,500 cities around the world. There are also about 100 cities in Poland (Warsaw, Lodz, the city of Dabrowa Gornicza, etc.). In Visegrad countries, except for Prague and Warsaw, PB is also applied in Bratislava, Ružomberok, Banska Bystrica and in many other cities (Adam Jares, Aneta Jaresova, 2018).

Since the 1990th the newly democratic states have had problems with starting to transfer powers local authorities, which have not always been flexible. In the post-soviet countries, the measures were taken to weaken centralization in favor of decision-making procedures at the local level. However, they did not bring the desired results in fiscal decentralization because of a rigid vertical of central power and the lack of decentralized cooperation between groups of citizens and local authorities. Therefore, approaches to fiscal decentralization in countries with a rigid government division can be based on the following formula (see fig. 1).

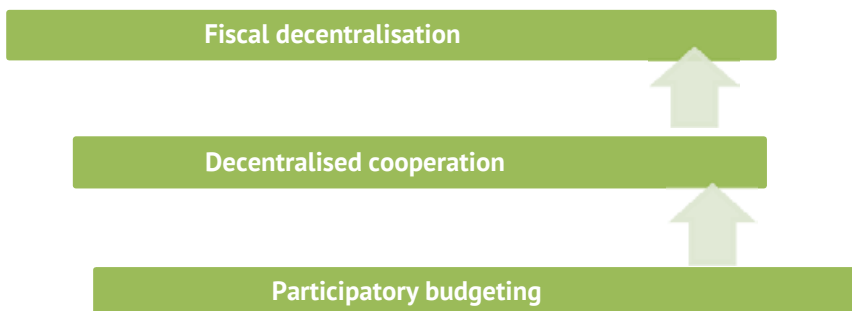

Figure 1. A possible approach to the development of fiscal decentralization in the countries with a rigid power vertical

Source: Compiled by the author.

Therefore, the approach to implementing fiscal decentralization through decentralized cooperation and PB should be obviously be started. In this context, it is necessary to ensure a wide margin of maneuver for various forms of PB in Belarus.

3 PB EXPERIENCE IN BELARUS

PB in Belarus it is carried out since September 2006 within the cooperation of NGO „Lev Sapieha foundation» and the European Association of Local Democracy (ALDA). In the last decade experience of PB was carried out through re-granting projects, which were successfully implemented in 7 projects: ACSOBE, REACT, TANDEM I, TANDEM II, TANDEM III, TANDEM IV with the support of the EU and other European institutions and funds (Organizatsia sotrudnichestva, 2018).

All projects implemented in cooperation with NGO “Lev Sapieha foundation” and the European Association of Local Democracy (ALDA) were of great interest not only to civic society organizations and initiatives but also to local authorities. This was reflected in the active participation of public associations, civic initiatives, and local authorities in all organized mini-project competitions. In the contest for competition commissions, experts – representatives of ALDA and NGO „Lev Sapieha Foundation” as well a number of Belarusian and foreign partner organizations – were also submitted to select the winner from among the submitted project proposals. After a thorough analysis of the submitted applications, the selection committees performed the selection of winners in several steps. The selection took place in each case in an impartial and competitive way and at the same time, the selection board was guided by the published requirements of the competition conditions and the system of criteria, which were stipulated in advance.

Following the completion of the mini-grant competitions and the identification of winners with each of them, an individual work was carried out in order to successfully and efficiently implement the mini-project in accordance with the conditions and requirements of a national and international character.

It consisted in providing counseling and organizational support by specialists from the NGO “Lev Sapieha foundation” and ALDA group by drawing up contracts between each recipient organization receiving a grant and the sponsor, and also by preparation of target distribution plans for free assistance and other documents for obligatory registration of a grant by the Humanitarian Activities Department of the Presidential Administration of the Republic of Belarus (Organizatsia sotrudnichestva, 2018). The project activity results are characterized by the data from table 1.

As can be seen from the table above, the total amount of foreign investments involved in the financing, within the framework of re-granting scheme consisting of 8 implemented mini-projects and aimed at the development of citizen participation in decision-making at the local level amounted to 473 thousand euro.

More noteworthy, however, are the figures illustrating the initiatives and the level of activity of citizens who wish to work independently and in cooperation with local and regional authorities to solve their own tasks at the local level. In total, 420 applications were submitted for 98 projects, far exceeding the capacity of the sponsor to support initiatives. At the same time, the budget „appetites” of the applicants exceeded the available amounts of financing 3-4 times.

Table 1. Projects activity portfolio of the NGO “Lev Sapieha foundation”

Abbreviation of project	Full name of the project	Applications received	Applications selected	Funds (Euro)	Duration
ACSOBE	Acting Social and Cultural Rights in Belarus	22	12	36000	September 2006 – March 2008
REACT	Reinforcing Actions of Capacity Building for Civil Society	19	11	39000	April 2009 – August 2010
TANDEM-1	Cooperation for Citizen Participation and Community Development in Belarus	82	10	60000	September 2011 – April 2013
SPREAD-I	Sustainable Partnership for Reinforcement of Active Development in Belarus	15	10	9 000	November 2012 – June 2014
TANDEM-II	Cooperation for Citizen Participation and Community Development in Belarus	54	16	120000	November 2013 – April 2015
SPREAD-II	Sustainable Partnership for Reinforcement of Active Development in Belarus	44	19	54000	July 2014 – June 2017
TANDEM-III	Cooperation for Citizen Participation and Community Development in Belarus	24	9	70000	April 2016 – June 2017
TANDEM-IV	Cooperation for Citizen Participation and Community Development in Belarus	160	11	85000	October 2017 – March 2019
Total	8 projects (funded by EU)	420	98	473000	September 2006 – present

Source: NGO “Lev Sapieha foundation” data.

Long-term cooperation between ALDA and NGO „Lev Sapieha foundation” allowed to implement a number of projects under the TANDEM program – „Cooperation for the participation of citizens in the development of local communities in the Republic of Belarus” operating since 2011. Since then the projects TANDEM-I (2011-2013), TANDEM-II (2013-2015), TANDEM-III of 2016-2017, and TANDEM IV – (2017-2019) have been successfully completed.

The TANDEM’s program focuses on the involvement in socially significant activities at the local level of NGOs and civic initiative groups in order to strengthen citizens’ influence in solving local development problems, adapt confidential interaction with local authorities and effectively exchange best practices between partner organizations. The fact that the last TANDEM-IV project received 160 applications for

8 mini-grants shows that there is a strong public interest in the program. Among the proposed initiatives, various ecological, social, educational, cultural and other projects were presented. All thematic applications of the TANDEM projects are distributed (see figure 2).

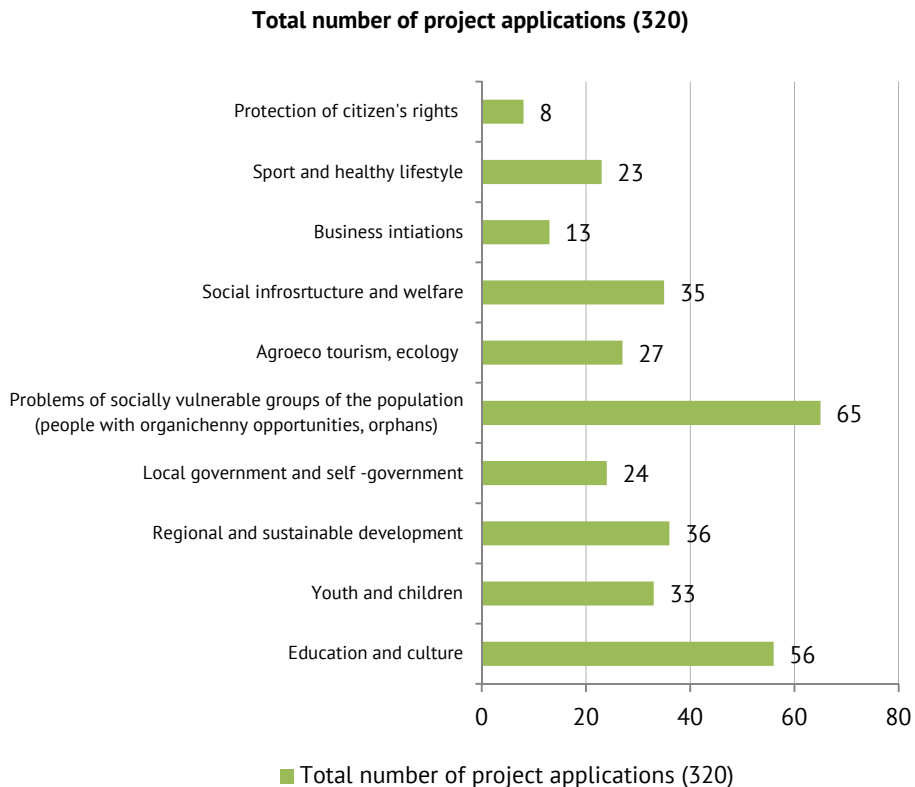

Figure 2. Thematic directions of project applications in the frame of competitions in TANDEM I, TANDEM II, TANDEM III, TANDEM IV

Source: NGO "Lev Sapieha foundation" data.

Thus, out of nearly 50 mini-projects implemented under the TANDEM programs, 20 of them are considered to be the most successful, from the position of experience gained in PB.

The data presented here can show the real potential of PB through civic society participation and public initiatives in Belarusian society. The experience of the NGO „Lev Sapieha foundation” through supporting the project activity of public associations and the initiative of groups for the participation of citizens in decision-making at the local level shows that this sphere needs not only financial support but also infrastructure structuring. Therefore, there are many opportunities for a lot of investors and sponsors working in social projects, including the use of internal resources local authorities through PB mechanisms.

4 ASSESSMENT OF PB CAPACITY IN THE LOCAL BUDGET PROCESS IN BELARUS.

The developed capacity of PB within the framework of re-granting projects in Belarus may prove that citizens can transfer their experience of in the local budget process based on the principle of participation. Among them, attention should be drawn to the key success factors in the implementation of PB in local budgeting.

1. Presence of the active civic groups that will be able to take the initiative in the implementation of projects and include them in the local budget.

The importance of this factor lies in the fact that without the announcement of the implementation of participatory budgeting implementation in local budgets and taking over the responsibility for drawing up budgetary control and monitoring budget expenditure. Increasing the number of initiative groups and active citizens can contribute to increasing the proportion of the budget allocated to participatory budgeting by citizens. The experience of PB in other countries shows, that even if there is a small initial sum of participatory budgeting, the initiators of this action can arouse the interest of both citizens and businesses (Daniel Klimovsky, eds . 2017).

However, some obstacles to the development of citizen participation in budgeting should also be noted. First of all, it is the weakness and unwillingness of civic society to participate in public affairs. The experience of the Central and Eastern Europe countries shows that this model means a high political activity of the population and politicians ready to grant significant powers in the field of public decision-making. However, even with the weakness of civil society, a more realistic model would be to involve citizens in consultations on public and local finance and to implement pilot participatory projects on local budgeting (Daniel Klimovsky, eds . 2017).

2. The Capacity of local budgets to carry out PB's mission.

This factor may be largely taken into account in the competences of the Ministry of Finance, which acts as the regulator and the observer of local budgets at present in conditions where local budgeting with the application of the participation principle is not yet defined in the Budgetary Code of the Republic of Belarus. Therefore, in order to consider recommendations concerning the size and shares of the PB in the general local budget, it is represented before this regulator.

In the approach to selecting local budgets for PB projects, the main recommendations of the Ministry of Finance boil down to the involvement in pilot projects of those local budgets that have maximum autonomy of their own revenues. In other words, these are local budgets with a maximum share of own revenues in total local budget revenues and a minimum share of government transfers allocated from the central budget. Explanations come down to the fact that an increase in the share of transfers from the central budget potentially eliminates the possibility of the implementation of projects chosen by citizens and initiative groups to be financed. It sho-

uld be kept in mind that the allocation of transfers for equalization of fiscal capacity has strictly targeted character and cannot decrease because of the increasing initiatives of citizens. Thus, with increasing dependence on central budget transfers, the PB effect will be reduced.

The potential for local budgeting using the PB principle can be estimated by analyzing the self-sufficiency of some local budgets, which are shown in figure 3 below.

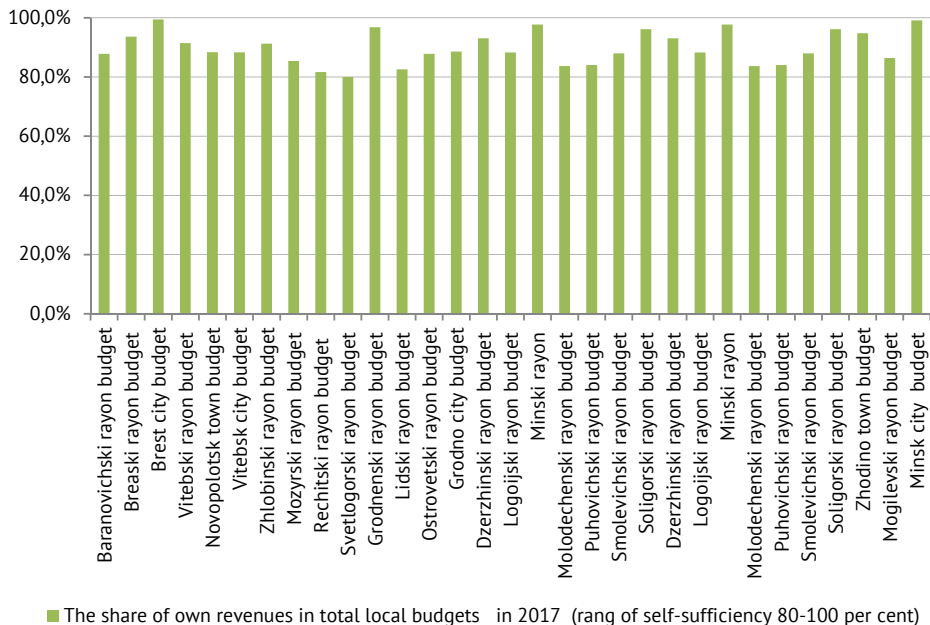

Figure 3. The range of own budget revenues of districts and cities in total local budget revenues (the range of self-sufficiency from 80% to 100%)

Source: Data of Ministry of Finance of the Republic of Belarus compiled by the author.

As we can see, fig. 2 shows, that there are 24 municipalities with high own income revenues in local budgets from 80% up to 99.4%. It is estimated that this is quite sufficient to conduct participatory budgeting using the participation principle. However, even with a high level of self-sufficiency of local budgets and active presence of groups of citizens, the fate of PB projects will depend on the political will of the central authorities and the willingness of local authorities to include them in the local budgetary process.

3. The political will of the existence of the central government and the willingness of local authorities to implement PB.

Political will, courage, a full understanding of the innovation need and confidence in its success are essential to implement PB. The examples of many Central and Eastern European countries show how the lack of political will combined with the general interest of citizens led to the disappointment and early termination of PB projects. And totally different examples have shown how the existence of the political will, even a small initial budgetary sum for PB, can attract adequate interest from citizens, business and authority. This could convince local authorities to address this issue more seriously and to increase a share of PB funding in the local budgetary process.

It is also necessary to obtain political support for this innovation from the central and local authorities of the country and beyond its borders: the European Commission, the Council of Europe, international organizations and funds, neighboring countries, etc. The PB process is to be advanced through activities aimed at the professional development of active civic groups in the area of public finance and local financial management.

CONCLUSIONS

1. PB operates as one of the innovations in the local financial management of the Central and Eastern European countries. This innovation has not been omitted by Belarus, which started to implement PB in the simplest forms to realize PB and delegate it to more difficult models of creating local budgets.
2. The country's experience has shown that the most various forms and methods of PB can be used. Among them: a) project budgeting through the separate national funds ("Soletski" Fund in Poland); b) project budgeting through re-granting of EU funding; c) PB in the local budgetary process on the basis of civic participation. d) PB on the basis of local grants; e) PB of own budgets of public institutions (for example, schools in Brno).
3. In Belarus, PB projects are initiated by residents for the benefit of local development with using EU funds. This allowed gathering experience and skills in local budgeting and public finance among active groups of citizens to be implicated in the local budgetary process and local financial management. In other words, re-granting funding was the model of participatory budgeting, the details of which can be extended for further PB to create an official local budget. To put it simply, the way of re-granting funding was the model of PB, the details of which can be used in further PB to create an official local budget. At the same time, this method of budgeting created an „embryo” of the decentralized cooperation between residents and local authorities.

4. A hypothesis of testing the ability of the PB to produce and use of local budgets and local financial management in Belarus revealed the following key success factors: a) the presence of active groups of who capable of implementing the project, which will be reflected in local budgetary expenditure; b) the capacity of local budgets to implement the PB mission; c) the political will and willingness of central and local authorities to involve the PB in the local budgetary process.
5. The assessment of the ability of local budgets to implement participatory budgeting missions has shown that there are in 24 municipalities in Belarus with high own revenues in local budgets ranging from 80.0% to 99.1%. It is estimated that this is sufficient to implement PB pilot projects within local budgets. Nevertheless, the participation of citizens in the preparation of the budget is extremely important; the fact that public finance decisions are made in a democratic, transparent and accountable manner. From these positions, the value of our results would be the fact that public policy has to focus on the opportunity and ability of citizens to influence the budgeting. And PB has to become such an example. A PB license in Belarus would be a first step towards strengthening decentralized cooperation between local authorities and citizens, in which they can play an important role in the development of local budgets and in fiscal decentralization.

References

- Crook R., Manor J.** (2000). *Democratic Decentralization*. Operations Evaluation Department Working Paper. Washington: World Bank.
- Empowerment Case Studies: Participatory Budgeting in Brazil*. 2015. www.siteresources.worldbank.org/intempowerment/Resources/14657_Particip-Budg-Brazil-web.pdf. (retrieved April 3, 2019).
- Ganuza E., Frances F.** (2011). *The Deliberative Turn in Participation: The Problem of Inclusion and Deliberative Opportunities in Participatory Budgeting*. *European Political Science Review*, 4(2): 283-302.
- Jacobi P.** (1999). „Challenging Traditional Participation in Brazil: The Goals of Participatory Budgeting.” Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D.C. URL: <http://www.orl.arch.ethz.ch/disp/displus/147/pdf/jacobi.pdf>. (retrieved April 4, 2019)
- Jares A., Jaresova A., Yudzitski A., Kavalkin U., etc.** (2018). *Handbook on Civil Participation in Public Affairs for Belarus*. Transparency International Česká Republika o.p.s.
- Klimovsky D., eds.** (2017). *Participatory budgeting*. Project: Capacity Building of NAPA for Open Local Governance. NISPAcee.
- Krenjova J., Raudla, R.** (2013). “Participatory Budgeting at the Local Level: Challenges and Opportunities for New Democracies.” *Halduskultuur – Administrative Culture* 14(1), 18-46.
- Manor J.** 1999. *The Political Economy of Democratic Decentralization*. Washington: World Bank.
- Markowska-Bzducha E.** (2013). *Participatory budgeting as a stimulant for the development of civil society* – http://www.ef.umb.sk/dsr_2013/pdf/Markowska-Bzducha.pdf (retrieved April 3, 2019).
- Organizatsia sotrudnichestva i proektnoi deyatel'nosti POO "Fond imeni Lva Sapiehi" i ALDA*. [Organization of collaboration and project activity of NGO „Lev Sapieha Foundation” and ALDA]. 2018. *Vestnik Samopravleniya, Informationbulletin*No 1 (28)., 2-9. <http://sapieha.org/wp-content/uploads/2018/10/%D0%>

91%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C-%E2%84%9628%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BB%D1%8C-2018.pdf .(retrieved April 4, 2019)

Participatory Budgeting in the UK. 2010. A toolkit, Second Edition, January 2010. <http://www.participatorybudgeting.org.uk/documents/Participatory%20Budgeting%20Toolkit.pdf> (retrieved April 4, 2019).

Rodgers D. (2010). "Contingent Democratisation? The Rise and Fall of Participatory Budgeting in Buenos Aires." *Journal of Latin American Studies* 47(1), 1-27.

Souza C. (2002). *Participatory Budgeting in Brazil: Decentralization and Policy Innovation*. The Federal University of Bahia and University of São Paulo (Brazil). A short version of the report commissioned by the International Development Department of the School of Public Policy, University of Birmingham (UK) as part of a research project on Urban Governance, Poverty, and Partnerships. URL: <http://www.wmd.org/action/oct-nov02/SouzaHabitat.doc>. (retrieved April 4, 2019).

Wampler B. (2007). "A Guide to Participatory Budgeting." In: Anwar Shah (ed.). *Participatory Budgeting*. Washington: The World Bank, 1-55.

Wilmore L. (2005). „Civil Society Organizations, Participation, and Budgeting." In: *Citizen Participation and Pro-poor Budgeting*. New York: United Nations.

Александр **Максимчук**
Дмитрий **Панков**
Сергей **Самаль**

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЙ ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОСТИ ЭКОНОМИКИ ПОЛЬШИ

STUDIES OF SOME CONDITIONS FOR INCREASING
THE INNOVATIVENESS OF THE POLISH ECONOMY

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы значимости исследований инновационности в современной рыночной экономике. Описаны генезис мировых исследований и эволюция методов измерения инновационности экономики. Представлена информация о современных исследованиях инновационности экономики Польши с учетом некоторых положений «Конституции бизнеса». Проанализированы новые направления и некоторые пути активизации инновационной деятельности польских предпринимателей. Сформулированные выводы могут послужить теоретической основой дальнейшей научной разработки вопросов, связанных с практикой внедрения различных стратегии повышения инновационности польской (и других стран) экономики.

ABSTRACT

The article deals with the problems of the significance of innovative research in a modern market economy. The genesis of world studies and the evolution of methods of measuring the innovativeness of the economy are described. The information on modern studies of the innovativeness of the Polish economy taking into account certain provisions of the "Constitution of Business" is presented. New directions and some ways of enhancing of innovative activity of Polish entrepreneurs are analyzed. The formulated conclusions can serve as a theoretical basis for the further scientific development of issues related to the practice of implementation of various strategies to increase the innovativeness of the Polish (and other countries) economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

инновации, инновационность, исследования инновационности, инновационная политика, «Конституции бизнеса», Закон «Право предпринимателей»

KEYWORDS

innovation, innovativeness, innovation research, innovation policy, „Business Constitution”, ‘Entrepreneurs’ Rights’ Act

1 ВВЕДЕНИЕ

Влияние инноваций на экономическое развитие современного общества все чаще описывается в научной литературе. Исследования инноваций и инновационности, а также данные на эту тему, представляют обширную практически самостоятельную область знаний. Анализируя литературу из отраслей экономики и управления можно наблюдать выразительное передвижение акцентов в сторону рассмотрения знаний и инновационности, как ключевых факторов современного развития. Это касается как высокоразвитых стран мира, так и проводящих трансформацию своей экономики.

В связи с этим стоит отметить, что согласно стратегии „Европа 2020”, предложенная модель европейской общественной рыночной экономики XXI века связана с тремя следующими типами развития: интеллигентный (с экономикой, основанной на знаниях и инновациях); уравновешенный (поддержка эффективной экономики, которая использует ресурсы, более конкурентоспособные и в то же время более располагающие окружающей среде); способствующей социальной интеграции (поддержка экономики с высоким трудоустройством, с хозяйственной, общественной и территориальной сплоченностью). Это наблюдается как на уровне предприятия, так и региона, а также всей экономики. Указанные выше возможные пути развития также должны быть приняты во внимание при разработке и реализации современной стратегии развития Польши, также как и рассматриваемая здесь и анализируемая в последствие «Конституция Бизнеса».

В связи с выше сказанным статья поднимает проблему оценки значения исследований инновационности в современной рыночной экономике и некоторых условиях повышения инновационности экономики Польши. Только описав генезис мировых исследований и рассмотрев эволюцию методов измерения инновационности экономики, на основе представленной информации о практических исследованиях инновационности экономики Польши с учетом «Конституции бизнеса», можно обоснованно предложить некоторые новые возможности активизации инновационной деятельности польских предпринимателей. На основе проведенного анализа в статье сформулированы выводы, которые могут послужить теоретической основой дальнейшей научной разработки практического решения многих вопросов, способствующих повышению инновационности экономики Польши и Беларуси.

2 ГЕНЕЗИС МИРОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ ИЗМЕРЕНИЯ ИННОВАЦИОННОСТИ ЭКОНОМИКИ

Генезис исследований инновационности датируется 60-ми годами XX века. Тогда (в июне 1963 года в городе Фраскати в Италии) возникла первая версия *Proposed Standard Practice for Surveys of Research and Development*. Сейчас она

известна как: Руководство Фраскати (Janasz 2009, с. 129). Важнейшим руководством семьи Фраскати, касающимся статистических исследований инновационной деятельности, является Осло Мануал – *Proposed guidelines for collecting and interpreting technological innovation data* (Руководство Осло Мануал – Рекомендации), касающиеся сбора и интерпретации данных из области технических инноваций. Первое её издание (1992 год) было разработано ОЭСР и Скандинавским Фондом Промышленности. Второе издание (1997 год) возникло уже в результате сотрудничества ОЭСР и Евростата. Позже всё больше внимания уделялось исследованиям и развитию. А также инновационности, как ключевому элементу экономики, основанному на знаниях. В данный момент используется уже третья версия Руководства Осло Мануал 2005. Составленная в нем методология, повсеместно называется „методологией Осло». Она представляет актуальный международный стандарт измерения инновационности (Максимчук 2015, с. 294).

В новой версии Руководства Осло расширенная типология инноваций. Кроме инноваций-продуктов и инноваций-процессов там также выделены и нетехнологические составляющие. Туда вошли еще организационные и маркетинговые инновации, как равноценные прежде упомянутым. Руководство Осло является не только стандартом в оценке и сотрудничестве из области исследований и развития в странах с членством в ОЭСР. Стоит также отметить, что это сотрудничество происходит уже в рамках группы NESTI (the Working Party of National Experts on Science and Technology Indicators). Благодаря сотрудничеству этой организации с UNESCO и Евросоюзом, а также с другими организациями, он стал стандартом во всем мире (Frascati Manual 2002, Proposed guidelines 2007). Это сотрудничество способствовало внедрению инноваций на предприятиях разных стран мира. Однако и сейчас внедрение инновационных продуктов и процессов не крупных предприятиях происходит быстрее чем в малом и среднем бизнесе – особенно в условиях кризиса и в странах проводивших трансформацию своей экономики (Максимчук 2016, с. 138-152).

3 НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О МИРОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИННОВАЦИОННОСТИ

Трансформация экономики Польши, а также её интеграция с ЕС и глобализация большинства проявлений общественно-хозяйственной жизни (как заявляет М. А. Weresa – исполняющая функцию директора World Economy Research Institute, а также является научным редактором многих Рапортов о конкурентоспособности экономики Польши) (Weresa 2006) также влечет за собой рост заинтересованности инновационностью и конкурентоспособностью – как теоретиками, так и представителями реального сектора экономики. В связи с этими исследованиями уровня инновационности экономики Польши занимаются многие государственные и зарубежные аналитики, а также многие государственные и международные учреждения (Skawińska и другие 2009, Świtalski 2005, Baruk 2006, Dolińska 2010, Bojar E.и другие 2008).

Одним из наиболее важных учреждений, следует признать исследования ОЭСР. Как следует из Рапорта „Дифференцированная инновационная политика в Польше” (*Policy mix for innovation in Poland*), который был подготовлен ОЭСР в 2007 году в сотрудничестве с Министерством Науки и Высшего Образования, Польша, чтобы конкурировать на мировых рынках, должна развивать сотрудничество между представителями науки и бизнеса. Этот доклад был размещен на странице Министерства Экономики под заглавием „Пересмотр политик в пользу инноваций в Польше. Ключевые вопросы и рекомендации”, на других страницах находится под заглавием, указанным в тексте (Gardocka-Jałowiec 2012, с. 836; Glinka с. 39). Доклад указывает на важнейшие вызовы, стоящие перед Польшей. К ним следует отнести указанное там же замечание: укрепление технологической и научной базы, концентрацию государственного финансирования институтов и организаций с высоким потенциалом проведения исследовательских работ, оконченных успехом (Максимчук 2016, с. 75-76).

Самую большую географическую дальность имеют Всемирные Рапорты Конкурентоспособности (*The Global Competitiveness Reports*). Они ежегодно подготавливаются Всемирным Экономическим Форумом, Дополняются измерениями конкурентоспособности национальных экономик стран (*Global Competitiveness Index GCI*), основанными на измерениях микро и макроэкономической государственной конкурентоспособности (Максимчук 2015, с. 296). Связанные с этим исследования экономистов Всемирного Банка основаны на трех основных источниках роста: капитале, работе и изменениях производственных показателей (Eugora 2020 a Polska 2011). *Foreign Direct Investment (FDI)* прорабатывает ежегодно *Confidence Index*, представляющий презентацию результатов циклических исследований, осуществляемых с 1998 года фирмой А.Т. Kearney. На вопросы, касающиеся настоящих и будущих инвестиций, отвечают представители предприятий, которые получают свыше 2 миллиардов долларов дохода ежегодно. Результаты опроса за 2011 год были использованы при создании рейтинга самых привлекательных инвестиционных локализаций. Страной, в которой предприниматели наиболее охотно инвестируют, оказался Китай. Второе место заняли Соединенные Штаты Америки, а третье – Индия. На высокой (шестой позиции) оказалась Польша. Ее опережало только одно государство Старого Континента – Германия. Пользуясь возможностью, во время презентации некоторых результатов этих рейтингов стоит добавить, что Всемирная Организация Интеллектуальной Собственности обрабатывает рейтинг „Наиболее инновационная экономика в мире”. Он основан на исследовании численности заявленных патентов. Первое место в сопоставлении за 2010 год заняли Соединенные Штаты. Там отмечено 44.844 патента. На втором месте находится Япония (32.181 патент), а на третьем – Германия (17.559 патентов) (Najbardziej2010, доступ: 20.03.2018).

На Европейском Форуме систематические исследования инновационности и конкурентоспособности проводит Евростат. Он подготавливает, в сотрудничестве с Организацией Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), ежегодные рапорты *Community Innovation Survey (CIS)*. (Hollanders и другие 2005, с. 9). В феврале

2011 года Европейская Комиссия опубликовала показатели инновационности Евросоюза за 2010 год. Этот документ представляет ситуацию ЕС в сфере инновационности на фоне его главных конкурентов. Он также представляет общую картину уровня инновационности отдельных государств Евросоюза (Szymańska 2012, с. 91-92). *Innovation Union Scoreboard (IUS)* в 2011 году заменила применяемую ранее европейскую таблицу *European Innovation Scoreboard (EIS)*. Таблица результатов за 2010 год была разработана на основании анализа 25 показателей из области научных исследований и инноваций (Максимчук 2015, с. 298). Издаваемый раз в два года Европейской Комиссией рапорт на тему конкурентоспособности в „Евросоюзе Инноваций” охватывает 27 государств – членов ЕС и шесть объединенных государств.

Этот рапорт своей информацией вносит существенный вклад в реализацию стратегии „Европа 2020”. Это объясняется тем, что он представляет углубленный статистический и экономический анализ, который охватывает важнейшие аспекты эффективных решений в отрасли исследований и инноваций. Таблица результатов „Евросоюза Инноваций” от 2010 года, за исключением стандартных результатов исследований, демонстрирует специальную тему – Инновационность Государственного Сектора (Maksimczuk 2013, с. 178-181).

Следует отметить, что это первое издание отчета. Согласно инициативе в интересах Инновационного Евросоюза (IP/10/1288), он фактически расширяет более ранний европейский отчет на тему науки, технологии и конкурентоспособности. Эта инициатива должна укрепить базу знаний в Европе, и тем самым сделать возможным превращение новаторских идей в рыночные продукты. Информация и отчеты на тему конкурентоспособности, касающиеся проекта „Евросоюз Инноваций” доступны на страницах: <http://ec.europa.eu/iuc2011>; Евросоюз Инновации <http://ec.europa.eu/innovation-union>; Европа 2020: <http://ec.europa.eu/europe2020/indexjpl.htm>.

Следует сказать, что: Таблица результатов „Евросоюза Инноваций” 2010 года, *Inno Metrics PRO INNO EUROPE* является доступной на странице: www.proInno-europe.eu/metrics, *Innobarometer 2010. Analytical Report, European Commission, 2011*, www.proinno-europe.eu/page/innobarometer. Применительно к Польше исследуется 400 учреждений, разделенных на 3 группы: ведущих новаторов, умеренных новаторов и не инновационных учреждений. Их результаты представляет *Innobarometer 2010, Analytical Reports Innovation in Public Administration Section*, с. 79 – доступен по ссылке www.ec.europa.eu.

На пространстве Евросоюза возникло Европейское Инновационное Пространство (*European Innovation Space – EIS*) (Putting Knowledge 2006). После объединения с более ранней инициативой ERA она создает Европейское Пространство Исследований и Инноваций. Зато анализом роста европейской экономики и контролем трудоустройства занимается *Allianz Economic Development and Research* (Heise 2008) в сотрудничестве с Европейской Комиссией. Одним из опытных учреждений также является Европейский Совет по делам Научных Исследований (*European Research Council*). Он основался Евросоюзом в 2007 году.

Это первое европейское учреждение, поддерживающее так называемые проекты на границе знаний. Следует также отметить, что единственным критерием выбора проектов является здесь научное совершенство исследователя и инновационный потенциал представленной идеи – независимо от национальности и возраста ученого, а также области исследований. ERC занимается также подробной программой «Идеи». Он представляет одну из четырех частей седьмой европейской программы для малых и средних предприятий. Следующая действующая инициатива в интересах инновационности это Сообщество Знаний и Инноваций (*KIC – Knowledge and Innovation Cooperation*). Это международная договоренность вузов, институтов и фирм, координированная Европейским Институтом Инноваций и Технологий (EIT) (Максимчук 2015, с. 298).

Инновационность экономики измеряется также по секторам. Для измерения инновационности избранных секторов экономики Евросоюза разработан Инновационный Секторный Индекс (*Innovation Sector Index – ISI*). Этот метод (создан на базе 12 показателей) был разработан Европейской Комиссией, ОЭСР и Евростатом. Функционирует как в полном комплекте европейских показателей инновационности (*European Innovation Scoreboard – 25*), так и в сокращенной форме – рейтинга (*Global Innovation Scoreboard – 12*). На основании ISI установлено, что наиболее инновационные секторы экономики Евросоюза это: производство электрических и оптических устройств (D, 63), институт креативных технологий – ICT (0,61), информатика (0,59), производство химических изделий вместе с лекарственными препаратами (0,59) (Hollanders 2005, с. 70-71). Здесь стоит отметить, что услуги в этой иерархии расположились на более отдаленной, пятнадцатой позиции с показателем 0,39. На такую высокую инновационность производителей электрических и оптических устройств повлияли, прежде всего, самые высокие, среди всех секторов, показатели расходов на исследовательские работы (15,39), наибольший процент предприятий использующих государственные фонды (22,8), расходы на инновационную деятельность на предприятиях (7,64% оборота), а также процент фирм имеющих патент (21,1). Из числа стран членов Евросоюза в отрасли инновационности и конкурентоспособности доминируют скандинавские страны (Lubieniecka 2009, с. 47-57). Польша принадлежит к группе стран с более слабой инновационной позицией. Однако Европа также не является лидером в инновациях (Truskolaski 2009, с. 71-79). Следовательно, теперь более серьезные задачи стоят перед польской экономикой.

Под исследования попадают также избранные регионы страны. Следует отметить, что, например Статистическое Учреждение в Щецине, которое следует признать ведущим центром в сфере исследований инновационности предприятий в Польше (Ejsmont 2012, с. 125-148; Grzybowska 2012, с. 149-166), кроме исследований всей страны, также производит многие региональные анализы. Сравнивая каждый из них можно указать факторы, которые составляют инновационную экономику страны. Однако, в завершении этих размышлений, нельзя не согласиться с Питером Ф. Друкером, что инновационность рождается главным образом на предприятии. Как и с тем, что в понимании методологии Осло: «инновационное предприятие

это то, которое в исследуемом периоде, чаще всего трехлетнем, внедрило, по крайней мере, одну технологическую инновацию, новый или улучшенный продукт или новый или улучшенный процесс, являющийся новшеством, по крайней мере, с точки зрения данного предприятий» (Drucker 2004, с. 151; Definicje pojęć...1999, с. 64). Также эти вопросы должны найти свое соответствующее отражение в хозяйственной польской политике периода трансформации, интеграции и глобализации (Meredyk и другие 2009; Meredyk и другие 2012).

4 «КОНСТИТУЦИЯ БИЗНЕСА» И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АКТИВИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

6 марта 2018 года Сеймом Республики Польша был принят Закон «Право предпринимателей» (Ustawa z dnia 6 marca 2018 r. – Prawo przedsiębiorców Dz.U. 2018 poz. 646), регулирующий начинание, осуществление и прекращение хозяйственной деятельности на территории Польши, определяющий права и обязанности предпринимателей, а также связанные с этим задачи органов публичной власти. Настоящий закон входит в состав так называемой «Конституции для бизнеса» («Конституция бизнеса» 2018) и плана Матэуша Моравецкого, разработчика Стратегии в пользу ответственного развития, представленной общественности в 2016 году. Следует отметить, что Закон «Право предпринимателей» отменяет действие Закона «О свободе хозяйственной деятельности» принятого 2 июля 2004 года.

В настоящее время Закон «Право предпринимателей» является центральным нормативным правовым актом хозяйственного права Польши, содержащим каноны основополагающих принципов, направленных на реализацию конституционной свободы хозяйственной деятельности, определяющих общие рамки ее осуществления. Свобода хозяйственной деятельности получила свое конституционное закрепление в ст. 20 Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 года, согласно которой социальная рыночная экономика, основанная на свободе хозяйственной деятельности, частной собственности, а также солидарности, диалоге и сотрудничестве социальных партнеров является основой экономического устройства Республики Польши. При этом ст. 22 польской Конституции зафиксировала положение, в соответствии с которым ограничение свободы хозяйственной деятельности допускается только путем закона и лишь в случае важного публичного интереса.

Основополагающие принципы реализации свободы хозяйственной деятельности нашли свое отражение в Разделе 1 «Общие положения» Закона «Право предпринимателей», которые представляют собой директивы, воздействующие на всю совокупность отношений между публичной администрацией и предпринимателями. Данные принципы устанавливают стандарт деятельности публичных органов по делам предпринимателей. Размещение основополагающих принципов

в первых нормах Закона «Право предпринимателей» является четким сигналом для государственных органов, в том, что они должны принимать их во внимание при рассмотрении всех дел с участием предпринимателей. Тем самым основополагающие принципы будут влиять на способ интерпретации и применения правовых норм, в том числе содержащихся в других нормативных правовых актах. Основополагающие принципы одновременно являются источником реальных гарантий для предпринимателей, так как должны находить свое отражение в текущей правоприменительной практике органов публичной администрации. Более того, они определяют конкретные обязанности государственных органов. Это значит, что предприниматели будут иметь возможность ссылаться на основополагающие принципы при рассмотрении их дел органами публичной администрации. Закрепление основополагающих принципов в статьях Закона «Право предпринимателей», то есть придание им законодательного характера позволит повысить правосознание предпринимателей, а также реализовать на практике их конституционные права и свободы в отношениях с публичной администрацией.

«Конституция бизнеса» и на ее основании принятый Закон «Право предпринимателей» представляют в совокупности новые возможности активизации инновационной деятельности польских предпринимателей. Активное применение этих актов может привести в итоге к ликвидации многих барьеров (Максимчук 2015, с. 282-301), развития предпринимательства и связанной с ним инновационности. А это всё еще остается актуальной и во много незавершенной задачей в Польше и других странах Восточной Европы.

5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переходя к части подытоживающей исследования методов измерения инновационности экономики и возможности активизации инновационной деятельности польских предпринимателей надо поставить следующий вопрос: существует ли уже в Польше рынок инноваций? Ответ на этот вопрос и связанные с ним размышления будут самым полезным и важным заключением наряду с общими выводами здесь приведенных исследований.

Исследователи этой проблематики уже много раз фактически ставили такой (или похожий) вопрос. Этими исследователями осуществлялись и попытки нахождения ответа на него. Тем более, что в Польше и других странах, которые находятся на похожем уровне развития, все еще доминируют подражания (имитации, суррогаты) и эффективность методов подражания. Но этот этап, по крайней мере, в Польше, уже приближается к концу. Постепенно устраняются также недочеты в эффективности, организации и технологиях между польской экономикой и экономикой сильнейших стран в Евросоюзе и в мире. В таких условиях стабильность экономического роста уже все более связывается с тенденцией роста инновационности.

Мы должны отметить, что в Польше наблюдается активизация инновационной деятельности и связанных с ней исследований. В тоже время, еще рано говорить о существовании рынка инновации – в развернутом значении этого выражения. Но всё-таки, всем известно, что без рынка (или вне рынка) уровень инноваций невозможно повысить. Считается, что основным условием стабильного экономического роста является, с точки зрения стратегии, подготовленность сектора Исследований и развития (*R&D sector*). Без выполнения этого условия экономика Польши никогда не сможет сравняться с мировой элитой в этой сфере. В этом отношении, как никогда, господствует повсеместное согласие.

Эти вопросы должны становиться наиважнейшими, начало которым должна положить практика общественно-хозяйственной жизни нынешнего (уже третьего десятилетия) реализации трансформации польской экономики. Большие ожидания в сфере изменения условий роста инновационности и ликвидации большинства барьеров развития предпринимательства в Польше даёт введенная 1 апреля 2018 года «Конституция бизнеса» и соответствующий ей Закон «Право предпринимателей».

Wkład autorów

Wkład poszczególnych współautorów w przygotowanie tekstu, uwzględniając zwłaszcza udział w tworzeniu koncepcji artykułu, treści teoretyczne i metodologiczne, przeprowadzenie badań, opracowanie danych, analizę i interpretację wyników, przedstawia się następująco:

1. Александр Максимчук – 40%.
2. Дмитрий Панков – 30%.
3. Сергей Самаль – 30%.

Литература

Baruk J. (2006), *Zarządzanie wiedzą i innowacjami*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń.

Dolińska M. (2010), *Innowacje w gospodarce opartej na wiedzy*, PWE, Warszawa .

Bojar E., Frejtag-Mika E. (2008), *Objectives of competitive strategy of transnational corporations in conditions of globalization*, [w:] materiały konferencyjne na nośniku elektronicznym, *The Economics of Education and Innovation for Sustainability and Growth*, Congress of Political Economics International (COPE), 19th Annual Meeting, New Delhi, India, My 12-19.

Definicje pojęć z zakresu statystyki naukowej i techniki (1999) GUS, Warszawa.

Drucker P. F. (2004), *Natchnienie i fart, czyli innowacja i przedsiębiorczość*, Wydawnictwo Studio EMKA, Warszawa.

Ejsmont A. (2012), *Kooperacja jako czynnik podnoszenia innowacyjności w Polsce*, [w:] Meredyk K., Wildowicz-Giegiel A. (red.), Meredyk K., Wildowicz-Giegiel A. (red.), *Przełamanie konsolidacji sektora B + R*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok.

Raport Doing Business 2011 (2011), *Europa 2020 a Polska: intensyfikacja rozwoju i podnoszenie konkurencyjności poprzez zwiększenie poziomu zatrudnienia, podnoszenie kwalifikacji i innowacje*, (*Europe 2020: Fueling Growth and Competitiveness in Poland Through Employment, Skills, and Innovation*).

Frascati Manual (2002), *Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development*, OECD.

Proposed guidelines for collecting and interpreting technological innovation data, OECD 2007.

Gardocka-Jałowicz A. (2012), *Nakłady na działalność badawczo-rozwojową a innowacyjność polskiej gospodarki*, „*Ekonomista*” nr 1.

Glinka B., Pasieczny J. (2007), *Spoleczny kontekst innowacyjności — wybrane aspekty*, [w:] *Działalność innowacyjna przedsiębiorstw w warunkach globalnych*, Bogdanienko J, Kuzela M., Sobczak I. (red.), Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń.

Grzybowska A. (2012), *Innowacyjność przedsiębiorstw w Polsce*, [w:] Meredyk K., Wildowicz-Giegiel A. (red.), *Przesłanki konsolidacji sektora B + R*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok.

Heise M. (2008), *European Growth and Jobs Monitor 2009. Indicator for Success and Knowledge Economy*, (red.), The Lisbon Council, Allianz Economic Development and Research, Frankfurt/ Main.

Hollanders H., Arundel A. (2005), *European Sector Innovation Scoreboard*, European Commission, December 2005.

Janasz W. (red.), Difin (2009), *Innowacje w strategii rozwoju Unii Europejskiej*, Warszawa.

Janasz W. (red.) (2009), *Innowacje w strategii rozwoju organizacji w Unii Europejskiej*, Difin, Warszawa.

Morawiecki M. (2018), „Konstytucja Biznesu”, Ministerstwo Rozwoju i Finansów, Warszawa.

Lubieniecka M. (2009), *Pozycja konkurencyjna i wzrost gospodarczy Polski a potencjał innowacyjny sektorów rosnących*, [w:] Meredyk K., Sikorski J., Turowski K. (red.), *Rozwój gospodarczy a rynek i innowacje*, Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa w Suwałkach, Instytut Humanistyczno-Ekonomiczny, Suwałki.

Максимчук А. И. (2015), *Польша – путь к высокой эффективности*, ГрГУ им.Я. Купалы, Гродно.

Максимчук А. (2013), *Granice państwowe, relacje z sąsiedztwem gospodarczym i wschodnie pogranicze Polski w dobie transformacji, integracji i globalizacji tom 1. Transformacja systemowa i kształtowanie się nowej jakości polskich granic państwowych*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok.

Максимчук А. (2016), *Сектор малых и средних предприятий стран Восточной Европы: избранные проблемы, Том 1. О некоторых детерминантах повышения эффективности хозяйствования на микро и макроуровнях: теоретико-практические подходы*, Издательство Государственной высшей профессиональной школы имени профессора Эдуарда Ф. Щепаника в Сувалках, Сувалки.

Meredyk K., Sikorski J., Turowski K. (red.) (2009), *Rozwój gospodarczy a rynek i innowacje*, Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa w Suwałkach, Instytut Humanistyczno-Ekonomiczny, Suwałki.

Meredyk K., Wildowicz-Giegiel A. (red.) (2012), *Instytucjonalne aspekty rozwoju sektora B + R w Polsce. Od gospodarki imitacyjnej do innowacyjnej*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok. *Najbardziej innowacyjne gospodarki świata 2010*, dostępny na portalu www.forsai.pl.

Skawińska E., Zalewski R. I. (2009), *Klustry biznesowe w rozwoju konkurencyjności i innowacyjności regionów. Świat – Europa – Polska*, PWE, Warszawa.

Świtalski W. (2005), *Innowacje i konkurencyjność*, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa.

Szymańska E. (2012), *Polityka proinnowacyjna w Polsce*, [w:] Meredyk K., Wildowicz-Giegiel A. (red.), *Przesłanki konsolidacji sektora B + R*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok.

Truskolaski T. (2009), *Kształtowanie się rynku innowacji na przykładzie Izraela*, [w:] Meredyk K., Sikorski J., Turowski K. (red.), *Rozwój gospodarczy a rynek i innowacje*, Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa w Suwałkach, Instytut Humanistyczno-Ekonomiczny, Suwałki.

Weres M. A. (red.) (2006), *Polska. Raport o konkurencyjności 2006. Rola innowacji w kształtowaniu przewag konkurencyjnych*, Instytut Gospodarki Światowej, SHG, Warszawa. и следующие Папорты. *Putting Knowledge into Practice: A Broad-Based Innovation Strategy for the EU*, COM (2006), Brussels.

Marta **Maksimczuk**

PRAWNO-ADMINISTRACYJNE UREGULOWANIA HANDLU ZAGRANICZNEGO BIAŁORUSI – WYBRANE ASPEKTY I PRÓBA OCENY WPŁYWU

LEGAL AND ADMINISTRATIVE REGULATION OF THE EXTERNAL TRADE OF BELARUS – SELECTED ASPECTS AND AN ATTEMPT TO ASSESS THE IMPACT

STRESZCZENIE

Po dołączeniu Polski do Unii Europejskiej, powstały nowe uwarunkowania w zakresie polsko-białoruskiej wymiany towarowej. Polska, w kontaktach handlowych z Białorusią, zaczęła kierować się przede wszystkim rozwiązaniami wspólnej polityki handlowej Unii Europejskiej. Zmieniły się także białoruskie regulacje prawne dostępu do rynków tego kraju.

W opracowaniu poddano analizie część tychże regulacji, zwłaszcza tę dotyczącą stosowanych przez Białoruś prawno-administracyjnych uregulowań prowadzenia przez podmioty gospodarcze tego kraju wymiany handlowej w nowo powstałych warunkach. Charakteryzując najważniejsze uregulowania prawne Białorusi, poczyniono również próbę oceny ich wpływu na polsko-białoruskie obroty handlowe.

SŁOWA KLUCZOWE

wymiana handlowa, dostępność rynków, podstawy prawno-administracyjne handlu zagranicznego, współpraca handlowa i gospodarcza, ochrona rynku wewnętrznego, państwowa regulacja handlu zagranicznego

ABSTRACT

After Poland's integration with the European Union, new conditions emerged in the field of trade in goods between Belarus and Poland. Poland in its trade relations with Belarus has already been guided by the solutions of the common trade policy of the European Union. The Belarusian legal regulations concerning access to the markets of this country have also changed. This study analyzes a part of regulations concerning the legal and administrative arrangements applied by Belarus to conduct trade by economic entities in this country in those newly created conditions. An attempt was also made to assess the impact of these legal regulations characterizing the most important regulations on Polish-Belarusian trade flows.

KEYWORDS

trade exchange, accessibility of the markets, legal and administrative grounds of foreign trade, trade, and economic cooperation, protection of the internal market, state regulation of foreign trade

WSTĘP

Współpraca handlowa i gospodarcza Polski z Republiką Białoruś obecnie ma już swoją historię. Z oczywistych względów, na tle wielowiekowej historii obu narodów, nie jest ona jeszcze zbyt długa, niemniej, z racji sąsiedztwa (ale też nie tylko), oba społeczeństwa zdane są na utrzymywanie ze sobą określonych relacji gospodarczych. W niniejszym opracowaniu, nie mogło więc zabraknąć aspektów ekonomicznych, jednak nie są one głównym obiektem badań (z konieczności, w materiale nastąpią co najwyżej odniesienia do fachowej literatury, znacznie dokładniej traktującej te kwestie).

W opracowaniu, w pierwszej kolejności scharakteryzowano bowiem nowe uwarunkowania w zakresie polsko-białoruskiej wymiany handlowej (handlu zagranicznego) powstałe już po wstąpieniu Polski do Unii Europejskiej.

Polska, w kontaktach handlowych z Białorusią, od 2004 roku kierowała się rozwiązaniami wspólnej polityki handlowej Unii Europejskiej. Zmieniły się także białoruskie regulacje prawne dostępu do rynków tego kraju. W opracowaniu poddano analizie ich część, dotyczącą stosowanych przez Białoruś prawno-administracyjnych uregulowań prowadzenia przez podmioty gospodarcze wymiany handlowej w nowo powstałych warunkach. Scharakteryzowano więc najważniejsze uregulowania prawne Białorusi. Podjęto także próbę oceny ich wpływu na polsko-białoruskie obroty handlowe.

Obiektem badań uczyniono dostępne oryginalne (w języku rosyjskim) białoruskie¹ regulacje prawne dotyczące handlu zagranicznego, i ich wpływ na rozwój polsko-białoruskiej wymiany handlowej. Stosując głównie metodę opisową, wspartą w niektórych kwestiach analizą przyczynowo-skutkową, zastosowanie w artykule miały także elementy ekonomicznej analizy prawa. Założony cel badawczy sprowadzał się do przedstawienia zależności oraz kierunku wpływu białoruskich prawno-administracyjnych uregulowań handlu zagranicznego na rozwój polsko-białoruskiej wymiany handlowej po 2004 roku. Weryfikacji poddano następującą hipotezę badawczą, która brzmi: nowe białoruskie uregulowania prawno-administracyjne, powstające po 2004 roku, odnoszące się do handlu zagranicznego z Polską będącą członkiem Unii Europejskiej, dostosowane do nowych warunków jego prowadzenia, nie należy uznawać za czynnik hamujący rozwój polsko-białoruskiej wymiany handlowej.

¹ Polskie i unijne uregulowania zasadniczo nie były przedmiotem poczynionych rozważań i analiz w niniejszym artykule.

1 UWAGI O NOWYCH UWARUNKOWANIACH I ZAKRESIE POLSKO-BIAŁORUSKIEJ WYMIANY TOWAROWEJ PO INTEGRACJI POLSKI Z UNIĄ EUROPEJSKĄ

Białoruś – jako osobne i autonomiczne państwo – powstała w wyniku rozpadu ZSRR. Początkowo spowodowało to silny regres w gospodarce tego kraju. Trwał on w zasadzie aż do 1995 roku. Później rozpoczął się, zróżnicowany w poszczególnych okresach, wzrost gospodarczy, który został ponownie spowolniony w 1999 roku – w następstwie kryzysu rosyjskiego.

Białoruś rozpoczęła reformowanie swojej gospodarki. Przy czym był to proces specyficzny, jako że cechą charakterystyczną białoruskiej transformacji jest to, że początkowo obrano tam drogę radykalnych przemian rynkowych; od 1994 roku następował już jednak proces odchodzenia od tego kierunku. Białoruś prowadzi także dość specyficzną politykę ekonomiczną, która: „łączy silną władzę państwową z pewną dozą wolności gospodarczej, rozwiniętą własność prywatną w jednych sektorach z dominującą własnością publiczną w drugich.” (Domagała i inni 2012, s. 142). W białoruskiej gospodarce zbyt powolnie następują jednak zmiany struktury własnościowej. Pozostaje to wciąż ważnym ograniczeniem możliwości poprawy efektywności białoruskich przedsiębiorstw. Wpływa także niekorzystnie na wyniki handlu zagranicznego.

Wśród europejskich krajów byłego ZSRR Białoruś jest jedynym, w którym ponad połowa aktywów stanowi własność państwową (Maksimczuk 2013, s. 157). Część firm wyłączono tam z prywatyzacji ze względu na ich strategiczne znaczenie dla gospodarki. W ciągu całej pierwszej dekady reform sprywatyzowano, zazwyczaj stosując przetargi bądź aukcje, blisko połowę małych i średnich przedsiębiorstw (Maksimczuk, Sidorowicz 2008, s. 145-147). W handlu i przemyśle lekkim wynik ten był już nieco lepszy. W prywatne ręce przeszło na Białorusi prawie 70% przedsiębiorstw; były to zwłaszcza tzw. zakłady komunalne.

Można dostrzec także zmiany, które nastąpiły w zakresie handlu zagranicznego republiki Białoruś. Do 1991 roku około 92% obrotów w handlu zagranicznym (94% w eksporcie i 87% w imporcie) tego kraju przypadało na kraje byłego ZSRR (Maksimczuk 2013, s. 158). Po 1991 roku, udział tych krajów w obrotach handlowych Białorusi systematycznie malał. Dokonywało się to jednak przy utrzymującej się dominującej roli Rosji jako głównego zaplecza pozyskiwania surowców energetycznych. Od roku 1995 zaczęły rosnąć obroty handlowe z krajami Unii Europejskiej; w 2003 roku stanowiły one już około 19% ogółu zagranicznej wymiany handlowej. W latach 1992-2003 nie tylko kierunki, ale i wolumen oraz struktura eksportu i importu uległy zasadniczym zmianom. Tak jak cała gospodarka Białorusi, podlegały one procesom transformacyjnym (Białoruś 2005, s. 37).

Zainicjowany na przelomie wieków wzrost gospodarczy powoduje, że gospodarka jest postrzegana jako miejsce potencjalnych *inwestycji zagranicznych*. Białoruś jest uważana także za ważny kraj z punktu widzenia bezpieczeństwa energetycznego –

nie tylko bezpośrednich sąsiadów, lecz również jej dalszych partnerów z Unii Europejskiej. W założeniach polskiej polityki współpracy gospodarczej i handlu z krajami byłego ZSRR, Białoruś jest słusznie zaliczana do ważniejszych partnerów gospodarczych (Borko 2005, s. 245-246). Zakres tej współpracy jest dzisiaj dość szeroki. Dotyczy m.in. kooperacji w dziedzinie rolnictwa, przetwórstwa nawozów sztucznych i ropy naftowej, budowy magistrali transportowej Wschód-Zachód oraz kooperacji przemysłowej w energetyce (Максимчук 2015, s. 316-332). Wzajemnej współpracy sprzyja wzrost gospodarczy Białorusi, zaangażowanie polskich i białoruskich przedsiębiorców w ramach kontaktów biznesowych, w tym poprzez polskie inwestycje w Wolnych Strefach Ekonomicznych (WSE).

O skali i skuteczności podejmowanych działań świadczą wzrastające wzajemne obroty handlowe. Mimo szeregu trudności, można założyć, że kontaktom biznesowym powinno także sprzyjać dostosowywanie gospodarki Białorusi do wymogów WTO na drodze ku jej członkostwu w tej organizacji (Błaszczuk 2007, s. 157-168). Na całość dokonań w zakresie współpracy gospodarczej Polski z Białorusią, rzutuje proces integracyjny zachodzący wśród państw Wspólnoty Niepodległych Państwa (WNP), w tym szczególnie Rosji i Białorusi. Celem tak rozumianej integracji, zwłaszcza ekonomicznej, jest umocnienie pozycji obu państw na arenie międzynarodowej (Świerzak, 2010). Służyć temu powinno m.in. zwiększenie bezpieczeństwa inwestycji zagranicznych i transportu między Europą a Azją.

Można jednak w tym miejscu postawić tezę, że: *Polska i Białoruś nie w pełni wykorzystują możliwości w zakresie współpracy*. W obliczu rosnącej konkurencji ze strony firm zachodnich, niezbędne jest dostrzeganie spraw gospodarczych łączących Polskę z Białorusią w szerszym kontekście, i nie należy Białorusi izolować. Mogłaby także temu procesowi sprzyjać szersza współpraca euroregionalna i transgraniczna oraz w dziedzinie badań naukowych i dydaktycznych (współdziałanie uczelni położonych bliżej granicy). Tymczasem, jak twierdzi Głogowska, od 1989 roku następuje pewna recepcja Białorusi w Polsce, ale wszystko to odbywa się wciąż jednak w tempie niezadawalającym (Głogowska 2007, s. 143-156).

Nie bez znaczenia jest także fakt, że gospodarka Białorusi stanowi szczególnie przypadek. Jej odmiennosc polega m.in. na tym, że: *zamiast na prywatyzacji, rząd białoruski koncentruje się na finansowaniu priorytetowych sektorów gospodarki* (Maksimczuk 2013, s. 159). Czyni to zarówno w sposób jawny (np. nisko oprocentowane kredyty bankowe), jak i ukryty (daleko idąca ingerencja w działalność gospodarczą). Białoruś stosuje własną strategię rozwoju i równoważenia gospodarki, tj. „społecznie zorientowaną gospodarkę rynkową”. Zasadniczym celem rządu białoruskiego jest utrzymanie stałości podstawowych parametrów makroekonomicznych (cen, kursu walutowego i stopy procentowej), zrównoważenie budżetu państwa i wyrównanie bilansu płatniczego (Maksimczuk 2012, s. 385-407). Białoruś zliberalizowała również system cen, z wyjątkiem podstawowych artykułów i surowców. Występują jednak ogromne opóźnienia jeśli chodzi o przekształcenia własnościowe i przemiany instytucjonalne. Największe zaobserwować można w dziedzinie prywatyzacji dużych przedsiębiorstw państwowych (w niektórych przypadkach nastąpiła nawet denacjonalizacja) oraz

w obszarze systemu finansowego (państwo sprawuje nadzór nad całym sektorem bankowym; Maksimczuk 2013, s. 159-160).

Białoruś przyjęła odrębne metody równoważenia gospodarki. Znacznie wykraczają one poza pakiet stosowany przez MFW. Do założeń stabilizacyjnych podchodzono tutaj bardzo ostrożnie. Takie postępowanie powodowało narastanie kosztu społecznego (m.in. drastycznie niskie dochody społeczeństwa). Na proces przekształceń w gospodarce Białorusi wpływały także takie elementy, jak: brak tradycji w zakresie funkcjonowania sektora prywatnego, głęboko zakorzeniony interwencjonizm państwowy i inne. Nie bez znaczenia był także konflikt polityczny w parlamencie odzwierciedlający nastroje społeczeństwa oraz brak tradycji niepodległościowych. Białoruś, pozostając w cieniu Rosji, ciąży w stronę izolacji gospodarczej. Trafne jest więc w tym kontekście podkreślenie, że: *historia dotychczasowego okresu pozornego transformowania gospodarki Białorusi jest w dużym stopniu historią postępowania i cofania się w procesie deregulacji mechanizmu cenowego* (Maksimczuk 2013, s. 160).

Białoruś, wchodząc na ścieżkę wstrząsu bez terapii, zliberalizowała początkowo system cen (za wyjątkiem podstawowych artykułów i surowców). Nie umocniła jednak polityki finansowej. Natomiast segmentacja rynku walutowego spowodowała zróżnicowania kursu walut w stosunku do rubla białoruskiego. W rezultacie, białoruski sektor handlu zagranicznego – istotny z punktu widzenia tego opracowania – wciąż jest zdominowany przez przedsiębiorstwa państwowe. Obrót towarowy jest regulowany metodami administracyjnymi, przybierającymi dość często postać nakazów i zakazów (Maksimczuk 2013, s. 160). Metody te będą przedmiotem szczegółowej analizy w dalszej części artykułu.

Nowa pozycja Polski oraz innych państw regionu, na co wpływ ma w szczególności ich obecność w Unii Europejskiej, wbrew powszechnym obawom, nie przyniosła negatywnych skutków w sferze handlu i współpracy gospodarczej Białorusi z sąsiednimi państwami (Sidorowicz 2012, s. 408-438). Wysoka dynamika eksportu Białorusi do tych państw jest m.in. rezultatem przyjęcia przez nowych członków Wspólnoty unijnej taryfy celnej oraz unijnego systemu preferencji. W rezultacie doprowadziło to do polepszenia warunków dostępu białoruskich towarów do rynków tych krajów. Trend ten potwierdza analiza polsko-białoruskiej wymiany handlowej z 2004 i 2005 roku (Sidorowicz 2012, s. 408-438). Wynika z niej, że latach 2002-2004 polsko-białoruskie obroty handlowe wzrosły ponad 2,5-krotnie.

Polska, już jako członek UE, była i jest jednym z głównych partnerów handlowych Białorusi. W momencie wstępowania w struktury Unii Europejskiej, zajmowała 4. miejsce pod względem wartości obrotów, za Rosją, Niemcami i Wielką Brytanią. Wyprzedzała m.in. Ukrainę, Litwę i Łotwę – poprzednich tradycyjnych partnerów handlowych Białorusi. Należy podkreślić, że Polska znacząco zmniejszyła dystans do trzeciej w tym zestawieniu Wielkiej Brytanii. Stało się tak głównie za sprawą dynamicznie rosnącego białoruskiego eksportu do Polski (Maksimczuk 2013, s. 161). Podobna dynamika wymiany towarowej kształtowała się także w roku 2005, przy czym tempo wzrostu było niższe niż w latach poprzednich. Wzrost obrotów dotyczył zarówno polskiego

eksportu, jak i importu. Dla porównania, białoruski eksport rósł szybciej niż białoruski import z Polski.

W 2005 roku Polska była także jednym z podstawowych partnerów handlowych Białorusi. Zajmowała 5. miejsce w białoruskim eksporcie (według danych białoruskich) – po Rosji, Holandii, Wielkiej Brytanii i Ukrainie (Максимчук 2015, s. 316-332). Tym samym wyprzedzała Niemcy, Litwę i Łotwę – tradycyjnych czołowych partnerów handlowych Republiki Białoruś. W białoruskim imporcie Polska była czwartym partnerem po Rosji, RFN i Ukrainie.

Aktualny (2010-2018) stan polsko-białoruskiej współpracy gospodarczej wskazuje również na systematyczny wzrost (Максимчук 2015, s. 316-332); dane na ten temat można prześledzić na stronie internetowej: <http://pl.novabelarus.com/gospodarka/rozwoj-handlu-zagranicznego-bialorusi/>. Oprócz wyraźnie zarysowanej, niekiedy nawet dość wysokiej, skali wzrostu obrotów, dostrzega się w tym zakresie również zmiany jakościowe, świadczące o rozwoju. Jednakże w poszczególnych okresach nadal występuje dość wyraźne zróżnicowanie owej rozwojowej tendencji. Można zauważyć, że niektóre, poprzednio istniejące, bariery rozwoju znikają lub tracą na sile i znaczeniu. Dość często pojawiają się też nowe – równie trudne do wyeliminowania, mimo ogromnego zaangażowania i woli obu stron².

2 CHARAKTERYSTYKA NAJWAŻNIEJSZYCH BIAŁORUSKICH PRAWNO-ADMINISTRACYJNYCH UREGULOWAŃ DOSTĘPU DO RYNKÓW

W pierwszych latach po wejściu Polski do Unii Europejskiej (po 2004 roku) stosunki gospodarcze z Białorusią rozwijały się w oparciu o regulacje prawno-traktatowe wypracowane jeszcze w latach 1991-1996. Stopniowo musiały jednak dokonywać się ich odpowiednie zmiany. Wypowiedziana została między innymi poprzednio obowiązująca polsko-białoruska umowa o współpracy gospodarczej i handlowej. Określała ona zasady handlu i była podstawą działania Polsko-Białoruskiej Komisji Mieszanej ds. Współpracy Gospodarczej. W dniu 30 kwietnia 2004 roku w Warszawie podpisana została nowa umowa o współpracy gospodarczej³. Od 1 maja 2004 roku w stosunkach Polski z Białorusią zaczęły obowiązywać już unijne przepisy celne. Miały też zastosowanie odpowiednie instrumenty wspólnej polityki handlowej. Strona białoruska oce-

2 Biorąc od uwagę cele badawcze niniejszego opracowania, nie zachodziła potrzeba szczegółowego analizowania polsko-białoruskiej wymiany handlowej, zwłaszcza wyników ekonomicznych. W związku z tym w artykule ograniczono się tylko do przedstawienia niezbędnego minimum, a główną wagę skupiono na zaprezentowanych powyżej ogólnych procesach. Szczegółowa analiza wybranych aspektów ekonomicznych znajduje się w literaturze przedmiotu podnoszącej owe zagadnienia znacznie bardziej szczegółowo, zob.: Maksimczuk i Sidorowicz 2008, Maksimczuk 2013, Максимчук 2015.

3 Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польша об экономическом сотрудничестве от 30 апреля 2004 года. Вступило в силу 25 ноября 2005 года [Электронный ресурс]: утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь 15 июля 2004 г., № 865 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

nia, że rozwiązania te oznaczają generalnie łatwiejszy dostęp do rynku polskiego⁴. Należy przypomnieć, że Białoruś, jako członek WNP, już wówczas była sygnatariuszem umów o wolnym handlu z Rosją i wszystkimi krajami b. ZSRR. Strefa wolnego handlu pomiędzy Białorusią a Rosją gwarantowana także w ramach Związkowego Państwa Białorusi i Rosji. Kluczowym podmiotem w tym zakresie jest jednak istniejąca od 1995 roku Unia Celna, której członkami stały się: Białoruś, Kazachstan, Kirgizja, Rosja, Tadżykistan. Unia Celną przekształconą została następnie w Euroazjatycką Wspólnotę Gospodarczą. Nie bez znaczenia jest także fakt, że Białoruś posiada status obserwatora WTO. Odbywają się więc rundy negocjacyjne o charakterze bilateralnym, mające poparcie Białorusi o nadanie statusu członka WTO.

Odnosić należy, że białoruski rynek zmienił się zasadniczo w kontekście Euroazjatyckiej Unii Gospodarczej, która została powołana na mocy Umowy o Euroazjatyckiej Unii Gospodarczej zawartej pomiędzy Rosją, Białorusią i Kazachstanem dnia 29 maja 2014 roku (Umowa)⁵; z dniem 2 stycznia 2015 roku do unii dołączyła także Armenia. Zapewnia to swobodny przepływ towarów, usług, kapitału, siły roboczej oraz umożliwia prowadzenie skoordynowanej, zgodnej lub jednolitej polityki gospodarczej krajów członków Unii (art. 1 Umowy). W ramach Euroazjatyckiej Unii Gospodarczej:

- funkcjonuje wewnętrzny rynek towarów;
- stosowane są jednolita taryfa celna Unii oraz inne zasady regulacji w zakresie obrotu towarowego z krajami trzecimi;
- obowiązują jednolite zasady sprzedaży towarów w stosunkach z krajami trzecimi;
- są stosowane jednolite przepisy celne;
- odbywa się swobodne przemieszczenie towarów pomiędzy krajami członkami Unii bez odprawy celnej i bez dokonywania kontroli transportowej, sanitarnej, weterynaryjnej, fitosanitarnej itp., chyba że inaczej stanowi Umowa (art. 25 Umowy).

W konsekwencji, dopuszczenie towarów polskich do obrotu w jakimkolwiek kraju należącym do Euroazjatyckiej Unii Gospodarczej oznacza, że towary te mogą być przemieszczane w granicach krajów stanowiących Unię bez żadnych ograniczeń – chyba, że inaczej stanowią przepisy szczególne. Na terenie Euroazjatyckiej Unii Gospodarczej obowiązują jednolite regulacje celne, zgodne z kodeksem celnym Unii oraz z umowami międzynarodowymi i innymi przepisami, które stanowią prawo Unii, oraz z przepisami Umowy (art. 42 Umowy). W Unii obowiązuje Jednolita Nomenklatura Towarowa Współpracy z Zagranicą Euroazjatyckiej Unii Gospodarczej (kody celne) oraz Jednolita Taryfa Celna Euroazjatyckiej Unii Gospodarczej (art. 42 ust. 1 Umowy). Stawki ceł wwozowych Jednolitej Taryfy Celnej Euroazjatyckiej Unii Gospodarczej są jednolite i nie podlegają zmianom niezależnie od osób, które przemieszczają towary

4 Polska Wystawa Narodowa na Białorusi, „Rynek-Wschodni Partnerzy”, Nr 7(97) 2004 r., s. 20.

5 *Договор о Евразийском экономическом союзе* [Электронный ресурс]: подписан в г. Астане 29.05.2014 г, ред. от 08.05.2015 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017 г. // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.

przez granicę celną Unii, umów i innych okoliczności – z wyjątkiem przypadków określonych w Umowie (art. 42 ust. 4 Umowy).

Do czasu wstąpienia Białorusi do Unii Celnej, w regulacjach dotyczących handlu zagranicznego uczestniczyły (z odpowiednimi kompetencjami) odpowiednie organy władzy. Ze względu główny przedmiot opracowania, czyli prawne uregulowania handlu z Polską, do tych podmiotów należy zaliczyć:

- Prezydenta Republiki Białoruś (określa podstawowe kierunki polityki zagranicznej państwa);
- Radę Ministrów (zapewnia prowadzenie polityki handlu zagranicznego, opracowuje program rozwoju ekonomiki zagranicznej, zapewnia ochronę krajowych producentów, zatwierdza wysokość taryf celnych);
- Ministerstwo Spraw Zagranicznych (między innymi uczestniczy: w opracowywaniu mechanizmu stosunków walutowo-kredytowych, opracowywaniu prognozy bilansu handlu zagranicznego, uczestniczy w kontroli zachowywania przez ministerstwa interesów państwowych na rynku zagranicznym i w innych);
- Ministerstwo Gospodarki (uczestniczy między innymi w: przygotowywaniu propozycji mechanizmów regulacji zagranicznej polityki gospodarczej, opracowywaniu kierunków polityki walutowo-kredytowej, proponuje wysokość stawek celnych);
- Ministerstwo Handlu (prowadzi działalność operacyjną związaną z wprowadzeniem regulacji zagranicznej polityki gospodarczej w życie);
- Ministerstwo Finansów (określa politykę finansową w sferze działalności gospodarczej, uczestniczy w regulowaniu transakcji eksportowo-importowych, prowadzi działalność w sferze kredytowych i walutowo-finansowych operacji z innymi państwami, analizuje finansowe problemy związane z międzynarodową współpracą ekonomiczną, przygotowuje propozycje polepszenia walutowo-finansowych stosunków z innymi krajami);
- Państwowy Komitet Celny (realizuje politykę celną państwa, dba o bezpieczeństwo kraju w ramach swoich kompetencji, modernizuje środki regulacji celnych, tworzy przyjazne warunki do współpracy z zagranicą, uczestniczy w rozwoju stosunków zagranicznych, walczy z kontrabandą, nieprzestrzeganiem przepisów prawa celnego, pobiera w terminie cła, podatki i inne konieczne opłaty);
- Narodowy Bank Republiki Białoruś (emituje walutę krajową – rubel białoruski, zarządza rezerwami Republiki, określa i publikuje kurs rubla białoruskiego do innych walut);
- Parlament (wraz z prezydentem określa podstawowe kierunki polityki gospodarczej państwa, ratyfikuje umowy handlowe z innymi krajami);
- Izba Handlowo-Przemysłowa Republiki Białoruś – jako niepaństwowa organizacja zrzeszająca przedsiębiorców (także związanych z zagranicznym obro-

6 Na podstawie: <http://pl.novabelarus.com/gospodarka/rozwoj-handlu-zagranicznego-bialorusi/>, dn. 15.06.2018.

tem towarowym) w celu ochrony ich interesów w stosunku z państwem i jego organami.

Początkowo podstawowymi aktami prawnymi regulującymi działalność handlu zagranicznego Białorusi była ustawa z 25 listopada 2004 nr 347-3 *O państwowej regulacji handlu zagranicznego*⁷, ustawa z 25 listopada 2004 nr 346-3 *O środkach ochrony interesów RB przy prowadzeniu handlu zagranicznego towarami*⁸ oraz Dyrektywa Prezydenta Republiki Białorusi *O priorytetowych kierunkach umocnienia bezpieczeństwa gospodarczego państwa*⁹.

Państwowe regulacje dotyczące handlu zagranicznego Białorusi są realizowane za pomocą narzędzi taryfowych i nie taryfowych oraz nadania państwu wyłącznego prawa do realizacji niektórych rodzajów handlu zagranicznego. Dzięki temu Prezydent (albo Parlament Białorusi) mogą wprowadzać ilościowe ograniczenia dotyczące eksportu lub importu towarów, prac lub usług w przypadkach, gdy w grę wchodzi:

- ochrona ekonomicznego bezpieczeństwa Republiki Białoruś;
- ochrona rynku wewnętrznego;
- wywiązywanie się z międzynarodowych zobowiązań.

W odniesieniu do handlu zagranicznego, na Białorusi występuje wiele ograniczeń. Do najważniejszych barier, utrudniających dostęp do rynku białoruskiego, można by zaliczyć¹⁰:

- ochronę własnych producentów i protekcjonizm w zastosowaniu instrumentów prawnych i pozaprawnych (wysokie cła i podatki, system certyfikacji towarów i licencjonowania działalności, podatki od obrotu towarami importowanymi, wszczynanie postępowań ochronnych wobec towarów importowanych i wprowadzanie instrumentów ochronnych, ograniczanie konkurencji i hamowanie prywatyzacji, utrudnianie swobody zakupów towarów importowanych w drodze przetargów, polecenia ustne, czy pisemne ze strony administracji państwowej i władz lokalnych ograniczające swobodę zakupów towarów przez przedsiębiorstwa handlu detalicznego itp.);
- czasochłonne, niezrozumiałe i specyficzne procedury i zwyczaje przy przekraczaniu granicy i odprawie towarów;

7 О государственном регулировании внешнеторговой деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 25 нояб. 2004 г. № 347-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8 О мерах по защите экономических интересов Республики Беларусь при осуществлении внешней торговли товарами [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 25 нояб. 2004 г. № 346-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 июля 2016 г. № 397-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9 О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства [Электронный ресурс]: Директива Президента Республики Беларусь, 14 июня 2007 г., № 3: в ред. Указа № 26 от 26 января 2016 г. / ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10 Na podstawie: <http://pl.novabelarus.com/gospodarka/rozwoj-handlu-zagranicznego-bialorusi/>, dn.15.06.2018r.

- często zmieniające się skomplikowane prawo gospodarcze, podatkowe, celne, stwarzające nierówność w traktowaniu podmiotów gospodarczych i organów państwa;
- rozbudowany ponad miarę system kontroli, nieadekwatne sankcje w stosunku do stwierdzonych naruszeń prawa i błędów;
- system regulacji cen i marż przez administrację państwową;
- trudna sytuacja finansowa wielu przedsiębiorstw, niskie dochody ludności ograniczające popyt.

Handel zagraniczny Białorusi w decydującym stopniu jest regulowany administracyjnie. Realizuje się to głównie poprzez stosowanie systemu licencji, zarówno w eksporcie, jak i w imporcie. Handel zagraniczny jest jednocześnie zdominowany przez przedsiębiorstwa państwowe. Bazę prawną dla prowadzenia handlu zagranicznego stanowią następujące ustawy o¹¹:

- podstawach działalności handlu zagranicznego¹²;
- taryfie celnej i Kodeksie Celnym Republiki Białorusi¹³;
- normach technicznych i standaryzacji¹⁴.

Uzupełnione są one dekretemi Prezydenta i rozporządzeniami Rady Ministrów oraz przepisami zawartymi w kodeksie cywilnym, prawie pracy, regulacjach finansowych i innych przepisach, w tym w również w Konstytucji Republiki Białorusi. Przewiduje ona ochronę wszystkich podmiotów gospodarczych oraz równe prawa i warunki działania dla wszystkich form własności.

Dokumenty istotne z punktu widzenia podmiotów gospodarczych działających w handlu zagranicznym, wydawane są przez Państwowy Komitet Celny RB w postaci rozporządzeń i instrukcji. Szczególną rangę nadano rozporządzeniu regulującemu *ogólny tryb odprawy celnej towarów wwożonych na obszar celny Republiki Białorusi w charakterze wkładu udziałowców w fundusz założycielski przedsiębiorstw z kapitałem zagranicznym*¹⁵.

Ważne zmiany przepisów związanych z prowadzeniem handlu zagranicznego, dotyczą m.in. wprowadzenia od 1 stycznia 2005 roku obowiązkowi licencjonowania

11 Na podstawie: <http://pl.novabelarus.com/gospodarka/rozwoj-handlu-zagranicznego-bialorusi/>, dn.15.06.2018r.

12 Об основах внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 3 февраля 1990 г. № 354-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

13 О Таможенном тарифе [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 25 октября 1993 г. № 2151-XII: в ред. от 13.11.2008 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.) и Таможенный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 4 января 2007 г., № 204-3: принят Палатой представителей 7 декабря 2006 г.: одобр. Советом Республики 20 декабря 2006 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

14 О техническом нормировании и стандартизации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-3: в ред. от 24.10.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

15 Там же.

przerobu i konserwowania wszystkich gatunków ryb¹⁶. Ponadto wwóz na terytorium Białorusi ryb i produktów morza oraz towarów otrzymanych z ich przerobu, za wyjątkiem przewozów tranzytowych, może być dokonywany wyłącznie przez podmioty (osoby fizyczne i prawne), które w wyniku przetargu, uzyskały odpowiednie kontyngenty przywozowe. Na podstawie rozporządzenia Rady Ministrów z dnia 16 czerwca 2004 roku Nr 714 *o środkach rozwoju handlu hurtowego na giełdach towarowych*, od 1 stycznia 2005 roku wszystkie transakcje handlu materiałami drzewnymi i metalowymi wyrobami walcowanymi, które są zawierane przez osoby prawne, a których wartość przekracza 10.000 EUR, muszą odbywać się za pośrednictwem giełd towarowych¹⁷.

Zgodnie z zarządzeniem Komitetu ds. Standaryzacji, Metrologii i Certyfikacji przy Radzie Ministrów z dnia 30 lipca 2004 roku Nr 35 *o zatwierdzeniu wykazu produktów, usług i innych działań podlegających obowiązkowemu potwierdzeniu zgodności na Białorusi*, określona została grupa towarów i usług podlegających obowiązkowej certyfikacji. Ponadto wprowadzono obowiązkowe potwierdzanie zgodności następujących towarów¹⁸:

- od 1 kwietnia 2005 roku – aktywnych systemów akustycznych komputerów osobistych i części do maszyn rolniczych;
- od 1 maja 2005 roku – preparatów weterynaryjnych oraz roślin używanych do produkcji preparatów weterynaryjnych;
- od 1 lipca 2005 roku – środków transportu.

Z dniem 16 czerwca 2005 roku na ternie Republiki Białoruś weszły także w życie następujące ustawy:

- z dnia 25 listopada 2004 roku Nr 347-3 *o państwowej regulacji działalności handlu zagranicznego*¹⁹;
- z dnia 25 listopada 2004 roku Nr 346-3 *o środkach ochrony interesów RB przy prowadzeniu handlu zagranicznego towarami*²⁰.

16 О государственном регулировании импорта, переработки, реализации рыбы и морепродуктов и о внесении дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 29 февраля 2000 г. N 97 [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 23.04.2003, № 164: в ред. Указа Президента Республики Беларусь, 14.10.2004, № 502 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

17 О мерах по развитию биржевой торговли на товарных биржах [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 16.06.2004, № 714: в ред. постановления Совмина, 18.02.2011, № 206 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

18 Об утверждении перечня продукции, услуг, персонала и иных объектов оценки соответствия, подлежащих обязательному подтверждению соответствия в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Комитета по стандартизации, метрологии и сертификации при Совете Министров Республики Беларусь, 30.07.2004, № 35 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

19 О государственном регулировании внешнеторговой деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 25 нояб. 2004 г. № 347-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

20 О мерах по защите экономических интересов Республики Беларусь при осуществлении внешней торговли товарами [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 25 нояб. 2004 г. № 346-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 июля 2016 г. № 397-3 // ЭТАЛОН. Законодательство

Pierwsza z tych ustaw określa prawne podstawy państwowej regulacji handlu zagranicznego, co może być realizowane za pośrednictwem instrumentów taryfowych, zakazów i ograniczeń w handlu usługami (w tym przedmiotami własności intelektualnej) oraz środków o charakterze ekonomicznym i administracyjnym. Druga z kolei, reguluje podstawy i tryb stosowania specjalnych środków ochronnych, antydumpingowych i zapobiegawczych. Niewątpliwie miały one związek z faktem poszerzenia się na wschód Unii Europejskiej i przyjęcia oraz stosowania wspólnej polityki handlowej (Sidorowicz 2012).

W wymianie handlowej Białorusi występują także stosunkowo liczne ograniczenia asortymentowe w imporcie i eksporcie. I tak przykładowo: zabroniony jest import odpadów radioaktywnych i toksycznych, materiałów audiowizualnych i drukowanych, które mogą naruszać moralność, zdrowie obywateli lub bezpieczeństwo państwowe. Ograniczeniom podlega import broni i amunicji, środków narkotycznych, psychotropowych i innych leków nowej generacji (wymagane jest zezwolenie Ministerstwa Zdrowia). Podobnie przedstawiają się ograniczenia dotyczące materiałów jądrowych i niszczących warstwę ozonową, sprzętu do szyfrowania, organów i części ciała ludzkiego przeznaczonych do transplantacji (Maksimczuk 2013, s. 189).

Występuje też licencjonowanie eksportu wyrobów tekstylnych do państw Unii Europejskiej i Turcji. Licencjonowany jest także eksport i import szeregu innych towarów. Zarówno licencje eksportowe, jaki i importowe wydawane są przez Ministerstwo Handlu Republiki Białoruś.

Ponadto²¹:

- Państwowa Inspekcja ds. Kwarantanny Roślin nadzoruje import: nasion, sadzonek, owoców i warzyw, zbóż, słodu, ziarna, mąki, szyszek chmielu, roślin do produkcji kosmetyków i leków, słomy i plew zbożowych, siana, koniczyny, materiałów roślinnych do wyplatania, odpadów przemysłu spożywczego, lnu i konopi, skór i wyrobów ze skóry, wełny, i sierści, artykułów kolonialnych, ryżu, produktów przemysłu młynarskiego, kultur grzybów, bakterii i wirusów, zbiorów zoologicznych, botanicznych, mineralogicznych i anatomicznych, zaś,
- Państwowa Inspekcja Weterynaryjna nadzoruje import: zwierząt żywych, mięsa i wyrobów z mięsa, ryb, produktów pochodzenia zwierzęcego, pasz zwierzęcych i roślinnych, soli pastewnej, tłuszczów i olejów pochodzenia zwierzęcego, wyrobów mlecznych, sosów, drożdży, bulionów, napojów bezalkoholowych, leków i witamin dla zwierząt.

W eksporcie z terytorium Białorusi zabroniony jest również wywóz: ziół leczniczych, antyków, dóbr kultury, niektórych żywych zwierząt, drewna nieprzerobionego, towarów, które zostały wwiezione do kraju w celach humanitarnych, nośników informacji mogących szkodzić polityce państwa, zdrowiu i uczuciom religijnym, czy eksport zbóż (w 2003 roku dozwolony za zgodą ministerstwa).

Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

21 Tamże.

Ważnym zagadnieniem w handlu z Białorusią jest certyfikacja towarów. Od stycznia 1994 roku na Białorusi wprowadzono obowiązkową certyfikację towarów konsumpcyjnych, robót i usług oraz zakaz reklamowania produktów nieposiadających obowiązkowych certyfikatów. Towary powszechnego użytku, środki chemiczne i biologiczne, materiały oraz wyroby z nich, produkty spożywcze i surowce do ich produkcji – muszą posiadać certyfikat bezpieczeństwa, dołączony do każdej partii wwożonych towarów. Obowiązkowa certyfikacja towarów jest postrzegana jako poważna bariera w dostępie do rynku białoruskiego (Maksimczuk i Sidorowicz 2008, s. 154-155).

Podstawowymi dokumentami potwierdzającymi bezpieczeństwo towarów są:

- *świadcstwo jakości* wydane przez producenta;
- potwierdzenie rejestracji towaru w Państwowym Instytucie Fitosanitarnym, wydane przez Ministerstwo Zdrowia;
- certyfikat zgodności wydawany przez Bietstandard lub inny uprawniony organ.

Warunkiem wydania przez organ celny zezwolenia na wykorzystanie przez zainteresowane osoby towarów wwiezionych na terytorium Białorusi, jest posiadanie dokumentów potwierdzających certyfikację tych towarów w Narodowym Systemie Certyfikacji Republiki Białoruś.

Ważną rolę w handlu białoruskim pełnią licencje, zarówno w eksporcie, jak i w imporcie. Na podstawie rozporządzenia Rady Ministrów Nr 440 z 8 kwietnia 2002 roku o *środkach doskonalenia regulowania eksportu i importu towarów*, wprowadzono nowy system licencji w eksporcie i imporcie²². Uzyskanie licencji nie jest konieczne, jeśli wartość towaru nie przekracza 200 EURO, a wwóz lub wywóz odbywa się jednorazowo (nie więcej niż jeden raz w roku kalendarzowym). Za wydanie poszczególnych rodzajów licencji pobiera się opłaty w wysokości:

- 26 stawek bazowych – za licencję generalną;
- 17 stawek bazowych – za jednorazową;
- 50% sumy wpłaconej za licencję – za wniesienie do niej zmian;
- 50% sumy wpłaconej za licencję – za przedłużenie terminu obowiązywania licencji;
- 9 stawek bazowych – za wydanie duplikatu licencji w przypadku jej utraty.

Szczegółowy tryb wydawania licencji określa decyzja Ministra Handlu RB Nr 26 z dnia 18 maja 2002 roku, opracowana na podstawie rozporządzenia Rady Ministrów Nr 440 z dnia 8 kwietnia 2002 roku o *środkach doskonalenia regulowania eksportu i importu towarów*²³.

22 О мерах по совершенствованию регулирования экспорта и импорта товаров [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 апреля 2002 г. №440: в ред. Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 11 мая 2005 г. № 475 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

23 Постановление Министерства торговли Республики Беларусь от 18 мая 2002 г. № 2606 утверждения Инструкции о порядке заполнения заявлений-лицензий на экспорт и импорт товаров и оформления лицензий [Электронный ресурс]: // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Licencja może przybierać formę tradycyjnego pisma lub zapisu na nośnikach elektronicznych (w zależności od prośby wnioskodawcy). Licencja w formie tradycyjnej powinna być wydana w terminie 5 dni roboczych od złożenia dokumentów.

Osobnym zagadnieniem są regulacje techniczne importu wyrobów mięsnych przez podmiot jednego z krajów Euroazjatyckiej Unii Gospodarczej; określa je Regulamin Techniczny *O bezpieczeństwie mięsa i wyrobów mięsnych* (TP TC 034/2013)²⁴. Ustęp 129 Regulaminu stanowi, że ocena (potwierdzenie) zgodności wyrobów mięsnych odbywa się zgodnie z wymogami tego Regulaminu Technicznego oraz Regulaminu Technicznego *O bezpieczeństwie towarów żywnościowych* (TP TC 021/2011)²⁵. Produkty mięsne (z wyjątkiem produktów mięsnych dla niemowląt oraz produktów mięsnych nowego typu), przed wprowadzeniem do obrotu na obszarze celnym Unii Celnej, podlegają deklarowaniu zgodności według określonych zasad (ust. 132 Regulaminu Technicznego *O bezpieczeństwie mięsa i wyrobów mięsnych*). Potwierdzenie zgodności produktów mięsnych z wymogami regulaminu technicznego odbywa się przez przyjęcie oświadczenia wnioskodawcy, opartego o jego dowody oraz dowody uzyskane od jednostki certyfikującej systemu zarządzania (dla schematu 6d) oraz od akredytowanego laboratorium badawczego, wpisanego do Jednolitego Rejestru Organów ds. Certyfikacji i Laboratoriów Badawczych Unii Celnej (ust. 133 tego Regulaminu).

3 PODSUMOWANIE

Czy aktualnie funkcjonujące w Republice Białoruś prawno-administracyjne uregulowania dostępu do rynku stwarzają dobre perspektywy rozwoju polsko-białoruskiej wymiany handlowej?

Rozważania poczynione w treści zasadniczej tego opracowania pozwoliły pozytywnie zweryfikować postawioną na wstępie hipotezę badawczą, iż nowe białoruskie uregulowania prawno-administracyjne, powstałe po 2004 roku, odnoszące się do handlu zagranicznego z Polską jako członkiem Unii Europejskiej, dostosowane do nowych warunków, nie należy uznawać za czynnik hamujący rozwój polsko-białoruskiej wymiany handlowej.

Nadmienić jednak trzeba, że wcale nie oznacza to braku występowania jakichkolwiek przeszkód i czynników hamujących ten proces, wszak idealny wzorzec takiej współpracy nie istnieje w praktyce światowego handlu zagranicznego. Jedną poważniejszych przeszkód w rozwoju wymiany handlowej między Polską a Białorusią są podejmowane przez stronę białoruską decyzje wprowadzające poważne

24 Технический регламент Таможенного союза «О безопасности мяса и мясной продукции» (TP TC 034/2013) [Электронный ресурс]: принят Решением Совета евразийской экономической комиссии от 9 октября 2013 г. № 68 // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.

25 Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (TP TC 021/2011) [Электронный ресурс]: утвержден Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880 // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.

ograniczenia w imporcie niektórych polskich towarów. Wprawdzie odnoszą się one głównie do produktów rolno-spożywczych, jednakże znacząco hamują wymianę handlową. Na Białorusi w ostatnim okresie większą uwagę przywiązuje się bowiem do programów wspierania produkcji zastępującej import, niż do instrumentów wspierających eksport. Celem tak prowadzonej polityki gospodarczej jest przede wszystkim dążenie do niezależnienia się od zagranicy, a nie integracja gospodarki białoruskiej z gospodarką światową. Taka tendencja ma na celu głównie ochronę rodzimego przemysłu i sektora rolno-spożywczego. Nie bez znaczenia jest także fakt, że na białoruski eksport pracują głównie największe zakłady przemysłowe: rafinerie, zakłady włókien sztucznych, zakłady azotowe, kombinat soli potasowych, cementownie, fabryka ciągników rolniczych, fabryka samochodów ciężarowych, fabryka opon. Przedsiębiorstwa małe i średnie produkują przeważnie na potrzeby rynku wewnętrznego, ponadto nie dysponują one odpowiednimi środkami promocji swojej produkcji za granicą. Niski poziom eksportu wymusza ograniczanie poziomu importu. W dodatku musi to odbywać się tak, aby nie naruszyć równowagi w bilansie płatniczym kraju.

Bariery w dostępie do rynku białoruskiego nie mają jednak charakteru bezwzględnych zakazów. Są to raczej bariery typu biurokratycznego. Tym samym wymagają zazwyczaj podejmowania dodatkowych działań ze strony importerów. Można więc je próbować skutecznie pokonywać.

Dostęp polskich towarów do rynku białoruskiego jest ograniczony istnieniem szeregu barier i ograniczeń pozataryfowych. Należą do nich: licencjonowanie eksportu i importu, czy obowiązkowa rejestracja kontraktów na niektóre towary. Utrudnieniem jest także system certyfikacji. Polscy przedsiębiorcy, mimo wielu trudności i barier w dostępie do rynku białoruskiego (o jakich była mowa poprzednio), nadal postrzegają Białoruś jako sąsiada, z którym warto współpracować. Nadal są żywo zainteresowani potencjałem gospodarczym oraz rynkami tego kraju, jak również kierunkami ich ewolucji w bliższej i dalszej perspektywie czasowej.

Patrząc w przyszłość, można śmiało stwierdzić, że w stosunkach handlowych pomiędzy Polską a białoruskim wschodnim sąsiadem, ukryty jest olbrzymi potencjał. Oparty on jest głównie na bliskim położeniu geograficznym krajów. W konsekwencji przekłada się to na między innymi, niższe koszty transportu, a także na stosunkowo taniej, a jednocześnie wykwalifikowanej sile roboczej na Białorusi. Jednakże sytuacja polityczna Republiki Białoruś oraz co jakiś czas pojawiające się oziębienie stosunków dyplomatycznych pomiędzy Warszawą a Mińskiem stanowi (według H. Głogowskiej) dość znaczące ograniczenie dla rozwoju wymiany gospodarczej²⁶. Może to, niestety, stanowić ryzyko dla przyszłych inwestycji w tym państwie. Z drugiej strony wiadomo jest, że w dłuższej perspektywie Białoruś nie może sobie pozwolić na dalszą izolację. Musi coraz wyraźniej dostrzegać potencjał w krajach Unii Europejskiej – w tym także sąsiedniej Polski. I ten właśnie fakt pozwala na realne możliwości dalszego rozwoju białorusko-polskiej wymiany handlowej i znacznie szerszej współpracy gospodarczej.

26 Porównaj: Głogowska H., *Współczesna recepcja Białorusi w Polsce (po 1989 r.)*, [w:] Ciborowski R., Grabowiecki J., *Rola Polski w polityce Unii...*, op. cit., s. 144-156.

Literatura

Białoruś. Przewodnik dla przedsiębiorców (2005), UNIDO, Warszawa.

Błaszczuk M. (2007), *Stosunki Unii Europejskiej z Białorusią – rola Polski*, [w:] Ciborowski R., Grabowiecki J. (red. nauk.), *Rola Polski w polityce Unii Europejskiej wobec krajów Europy Środkowo-Wschodniej*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok, s. 157-168.

Borko H. (2005), *Republika Białoruś jako partner gospodarczy Polski*, [w:] Starzyk K. (red.), *Gospodarcze sąsiedztwo Polski w warunkach transformacji i integracji z Unią Europejską, globalizacji*, Wydawnictwo Naukowe Semper, Warszawa.

Domagała M., Piskorski M., Sieradzki P.J., Szołucha M. (2012) *Białoruś. Model państwa i gospodarki*, Europejskie Centrum Analiz Geopolitycznych, Warszawa.

Głogowska H. (2007), *Współczesna recepcja Białorusi w Polsce (po 1989r.)*, [w:] Ciborowski R., Grabowiecki J., *Rola Polski w polityce Unii Europejskiej wobec krajów Europy Środkowo-Wschodniej*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok, s. 143-156.

Maksimczuk A. (2012), *Polsko-białoruska wymiana towarowa w momencie integrowania się Polski z UE i jej prawno-ekonomiczne uregulowania*, [w:] Dziemianowicz R., Kargol-Wasiluk A., Wilkin J., Zalesko M., *Między ekonomią a historią. Studia ofiarowane Profesorowi Czesławowi Noniewiczowi z okazji 75. urodzin*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok, s. 385-407.

Maksimczuk A. (2013), *Granice państwowe, relacje z sąsiedztwem gospodarczym i wschodnie pogranicze Polski w dobie transformacji, integracji i globalizacji, tom 2. Współpraca gospodarcza Polski z krajami Europy Wschodniej i problemy rozwoju wybranych obszarów jej wschodniego pogranicza (na przykładzie województwa podlaskiego)*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok.

Maksimczuk A., Sidorowicz L. (2008), *Polska granica wschodnia w warunkach transformacji. Wybrane aspekty*, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Białymstoku, Białystok.

Максимчук А.И., (2015), *Польша: Интеграция с Европейским Союзом и отношения с Востоком*, ГрГУ им. Я. Купалы, Гродно.

Polska Wystawa Narodowa na Białorusi, (2004) „Rynek-Wschodni Partnerzy”, Nr 7(97) .

Sidorowicz L. (2012), *Konieczność przyjęcia wspólnej polityki handlowej w polsko-białoruskich kontaktach handlowych wraz z momentem integrowania się Polski z UE*, [w:] Dziemianowicz R., Kargol-Wasiluk A., Wilkin J., Zalesko M., *Między ekonomią a historią. Studia ofiarowane Profesorowi Czesławowi Noniewiczowi z okazji 75. urodzin*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok, s. 408-438.

Świerzak P. (2010), *Białorusko-polskie stosunki ekonomiczne*, „Bezpieczeństwo Narodowe”, nr 12-13.

Akty prawno-administracyjne Republiki Białoruś

Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: подписан в г. Астане 29.05.2014 г, ред. от 08.05.2015 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017 г. // Консультант Плюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.

О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства [Электронный ресурс]: Директива Президента Республики Беларусь, 14 июня 2007 г., № 3: в ред. Указа № 26 от 26 января 2016 г. / ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Об основах внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 3 февраля 1990 г. № 354-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О Таможенном тарифе [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 25 октября 1993 г. № 2151-XII: в ред. от 13.11.2008 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.) и Таможенный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 4 января 2007 г., № 204-3: принят Палатой представителей 7 декабря 2006 г.: одобр. Советом Республики 20 декабря 2006 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О техническом нормировании и стандартизации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-3: в ред. от 24.10.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О государственном регулировании импорта, переработки, реализации рыбы и морепродуктов и о внесении дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 29 февраля 2000 г. N 97 [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 23.04.2003, № 164: в ред. Указа Президента Республики Беларусь, 14.10.2004, № 502 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О мерах по развитию биржевой торговли на товарных биржах [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 16.06.2004, № 714: в ред. постановления Совмина, 18.02.2011, № 206 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Об утверждении перечня продукции, услуг, персонала и иных объектов оценки соответствия, подлежащих обязательному подтверждению соответствия в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Комитета по стандартизации, метрологии и сертификации при Совете Министров Республики Беларусь, 30.07.2004, № 35 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О государственном регулировании внешнеторговой деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 25 нояб. 2004 г. № 347-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О мерах по защите экономических интересов Республики Беларусь при осуществлении внешней торговли товарами [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 25 нояб. 2004 г. № 346-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 июля 2016 г. № 397-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О мерах по совершенствованию регулирования экспорта и импорта товаров [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 апреля 2002 г. № 440: в ред. Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 11 мая 2005 г. № 475 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Постановление Министерства торговли Республики Беларусь от 18 мая 2002 г. № 2606 утверждения Инструкции о порядке заполнения заявлений-лицензий на экспорт и импорт товаров и оформления лицензий [Электронный ресурс]: // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польша об экономическом сотрудничестве от 30 апреля 2004 года. Вступило в силу 25 ноября 2005 года [Электронный ресурс]: утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь 15 июля 2004 г., № 865 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Технический регламент Таможенного союза «О безопасности мяса и мясной продукции» (ТР ТС 034/2013) [Электронный ресурс]: принят Решением Совета евразийской экономической комиссии от 9 октября 2013 г. № 68 // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.

Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (ТР ТС 021/2011) [Электронный ресурс]: утвержден Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880 // Консультант Плюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.

Źródła elektroniczne

<http://pl.novabelarus.com/gospodarka/rozwoj-handlu-zagranicznego-bialorusi/>, dn.15.06.2018r.

Marta **Maksimczuk**

BIAŁORUSKIE UREGULOWANIA CELNE A MOŻLIWOŚCI ROZWOJU POLSKO-BIAŁORUSKIEJ WYMIANY HANDLOWEJ PO 2004 ROKU

BELARUSIAN CUSTOMS REGULATIONS AND POSSIBILITIES OF DEVELOPMENT OF COMMERCIAL EXCHANGES BETWEEN BELARUS AND POLAND AFTER 2004

STRESZCZENIE

Integracja Polski z Unią Europejską stworzyła nowe ekonomiczno-prawne uwarunkowania realizacji polsko-białoruskiej wymiany handlowej. Od tej pory, w kontaktach z Białorusią, Polska kierowała się już rozwiązaniami wspólnej polityki handlowej i innymi regulacjami prawnymi Unii Europejskiej. Wraz z dostosowywaniem się do nowych realiów, zmieniały się również białoruskie regulacje prawne prowadzenia handlu zagranicznego.

W opracowaniu przeanalizowano zmianę zasad dotyczących w szczególności białoruskich uregulowań celnych obowiązujących od 2004 roku – w porównaniu do stanu prawnego w 2018 roku. Analizie poddano najważniejsze uregulowania prawne polityki celnej Białorusi oraz podjęto próbę zarysowania najważniejszych elementów oceny ich wpływu na możliwości rozwoju białorusko-polskiej wymiany handlowej.

SŁOWA KLUCZOWE

cta i polityka celna, wymiana handlowa, handel zagraniczny, dostępność rynków, podstawy prawne handlu zagranicznego, ochrona rynku wewnętrznego, państwowa regulacja handlu zagranicznego

ABSTRACT

The integration of Poland with the European Union has created new economic and legal conditions for the implementation of the Polish-Belarusian trade exchange. Since then, in these contacts with Belarus, Poland has already been guided by the solutions of the common trade policy and other legal regulations of the European Union. Along with that, in adapting to the new realities, the Belarusian legal regulations for conducting its foreign trade also changed. This study analyzes the change in their part concerning Belarusian customs regulations in force since 2004 – with the legal status for 2018. Here, the most important legal regulations of Belarusian customs policy in this area are analyzed – with at least an attempt to outline the most important elements of the assessment of their impact on the possibilities of development of the commercial exchanges between Poland and Belarus.

KEYWORDS

customs and customs policy, commercial exchanges, foreign trade, accessibility of markets, legal bases of foreign trade, protection of the internal market, state regulation of foreign trade

WSTĘP

Współpraca handlowa i gospodarcza Polski z Republiką Białoruś ma już kilkudziesięcioletnią historię, chociaż na tle innych sąsiadów, jeszcze niezbyt długą. Niewątpliwie oba państwa i narody są zdane na utrzymywanie ze sobą określonych sąsiedzkich relacji handlowych i gospodarczych. Z tego także wynika ważność i aktualność problematyki dotyczącej kwestii białoruskich uregulowań celnych i wynikających z nich możliwości rozwoju polsko-białoruskiej wymiany handlowej po 2004 roku. Temat opracowania, wprawdzie traktujący głównie o uregulowaniach celnych, nie może jednak pominąć związanych z tym zagadnieniem aspektów ekonomicznych¹.

W opracowaniu, w pierwszej kolejności scharakteryzowano celne uregulowania prowadzenia handlu zagranicznego oraz regulacje funkcjonujące na Białorusi – już po włączeniu Polski w struktury Unii Europejskiej. Polska, w analizowanym okresie, w kontaktach handlowych z Białorusią kierowała się rozwiązaniami wspólnej polityki handlowej i celnej Unii Europejskiej. Niemniej zmieniały się także białoruskie regulacje prawne, traktujące o dostępie do rynków tego kraju. W opracowaniu poddano analizie ich część – tę dotyczącą stosowanych przez Białoruś prawnych uregulowań celnych prowadzenia przez podmioty gospodarcze tego kraju wymiany handlowej w nowo powstałych warunkach. Scharakteryzowano najważniejsze uregulowania prawne Białorusi z tego zakresu i przedstawiono ich stan na 2018 rok. Podjęto także próbę oceny ich wpływu na polsko-białoruskie obroty handlowe.

Obiektem badań niniejszego opracowania stały się dostępne w oryginale (w języku rosyjskim) białoruskie² regulacje celne handlu zagranicznego oraz ich wpływ na rozwój polsko-białoruskiej wymiany handlowej. Stosując głównie metodę opisową, wspartą w niektórych kwestiach analizą przyczynowo-skutkową, zastosowano również elementy ekonomicznej analizy prawa. Założony cel badawczy pracy zakładał przedstawienie zależności i kierunku wpływu białoruskich uregulowań celnych handlu zagranicznego na rozwój polsko-białoruskiej wymiany handlowej po 2004 roku. Realizacja celu sprowadzała się w konsekwencji do zebrania argumentów niezbędnych do weryfikacji postawionej następującej hipotezy badawczej: zmiany w białoruskich uregulowaniach celnych, w ich części odnoszącej się do handlu zagranicznego z Polską jako członkiem Unii Europejskiej, stopniowo będąc coraz bardziej dostosowane do nowych warunków prowadzenia tego handlu, nie należy uznawać za czynnik hamujący rozwój polsko-białoruskiej wymiany handlowej po 2004 roku.

1 Ich szczegółowa prezentacja, nie tylko w odniesieniu do białoruskich prawno-administracyjnych regulacji handlu zagranicznego, ale także w podnoszonych w niniejszym opracowaniu uregulowań celnych Białorusi, została zaprezentowana w: Maksimczuk M., *Prawno-administracyjne uregulowania handlu zagranicznego Białorusi – wybrane aspekty i próba oceny wpływu*, „Equilibrium” Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Białymstoku, nr 2, 2018.

2 Polskie i unijne uregulowania zasadniczo nie były przedmiotem czynionych rozważań i analiz w niniejszym artykule.

O najistotniejszych³ zmianach w białoruskich uregulowaniach celnych po 2004 roku. Analiza stanu prawnego w roku 2018

Podstawą białoruskiego systemu celnego w latach 90. XX oraz w pierwszej dekadzie XXI wieku były:⁴

- ustawa o taryfie celnej z dnia 25 października 1993 roku⁵;
- Kodeks Celny RB z dnia 4 stycznia 2007 roku⁶;
- Decyzja Rady Ministrów RB nr 791 z dnia 17 czerwca 2002 roku *o nomenklaturze towarowej stosowanej podczas realizacji działalności w handlu zagranicznym*⁷;
- Decyzja Rady Ministrów RB nr 864 z dnia 28 czerwca 2002 roku *o zatwierdzeniu wywozowych stawek celnych*⁸;
- Decyzja Rady Ministrów RB nr 865 z dnia 28 czerwca 2002 roku *o zatwierdzeniu wwozowych stawek celnych*⁹.

Kodeks Celny we wskazanym okresie określał następujące rodzaje obrotu towarowego (procedury celne): import, eksport, składowanie w magazynie celnym, obrót uszlachetniający, przerób w celu swobodnego obrotu, czasowe korzystanie, tranzyt, reimport, reeksport, strefa wolnocłowa, przetwórstwo na terytorium urzędu celnego, zniszczenie, zrzeczenie się na rzecz państwa. Pomimo umowy o Unii Celnej z Rosją, nie istnieje na Białorusi jednolita taryfa unijna, ale obowiązują dwie: białoruska i rosyjska, które praktycznie nie różnią się od siebie. Białoruskie stawki celne są takie same jak rosyjskie, jednakże ich konstrukcja jest inna. Białoruś bowiem, w przeciwieństwie do obowiązujących standardów międzynarodowych oraz do wymagań WTO, w taryfie celnej – zamiast poszczególnych towarów – wymienia ich grupy.

Przepisy ówczesnej białoruskiej taryfy celnej przewidywały także następujące rodzaje stawek celnych (Maksimczuk 2012, s. 399):

3 Uwagę starano się skupić jedynie na najważniejszych zmianach, pomijając z konieczności inne aspekty, zdaniem autorki – mniej istotne z punktu widzenia możliwości wpływu na rozwój białorusko-polskiej wymiany handlowej po 2004 roku.

4 Powyższe wykazy produktów i usług można znaleźć w biuletynach pn. *Rynek-Wschodni Partnerzy* (2005) Nr 1 i 2, zamieszczonych na Portalu Promocji Eksportu MG: www.eksporter.gov.pl. (dostęp: 20.08.2018).

5 О Таможенном тарифе [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 25 октября 1993 г. № 2151-XII: в ред. от 13.11.2008 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

6 Таможенный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 4 января 2007 г., № 204-3: принят Палатой представителей 7 декабря 2006 г.: одобр. Советом Республики 20 декабря 2006 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

7 О Товарной номенклатуре, применяемой при осуществлении внешнеэкономической деятельности [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17.06.2002 № 791 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8 Об утверждении ставок вывозных таможенных пошлин [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28.06.2002 № 864 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9 Ibidem.

- podstawowe – dla krajów objętych klauzulą najwyższego uprzywilejowania (KNU), ustalone przez Gabinet Ministrów, mieszczą się w granicach 5-15%;
- autonomiczne – ustalone na poziomie dwukrotności stawek KNU, stosowane dla towarów z krajów, które nie posiadają KNU, ani nie podpisały z Białorusią preferencyjnej umowy handlowej oraz dla towarów, dla których kraj pochodzenia nie został określony;
- indywidualne – które obejmują stawki preferencyjne lub specyficzne.

Wprowadzona 1 lipca 2002 roku nowa 10-cyfrowa nomenklatura towarowa w handlu zagranicznym Białorusi, oparta została na obowiązującej od 1 stycznia 2002 roku nomenklaturze towarowej handlu zagranicznego Rosji. W białoruskiej nomenklaturze towarowej, pierwsze 6 cyfr to międzynarodowa baza systemu opisów i kodowania towarów, następne 2 cyfry odpowiadają kodom kombinowanej nomenklatury UE. Dziewiąta cyfra wykorzystywana jest dla umożliwienia wydzielenia towarów mających istotne znaczenie na terytorium krajów WNP, a dziesiąta cyfra uwzględnia interesy Białorusi. Układ białoruskiej taryfy celnej jest taki sam jak unijnej taryfy w zakresie stosowanej nomenklatury towarowej, z podziałem na sekcje i działy. Natomiast w odróżnieniu od unijnej, białoruska taryfa celna podaje wyłącznie stawki celne odpowiadające stawkom konwencyjnym unijnym, zaś białoruskie odpowiedniki stawek autonomicznych i preferencyjnych nie są uwzględnione w taryfie celnej, lecz w innych aktach prawnych.

W wymianie handlowej Białorusi do 2004 roku występowały, i w części nadal występują, zwolnienia celne. Objęte są nimi następujące towary (Maksimczuk, Sidorowicz 2008, s. 157):

- katalogi, itp., próbki towarów, ekspozyty wystawowe, produkowane w krajach WNP (konieczne jest świadectwo pochodzenia);
- importowane przez zagranicznego inwestora jako aport rzeczowy do spółki;
- będące *własnością osobistą obcokrajowca zatrudnionego w zagranicznej firmie*;
- importowane tymczasowo lub przeznaczone do składu celnego;
- zakupione przez rząd;
- pochodzenia białoruskiego, które są przywożone z powrotem bez przetworzenia;
- wcześniej wyeksportowane z zobowiązaniem się do ich powrotnego przywozu;
- *środki* transportu przekraczające granicę celną w ramach międzynarodowego transportu towarów, bagażu lub pasażerów oraz ich części składowe, akcesoria, części zamienne i paliwo, konieczne do normalnego ich funkcjonowania;
- produkowane na obszarach specjalnych stref ekonomicznych;
- przewożone tranzytem;
- importowane w celach humanitarnych lub przeznaczone do rozdawnictwa dla ludności Białorusi;
- przeznaczone do celów promocyjno-reklamowych (broszury, ulotki i inne), próbki towarów i ekspozyty wystawowe.

Warunkiem otrzymania ulg w opłacie celnej i VAT jest pisemne zobowiązanie spółki, podpisane przez kierownika oraz głównego księgowego, jak również potwierdzone pieczęcią organizacji, o włączeniu towarów wnoszonych do funduszu założycielskiego do bilansu w formie podstawowych środków produkcyjnych w takiej postaci, w jakiej one znajdowały się w chwili odprawy celnej (z wyjątkiem operacji związanych z montażem, instalowaniem itp.). W stosunku do towarów, wnoszonych do funduszu założycielskiego i przeznaczonych do budowy i rekonstrukcji podstawowych środków produkcyjnych (zgodnie z dokumentacją projektowo-kosztorysową), ulgi w opłatach celnych i podatku VAT udzielane są w drodze zwrotu cła i VAT opłaconych przy wwozie (i potwierdzeniu tego faktu przez organ celny) oraz po faktycznym wprowadzeniu do eksploatacji podstawowych środków produkcyjnych.

Udzielane są też ulgi podatkowe i celne przy wwozie niektórych towarów na teren Republiki Białoruś. Osobom prawnym, wwożącym wyposażenie technologiczne oraz części zapasowe nieprodukowane w Białorusi w celu stworzenia nowych, w przypadku modernizacji istniejących przedsiębiorstw wykorzystujących zaawansowane technologie, w podatku VAT i opłatach celnych mogą być udzielane ulgi pod warunkiem, że przedsiębiorstwa te umieszczone są w zatwierdzonym przez Radę Ministrów wykazie przedsiębiorstw o zaawansowanej technologii. W innych przypadkach może być udzielony kredyt na pokrycie opłat celnych, spłacany po przekazaniu wwiezionego wyposażenia technologicznego do eksploatacji. W decyzji o przyznaniu ulg określony jest, między innymi, termin przekazania wyposażenia technologicznego do eksploatacji oraz warunki i terminy spłat kredytu podatkowego¹⁰.

Kontrola towarów w obrocie zagranicznym jest ważnym elementem nadzorowania przepływu towarów. Od końca 1997 roku wiele importowanych do Białorusi towarów było i nadal jest objętych tzw. kontrolą przed rozładunkiem, mającą na celu wyeliminowanie dostaw towarów o niskiej jakości. Faktyczna inspekcja towarów obejmuje (pełną lub wybiórczą), kontrolę ilości wwożonego towaru, fizyczną identyfikację towaru według parametrów i charakterystyk wyszczególnionych w kontrakcie lub specyfikacji. Jednocześnie kontrolowana jest wysokość ceny towaru, wskazana przez sprzedawcę w rachunku-fakturze, w porównaniu z poziomem rynkowych cen eksportowych występujących w kraju odbiorcy, lub z cenami tego towaru na rynkach światowych. Minimalna wartość partii towaru podlegającego kontroli przed rozładunkiem wynosi 5000 USD.

Występują także inne wymogi związane z procedurami realizacji transakcji w białoruskim handlu zagranicznym. Należy do nich, między innymi, kontrola weterynaryjna, która jest istotnym elementem międzynarodowego obrotu towarowego; kontrakt na import produktów żywnościowych (mięsnych) z partnerem zagranicznym może być podpisany dopiero po uzyskaniu zezwolenia Głównego Urzędu Weterynarii, utworzonego zarządzeniem Ministerstwa Rolnictwa i Żywności z dnia 28 grudnia 2004 roku¹¹.

10 Procedurę ubiegania się przez osoby prawne o ulgi w podatkach i opłatach celnych reguluje Postanowienie nr 632 Rady Ministrów RB z dnia 28 kwietnia 2001 r.

11 Об утверждении Положения о Главном управлении ветеринарии с Государственной

W celu uzyskania zezwolenia na wwóz do Republiki Białoruś towaru, podlegającego kontroli weterynaryjnej, odbiorca na 30 dni przed wwozem towaru, występuje z wnioskiem do Głównego Urzędu Weterynarii RB. Wniosek musi zawierać charakterystykę towaru, cel importu, kraj pochodzenia, miejsce wwozu towaru na terytorium RB. Główny Urząd Weterynarii RB ustalił wykaz produktów żywnościowych podlegających kontroli weterynaryjnej RB oraz towarów objętych zakazem wwozu.

Podobnie podchodzi się także do kwestii związanych z zapewnieniem bezpieczeństwa i jakości produktów: towary powszechnego użytku, środki chemiczne i biologiczne, materiały i wyroby z nich, produkty spożywcze i surowce do ich wytwarzania – muszą posiadać certyfikat bezpieczeństwa. Do każdej partii towarów spożywczych wwożonej na terytorium Białorusi musi być dołączony dokument potwierdzający jakość towaru i bezpieczeństwo spożywania. Podstawowymi dokumentami potwierdzającymi bezpieczeństwo towarów są: zaświadczenie o jakości – wystawione przez producenta, zaświadczenie o rejestracji towaru w państwowym instytucie fitosanitarnym – wydane przez ministerstwo zdrowia, certyfikat zgodności lub zaświadczenie o jego przyznaniu – wydane producentowi przez Białostandart lub inny organ uprawniony do wystawiania certyfikatów (Maksimczuk, Sidorowicz 2008 /a, s. 303-340).

W zakresie bezpieczeństwa żywnościowego, występuje rejestracja sanitarna towarów. Ustawodawstwo Białorusi zawiera wiele aktów prawnych o charakterze ograniczająco-kontrolnym, porządkujących wwóz produktów żywnościowych oraz zapewniających ochronę rynku wewnętrznego przed napływem produktów o niskiej jakości. W wielu przypadkach jest ona także odpowiednią reakcją na unijne ustawodawstwo w tych kwestiach. Regulacje dokonywane przez obie strony tego procesu stają się również czynnikiem sprzyjającym lub hamującym realizację Europejskiej Polityki Sąsiedztwa (EPS). Produkty żywnościowe podlegają rejestracji sanitarnej. Wyjątkami niepodlegającymi rejestracji są (Maksimczuk, Sidorowicz, 2008 /b, s. 158):

- towary zarejestrowane wcześniej w Białorusi;
- towary ponownie wwożone na terytorium;
- towary produkowane i sprzedawane w Białorusi, posiadające wcześniej uzyskane zaświadczenia (GOST, MBT, CTB, TU).

W zakresie dokonywania odpraw celnych, właściwą kompetencyjnie instytucją centralną jest Państwowy Komitet Celny, który koordynuje i kontroluje działalność 18 urzędów celnych oraz wszystkich punktów celnych na terenie kraju. Towary do odprawy celnej mogą być udostępnione przez osoby lub firmy, które nimi dysponują, właściciele towarów lub agencje celne. Funkcje agencji celnej mogą pełnić też rezydenci, tj. białoruskie osoby prawne, posiadające licencję wydaną przez Państwową Komisję Celną.

W zależności od rodzaju deklarowanych towarów, powinny być przedstawione do odprawy celnej następujące dokumenty (*Białoruś...*, 2006, s. 157):

ветеринарной и Государственной продовольственной инспекциями [Электронный ресурс]: Приказ Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 28.12.2004 № 562 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

- deklaracja celna według ustalonego wzoru;
- dokumenty przewozowe;
- zezwolenie (licencja) państwowego urzędu kontroli, w przypadku gdy towary podlegają ograniczeniom lub objęte są zakazem wwozu;
- dokumenty potwierdzające prawo do przeprowadzanej operacji gospodarczej;
- dokumenty potwierdzające przestrzeganie wymagań kontroli walutowej;
- na *żądanie osoby z urzędu celnego – inne dokumenty niezbędne do przeprowadzenia odprawy celnej.*

Wymagania w zakresie dokumentów przewozowych, uwarunkowane są rodzajem przesyłek. I tak w przypadku (Maksimczuk 2012, s. 401):

- przesyłek morskich – odnoszą się do następujących dokumentów:
- konosamentu (w języku angielskim) zawierającego zwyczajowe dane, które muszą być zgodne z fakturą oraz z danymi na opakowaniu towaru; wystawia się 3 oryginały konosamentu, liczba kopii zależy od wymogów kontraktu; data na konosamencie musi być wcześniejsza niż termin wygaśnięcia licencji;
- faktura handlowa (w języku angielskim), w takiej liczbie egzemplarzy, jak ustalono w kontrakcie, zawierająca informacje o wadze brutto i netto towaru, wartości towaru, warunkach dostawy i płatności oraz o kosztach transportu;
- *świadcstwo* pochodzenia towaru;
- Jednolity Dokument Administracyjny SAD;
- przesyłek pocztowych (do 20 kg) – wymagane są:
- międzynarodowy „adres pomocniczy”, tzw. *bulletin d'expédition*;
- faktura handlowa;
- *świadcstwo* pochodzenia;
- dwie dodatkowe deklaracje celne;
- SAD;
- przesyłek lotniczych:
- lotniczy list przewozowy;
- faktura handlowa;
- *świadcstwo* pochodzenia;
- SAD;
- 1. transporcie samochodowym:
- samochodowy list przewozowy;
- faktura handlowa;
- *świadcstwo* pochodzenia;
- SAD.

Dodatkowo, wymagane są dokumenty (uzależnione jest od rodzaju towarów) takie jak (Maksimczuk 2012, s. 401 i dalsze):

- *świadcstwo* weterynaryjne – przy imporcie żywych zwierząt, produktów pochodzenia zwierzęcego, mięsa i wyrobów z mięsa;
- *świadcstwo* fitosanitarne – przy imporcie roślin i nasion;

- niekiedy wymagane jest specjalne zaświadczenie, np. dotyczące temperatury w chłodni przewożącej mięso;
- pozwolenie na wwóz, wywóz lub tranzyt – wydane przez odpowiednie ministerstwo (niezbędne przy przewozie towarów podlegających ograniczeniom).

Odprawa celna musi być przeprowadzona w ciągu 10 dni od daty przyjęcia deklaracji celnej i niezbędnych do odprawy dokumentów, lub w ciągu 3 dni w przypadku towarów, do których stosowana jest tzw. uproszczona procedura. Termin trzydniowy obowiązuje również w odniesieniu do towarów przywożonych w sytuacji klęsk żywiołowych, awarii, katastrof, a także przy imporcie żywych zwierząt, towarów łatwo psujących się, materiałów radioaktywnych, środków masowej informacji (dzienników) oraz towarów zakupionych przez instytucje rządowe. Jeżeli dany towar wymaga okazania, powyższe terminy liczą się od dnia okazania.

Towary, które podlegają opłatom celnym, mogą przebywać w składzie celnym od 2 miesięcy do 3 lat, chyba, że specjalne przepisy stanowią inaczej. Po upływie ustalonego terminu, nieodebrany towar zostaje przeniesiony do składu tymczasowego lub do magazynu, gdzie może być przepakowany, sortowany, inaczej oznakowany i sprzedany przez władze celne. Towary zwolnione z opłat celnych i podatków oraz te, za które cło zostało zwrócone, muszą opuścić skład celny nie później niż 3 miesiące od daty przyjęcia. Należności celne podlegają zwrotowi w przypadku importu surowców do przerobu uszlachetniającego. W tej sytuacji władze celne pobierają kaucję (wartość cła i podatków), która jest zwracana po przedstawieniu dokumentów potwierdzających wywóz przetworzonych wyrobów za granicę. W niektórych przypadkach zwrot cła można również uzyskać przy wywozie towarów, które były wwiezione na czas określony. Należy jednak liczyć się z możliwością uzyskania zgody na czasowy wwóz towarów, ale bez zgody na zwrot cła, lub ze zgodą na częściowy zwrot cła. Zwrot opłaconego cła jest możliwy, pod warunkiem, że nie został przekroczony termin 1 roku od momentu zakupu.

Poza cłem, w Republice Białoruś obowiązują dodatkowe opłaty za dokonanie formalności celnych i związane z procedurą celną. Opłaty te pobierane są w walucie białoruskiej w przypadku środków transportu, towarów przywożonych w celach niehandlowych oraz międzynarodowych przesyłek pocztowych. W pozostałych przypadkach pobierane są w walutach obcych, według kursu Narodowego Banku Białorusi. Wysokość opłat naliczana jest procentowo od wartości celnej towaru. Zgodnie z rozporządzeniem Rady Ministrów nr 1280 z dnia 29 września 1997 roku, towary wwożone w celu eksponowania ich na wystawach, targach i innych imprezach, a także urządzenia pomocnicze przeznaczone do demonstrowania są całkowicie zwolnione od cła i podatków, a przy ich wwozie pobierana jest tylko opłata za odprawę celną¹². Natomiast w przypadku sprzedaży tych towarów na Białorusi, należy uregulować cło, podatki, akcyzę i inne obowiązkowe płatności. Na podstawie rozporządzenia Rady

12 Об освобождении временно ввозимых товаров от обложения таможенными пошлинами и налогами [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 сентября 1997 г. № 1280 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Ministrów nr 324 z dnia 2 marca 1998 roku, Białoruś uczestniczy w międzynarodowej konwencji celnej o karnecie ATA w sprawie czasowego wwozu towarów i konwencji o czasowym wwozie¹³.

Wraz z dniem 15 sierpnia 2004 roku na Białorusi jest dokonywana odprawa celna towarów wystawienniczych oraz innych towarów według karnetów ATA. Wysokość opłat naliczana jest procentowo – w zależności od wartości celnej towaru. Białoruś prowadzi również sukcesywnie wymianę zezwoleń na międzynarodowe przewozy samochodowe ładunków z 45 państwami, a na przewozy okazyjne osób – z 17 państwami. Poczynając od roku 2005, w myśl Dekretu Prezydenta RB Nr 341 z dnia 22 lipca 2004 roku *o trybie ustalenia liczby zezwoleń na przejazd środków transportowych państw obcych przez terytorium Republiki Białoruś*, liczba zezwoleń dla państw obcych jest co roku określana na zasadzie wzajemności przez Radę Ministrów Białorusi, po uzgodnieniu z Prezydentem, na podstawie zawartych odpowiednich umów międzynarodowych¹⁴.

Międzynarodowe przewozy samochodowe pasażerów i ładunków, wykonywane środkami transportu drogowego państw obcych na terytorium Białorusi, bez pobierania opłat za przejazd drogami publicznymi, realizowane są w ramach uzgodnionej liczby zezwoleń bez uiszczania opłat, zgodnie z rozporządzeniem Rady Ministrów RB Nr 115 z dnia 31 stycznia 2005 roku¹⁵. Przewozy ładunków, dokonywane środkami transportowymi państw obcych na terytorium Białorusi, na podstawie zezwoleń EKMT (Europejskiej Konferencji Ministrów Transportu), regularne przewozy osób, jak również przewozy osób i ładunków niewymagające zezwoleń, zgodnie z zawartymi przez Republikę Białoruś porozumieniami o międzynarodowej komunikacji samochodowej, realizowane są zgodnie z białoruskim ustawodawstwem, na warunkach uiszczenia opłat za przejazd publicznymi drogami samochodowymi.

W przypadku wjazdu obcego środka transportu na terytorium Białorusi nieposiadającego zezwolenia białoruskiego (za wyjątkiem przypadków niewymagających zezwoleń), może być ono nabyte w punkcie przekroczenia białoruskiej granicy, zgodnie z Rozporządzeniem Rady Ministrów RB Nr 871 z dnia 29 grudnia 1993 roku, dotyczącym kwestii *organizacji międzynarodowej komunikacji samochodowej*¹⁶.

13 О присоединении Республики Беларусь к Таможенной конвенции о кARNете АТА для временного ввоза товаров от 6 декабря 1961 г. и Конвенции о временном ввозе от 26 июня 1990 г. [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 марта 1998 г. № 1280 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

14 О порядке установления количества разрешений на проезд автотранспортных средств иностранных государств по территории Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 22 июля 2004 г., № 341; в ред. Указа № 149 от 10 марта 2008 г. / ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

15 О выдаче разрешений иностранным государствам на проезд автомобильных транспортных средств по территории Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 января 2005 г. № 115 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

16 Вопросы организации международного автомобильного сообщения [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 1993 г. № 871 // ЭТАЛОН.

Stawki opłat za korzystanie z samochodowych dróg publicznych Republiki Białorusi podane są w rozporządzeniu Rady Ministrów RB Nr 1592 z dnia 14 grudnia 2004 roku *o stawkach opłat za przejazd i warunkach przejazdu środków transportowych państw obcych samochodowymi drogami publicznymi RB oraz o uznaniu za nieważne niektórych rozporządzeń Rządu Republiki Białorusi*¹⁷. Warto przy tym odnotować, że rozporządzenie to dotyczy warunków przejazdu samochodowymi drogami publicznymi Białorusi przez środki transportu (pojazdy) państw obcych, realizujących międzynarodowe przewozy samochodowe na podstawie zezwoleń z pobraniem opłaty. Wymieniony nie dotyczy przewozów dokonywanych na podstawie zezwoleń bez uiszczania opłat. Tryb przejazdu pojazdów o dużej wadze oraz o wielkich gabarytach drogami publicznymi Białorusi, i dokonania kontroli tych przejazdów, regulowany jest w Instrukcji, zatwierdzonej w zarządzeniu Ministerstwa Transportu i Komunikacji Nr 10 z dnia 7 lutego 2005 roku¹⁸. Stawki opłat za przejazd takimi pojazdami po drogach publicznych, określone są w Rozporządzeniu Rady Ministrów RB z dnia 7 kwietnia 2004 roku Nr 381 *o zatwierdzeniu dopuszczalnych parametrów wagowych i gabarytowych środków transportowych poruszających się publicznymi drogami samochodowymi RB oraz stawek opłat za przejazd pojazdów o dużej wadze oraz o dużych gabarytach*¹⁹. Opłata za przejazd środkami transportu autostradą Brześć–Mińsk–granica Federacji Rosyjskiej (M1/E30) – jako głównej arterii komunikacyjnej na kierunku Zachód-Wschód, wchodzącej w skład korytarza transportowego Nr 2 (droga płatna), pobierana jest zgodnie z rozporządzeniem Ministerstwa Transportu i Komunikacji RB Nr 40 z dnia 8 sierpnia 2003 roku²⁰.

Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018).

17 О ставках сбора за проезд и условиях проезда автомобильных транспортных средств иностранных государств по автомобильным дорогам общего пользования Республики Беларусь и о признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 декабря 2004 г. № 1592 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

18 Об утверждении Инструкции о порядке осуществления контроля за проездом тяжеловесных и (или) крупногабаритных транспортных средств по автомобильным дорогам общего пользования Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 7 февраля 2005 г. № 10 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.).

19 Об утверждении допустимых весовых и габаритных параметров транспортных средств, проезжающих по автомобильным дорогам общего пользования Республики Беларусь, и ставок платы за проезд тяжеловесных и (или) крупногабаритных транспортных средств [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 апреля 2004 г. № 381 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

20 О ставках платы за проезд по автомобильной дороге М-1/Е-30 Брест (Козловичи) – Минск – граница Российской Федерации (Редьки) [Электронный ресурс]: Постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 8 августа 2003 г. № 40: в редакции постановления от 25 января 2010 г. № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Białoruś, Rosja, Kazachstan, Armenia i Kirgizja tworzą unię celną, zgodnie z umową z dnia 6 października 2007 roku *O Komisji Unii Celnej*²¹. Organem naczelnym Unii Celnej są Rady Międzypaństwowe, tworzone na poziomie głowy państwa i szefa rządu. Uczestnicy Unii Celnej utworzyły Komisję Unii Celnej, która jest stale działającym organem regulacyjnym Unii. Unia Celna zakłada utworzenie wspólnego obszaru celnego, w ramach którego nie będą stosowane cła oraz ograniczenia o charakterze gospodarczym, z wyjątkiem specjalnych instrumentów ochronnych, antydumpingowych i kompensacyjnych. W ramach Unii Celnej stosowana jest jednolita taryfa celna oraz inne jednolite instrumenty regulacji obrotu towarami z krajami trzecimi. Jednolita taryfa celna Białorusi, Rosji i Kazachstanu weszła w życie z dniem 1 stycznia 2010 roku, natomiast Kodeks celny Unii Celnej wszedł w życie od 1 lipca 2010 roku. Z treścią taryfy celnej, jak i kodeksu celnego można zapoznać się na stronie internetowej Komisji Unii Celnej²².

Warto przy tym nadmienić, że 1 stycznia 2018 roku wszedł w życie Kodeks Celny Euroazjatyckiej Unii Gospodarczej²³, który kompleksowo reguluje także politykę celną Białorusi. Fragmenty tekstu tego dokumentu stały się podstawą poczynionej w artykule oceny; zostały one przytoczone jedynie w tych fragmentach, które dotyczyły przedmiotu niniejszej pracy (szczegółowa, ekonomiczno-prawna analiza tych aktów, wykracza poza ramy opracowania).

Przechodząc do podsumowania poczynionych rozważań, należy podjąć próbę weryfikacji wcześniej postawionej, zawartej we wstępie, hipotezy badawczej. Oprócz przeprowadzonej analizy najważniejszych zmian w regulacjach celnych Białorusi, dopełnieniem zagadnienia są ekonomiczne wyniki polsko-białoruskiej wymiany handlowej (Maksimczuk i Sidorowicz 2008, Maksimczuk 2013, Максимчук 2015) – wraz z poczynionymi analizami zmian w dostępie do rynków Białorusi po 2004 roku (inny, zamieszczony w niniejszym czasopiśmie artykuł)²⁴. Uwzględnienie całości tych rozważań skłania do tego, by przyjąć, że zrealizowano założony cel badawczy oraz pozytywnie zweryfikowano hipotezę badawczą mówiąca o tym, że białoruskie uregulowania celne odnoszące się do handlu zagranicznego z Polską jako członkiem Unii Europejskiej, stopniowo dostosowywane do nowych warunków, nie należy uznawać za czynnik hamujący rozwój polsko-białoruskiej wymiany handlowej po 2004 roku.

21 Договор о Комиссии таможенного союза [Электронный ресурс]: с изменениями на 9 декабря 2010 года (прекратил действие с 02.02.2012 на основании международного договора от 18.11.2011 № 131) // Консультант Плюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.

22 Таможенный кодекс Таможенного союза [Электронный ресурс]: приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 N 17: в ред. от 08.05.2015 г. // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.

23 Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. // Консультант Плюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.

24 Maksimczuk M., *Prawno-administracyjne uregulowania handlu zagranicznego Białorusi – wybrane aspekty i próba oceny wpływu*, „Equilibrium” Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Białymstoku, nr 2, 2018,

PODSUMOWANIE

Zrealizowanie określonych we wstępie opracowania celów badawczych oraz pozytywne zweryfikowanie postawionej hipotezy badawczej, pozwala sformułować następujące konkluzje:

1. Pozytywne zweryfikowanie hipotezy badawczej nie oznacza braku barier występujących w zakresie prowadzonej przez Białoruś polityce celnej oraz jakichkolwiek przeszkód i czynników hamujących rozwój wymiany handlowej. Taki „ideal” trudno byłoby znaleźć gdziekolwiek w praktyce światowego handlu zagranicznego.
2. Jedną z poważniejszych pozacłowych przeszkód w rozwoju wymiany handlowej między Polską a Białorusią są podejmowane przez stronę białoruską decyzje wprowadzające poważne ograniczenia w imporcie niektórych polskich towarów – znacząco hamujące rozwój tej wymiany.
3. Ważną przeszkodą we wzajemnej współpracy handlowej jest przywiązywanie przez Białoruś większej wagi do programów wspierania produkcji zastępującej import, niż do programów wspierających eksport. Celem tak prowadzonej polityki gospodarczej jest przede wszystkim dążenie do uniezależnienia się od zagranicy, a nie integracja gospodarki białoruskiej z gospodarką światową; taka polityka ma na celu głównie ochronę rodzimego przemysłu i sektora rolno-spożywczego.
4. Nie bez znaczenia jest także fakt, że na białoruski eksport pracują głównie największe zakłady przemysłowe. Przedsiębiorstwa małe i średnie produkują przeważnie na potrzeby rynku wewnętrznego. Nie dysponują one również odpowiednimi środkami na promocję swojej produkcji za granicą.
5. Niski poziom eksportu wymusza ograniczanie poziomu importu. W dodatku musi to się odbywać tak, aby nie naruszyć równowagi w bilansie płatniczym kraju.
6. Dostęp polskich towarów do rynku białoruskiego jest ograniczony istnieniem szeregu barier i ograniczeń pozataryfowych. Utrudnieniem jest także system certyfikacji towarów.
7. Polscy przedsiębiorcy, mimo wielu trudności i barier (w tym celnych) w dostępie do rynku białoruskiego, nadal postrzegają Białoruś jako sąsiada, z którym warto współpracować. Są zainteresowani potencjałem gospodarczym i rynkami tego kraju oraz kierunkami ich ewolucji w bliższej oraz dalszej perspektywie czasowej.
8. Większość pozacelnych barier w dostępie do rynku białoruskiego nie ma charakteru bezwzględnych zakazów. Są to raczej bariery typu biurokratycznego i wymagają zazwyczaj tylko podejmowania dodatkowych działań ze strony importerów. Można więc je próbować skutecznie pokonywać.
9. W stosunkach handlowych pomiędzy Polską a Białorusią ukryty jest olbrzymi potencjał, który jest oparty głównie na bliskim położeniu geograficznym obu krajów.
10. W dłuższej perspektywie, Białoruś nie może sobie pozwolić na dalszą izolację. Musi ona coraz wyraźniej dostrzegać potencjał w krajach Unii Europejskiej – w tym także sąsiedniej Polski. I ten właśnie fakt pozwala na realne możliwości

dalszego rozwoju białorusko-polskiej wymiany handlowej oraz znacznie szerszej współpracy gospodarczej.

Literatura

Białoruś. Przewodnik dla przedsiębiorców, (2006), UNIDO, Warszawa.

Maksimczuk A., Sidorowicz L. (2008) *Graniczna obsługa ruchu osobowego i towarowego Unii Europejskiej (Wybrane aspekty)*, „AlmaMer”, Wyższa Szkoła Ekonomiczna w Warszawie, Warszawa.

Maksimczuk A. (2012), *Polsko-białoruska wymiana towarowa w momencie integrowania się Polski z UE i jej prawno-ekonomiczne uregulowania*, [w:] *Między ekonomią a historią*, Dziemianowicz R., Kargol-Wasiłuk A., Wilkin J., Zalesko M., (red. nauk.), *Studia ofiarowane profesorowi Czestawowi Noniewiczowi z okazji 75. urodzin*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok.

Maksimczuk A. (2013), *Granice państwowe, relacje z sąsiedztwem gospodarczym i wschodnie pogranicze Polski w dobie transformacji, integracji i globalizacji, tom 2. Współpraca gospodarcza Polski z krajami Europy Wschodniej i problemy rozwoju wybranych obszarów jej wschodniego pogranicza (na przykładzie województwa podlaskiego)*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok.

Maksimczuk A., Sidorowicz L. (2008), *Polska granica wschodnia w warunkach transformacji. Wybrane aspekty*, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Białymstoku, Białystok.

Максимчук А.И. (2015), *Польша: Интеграция с Европейским Союзом и отношения с Востоком*, ГрГУ им. Я. Купалы, Гродно.

Maksimczuk M. (2018), *Prawno-administracyjne uregulowania handlu zagranicznego Białorusi – wybrane aspekty i próba oceny wpływu*, „Equilibrium” Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Białymstoku, nr 2.

Akty prawno-administracyjne Republiki Białorusi

О Таможенном тарифе [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 25 октября 1993 г. № 2151-XII: в ред. от 13.11.2008 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Таможенный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 4 января 2007 г., № 204-З: принят Палатой представителей 7 декабря 2006 г.: одобр. Советом Республики 20 декабря 2006 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О Товарной номенклатуре, применяемой при осуществлении внешнеэкономической деятельности [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17.06.2002 № 791 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Об утверждении ставок вывозных таможенных пошлин [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28.06.2002 № 864 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Об утверждении ставок ввозных таможенных пошлин [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28.06.2002 № 865 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Об утверждении Положения о Главном управлении ветеринарии с Государственной ветеринарной и Государственной продовольственной инспекциями [Электронный ресурс]: Приказ Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 28.12.2004 № 562 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Об освобождении временно ввозимых товаров от обложения таможенными пошлинами и налогами [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 сентября 1997 г. № 1280 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О присоединении Республики Беларусь к Таможенной конвенции о карнете АТА для временного ввоза товаров от 6 декабря 1961 г. и Конвенции о временном ввозе от 26 июня 1990 г. [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 марта 1998 г. № 1280 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О порядке установления количества разрешений на проезд автотранспортных средств иностранных государств по территории Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 22 июля 2004 г., № 341: в ред. Указа № 149 от 10 марта 2008 г. / ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О выдаче разрешений иностранным государствам на проезд автомобильных транспортных средств по территории Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 января 2005 г. № 115 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Вопросы организации международного автомобильного сообщения [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 1993 г. № 871 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О ставках сбора за проезд и условиях проезда автомобильных транспортных средств иностранных государств по автомобильным дорогам общего пользования Республики Беларусь и о признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 декабря 2004 г. № 1592 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Об утверждении Инструкции о порядке осуществления контроля за проездом тяжеловесных и (или) крупногабаритных транспортных средств по автомобильным дорогам общего пользования Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 7 февраля 2005 г. № 10 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Об утверждении допустимых весовых и габаритных параметров транспортных средств, проезжающих по автомобильным дорогам общего пользования Республики Беларусь, и ставок платы за проезд тяжеловесных и (или) крупногабаритных транспортных средств [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 апреля 2004 г. № 381 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

О ставках платы за проезд по автомобильной дороге М-1/Е-30 *Брест (Козловичи) – Минск – граница Российской Федерации (Редьки)* [Электронный ресурс]: Постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 8 августа 2003 г. № 40: в редакции

постановления от 25 января 2010 г. № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

Договор о Комиссии таможенного союза [Электронный ресурс]: с изменениями на 9 декабря 2010 года (прекратил действие с 02.02.2012 на основании международного договора от 18.11.2011 № 131) // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.

Таможенный кодекс Таможенного союза [Электронный ресурс]: приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 N 17: в ред. от 08.05.2015 г. // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2018.

Sergey **Samal**
Nadzeya **Dashkevich**

THE IMPORTANCE OF LOGISTICS FOR SMALL AND MEDIUM BUSINESSES

ZNACZENIE LOGISTYKI DLA MAŁEGO I ŚREDNIEGO BIZNESU

STRESZCZENIE

Celem pracy jest zbadanie pozycji małych i średnich przedsiębiorstw w kompleksach biznesowych, ocena potrzeby budowy skutecznych systemów logistycznych dla takich podmiotów gospodarczych, określenie kluczowych zasad systemu oraz opracowanie głównych elementów metodologii oceny niezawodności systemu logistycznego. Metodologia badania opiera się na logice budowania opartego na dowodach wniosku o możliwości ulepszenia schematów logistycznych w celu wspierania działalności małych i średnich przedsiębiorstw. Uważane za małe i średnie przedsiębiorstwa za niezależne podmioty gospodarcze. Ich pozycję w kompleksie gospodarczym państw pokazuje przykład Białorusi. Odnotowuje się ogólne trendy i perspektywy rozwoju takich przedsiębiorstw. Podkreślono główne cechy charakterystyczne systemów logistycznych małych i średnich przedsiębiorstw. Dla małych i średnich przedsiębiorstw określa się ich pozycję, znaczenie i perspektywy rozwoju. Proponowana metodologia oceny wiarygodności systemu logistycznego. Wyniki pracy mogą być wykorzystane do opracowania krajowych strategii zrównoważonego rozwoju państw, przede wszystkim Białorusi, programów regionalnych na rzecz zrównoważonego i wydajnego świadczenia usług, a także w rzeczywistych działaniach dużych przedsiębiorstw transportowych.

ABSTRACT

The purpose of the study is to examine the position of small and medium-sized enterprises in economic complexes, assess the need to build effective logistics systems for such business entities, define the key principles of the system, as well as to develop the main components of methodology for assessing the reliability of the logistics system. The methodology of the study is based on the logic of constructing an evidence-based conclusion on how to improve logistics schemes to support the activities of small and medium-sized enterprises. Small and medium-sized enterprises are considered as separate business entities. Their position in the economic complex of a country is shown on the example of Belarus. General trends and prospects of the development of such enterprises are noted. The main distinctive features of logistics systems of small and medium-sized businesses are highlighted. Small and medium-sized enterprises situation is determined as well as significance and prospects for their development. The method of assessing the reliability of the logistics system is proposed. The results of the work can be used to develop national strategies for sustainable development of countries, especially Belarus, as well as regional programs of balanced and efficient service provision, as well as for the actual activities of large transport companies.

SŁOWA KLUCZOWE

gospodarka; zarządzanie; małe i średnie przedsiębiorstwa; logistyka

KEYWORDS

economy, management, small and medium-sized businesses, logistics

INTRODUCTION

The formation of selling prices for consumer goods, products for industrial purposes, as well as for works and services is carried out on the basis of the planned cost, all types of tax and non-tax payments in accordance with tax and budget legislation, the mandatory part of the profit required for reproduction and determined taking into account market conditions.

Business entities form the selling prices for the goods made by them (and also on tolling conditions), taking into account or without the expenses connected with their transportation to the point stipulated by the contract (Franco conditions). Economic practice shows that small and medium-sized businesses form prices for products, including transportation costs for the delivery of products to the buyer, or without them.

Without analyzing the differences of such approaches, it can be argued that in order to ensure an adequate assessment of the enterprise work under different conditions of manufactured products supply, it is extremely useful and justified to use prices formed both with the inclusion of transport costs or without them.

Let us recall that the fee for transport services of logistics organizations (fee for transportation, weighing of cargo, loading, and unloading of goods, forwarding...), the cost of materials used to equip vehicles, together with the fee for the temporary storage of goods constitute the total costs of transport and supply. The actual cost also includes the cost of bringing the product to a usable condition.

In fact, logistics costs represent the whole set of costs associated with the material flow management in the entire support system: raw material suppliers – production company – the end user.

Recognizing the importance of reducing selling prices in a competitive environment, it is obviously not only the above-described procedure of settling logistics costs but also, and equally importantly, the mechanism for improving the logistics system itself. After all, it is its condition and the adequacy of the entire social and economic system of the country that is decisive in the mechanism of ensuring any state economic complex.

1 THE ROLE OF SMES IN BELARUS AND ABROAD

In Belarus, the first program for the development of the logistics system was developed for 2008-2015. Unfortunately, the importance of such a program for the country was realized only after more than 10 years of the existence of independent Belarus. Its implementation was not entirely successful, primarily due to the unsatisfactory scale of attracting foreign investors in the logistics sector, and underdeveloped network of 3PL and 4PL providers. Largely because of this, Belarus is in a “stable” decline in the world ranking of 160 countries in terms of logistics performance index

(LPI). If in 2007 – 74th place, in 2014 – 99th place, and in 2016 it was already 120th place (Ivut, R., et al., 2017, p. 6). These shortcomings have been addressed in the development of the current program, designed for the period of 2016-2020.

The share of logistics costs in the total cost mass varies for different scales and activities of companies. Entrepreneurship and small and medium-sized enterprises are fully dependent on their own logistics system for their prosperity. The importance of this sector of the economy for the country is significant. Entrepreneurship can significantly change the way we manage both material and human resources. This applies to different countries, especially on such a scale as Belarus and, for example, Poland. „The need for such changes arises...under the influence of the evolution of human needs...as a result of the emergence of new opportunities” (Maksimchuk, A.I., 2019, p. 139). The development problems of small enterprises are relevant for many years and are the subject of active discussion at the national level (Small business of a large country // Official site of the Federal State Statistics Service, 2016, access mode: <http://www.gks.ru/>, date of access: 01.05.2019) and international level (Table of Small Business Size Standards Matched to North American Industry Classification System Code // U. S. Small Business Administration, 2016, access mode: https://www.sba.gov/sites/default/files/files/Size_Standards_Table.pdf, date of access: 11.04.2019; Entrepreneurship in Europe // Routledge Revivals. The Social Process. Routledge, 2015, access mode: <https://www.crcpress.com/Entrepreneurship-in-Europe-Routledge-Revivals-The-Social-Processes/Scase/book/9781138889385.html>, date of access: 14.05.2019; Lisowska R. The Potential of Business Environment Institutions and the Support for the Development of Small and Medium-sized Enterprises // Entrepreneurial Business and Economics Review. 2016, access mode: https://www.researchgate.net/publication/308487152/_The_Potential_of_Business_Environment_Institutions_and_the_Support_for_the_Development_of_Small_and_Medium-sized_Enterprises.html, date of access: 12.05.2019).

The sufficient similarity of the current situation with the role of small and medium-sized enterprises (SMEs) in the economies of different countries (for example, Russia and Belarus) allows us to draw analogies and adopt positive experience. The business climate in these countries requires activation, incentives and a sufficiently balanced approach to SMEs. In the Russian Federation, according to the Ministry of Economic Development, in 2017 the share of small and medium-sized businesses in GDP was about 20 percent, which is only slightly in line with plans to expand the participation of SMEs in the national economy. At the same time, the share of SMEs in total exports is only 6 percent. No wonder that President Vladimir Putin in his Address to the Federal Assembly, pointed out that the share of SMEs in Russia's GDP should increase to 40 percent by 2025 (electronic document, access mode: <https://www.pnp.ru/economics/dolya-malogo-i-srednego-biznesa-v-vvp-rossii-nedostatochna-zayavili-v-schyotnoy-palate.html>, date of access: 08.05.2019).

For example, in Russia according to [Rosstat, Small and medium entrepreneurship in Russia], medium-sized enterprises are economic entities operating at the end of the reporting year, also called medium-sized businesses, which are legal entities, whose average number of employees ranges from 100 to 250 fifty people. At the

same time, the revenues from the sale of all services and works performed for the previous year (excluding VAT) should not exceed 2 billion rubles.

Small-sized businesses (or simply small enterprises) include such enterprises, whose average number of employees does not exceed 100 people and revenues from the sale of services, goods, and construction works for the previous year (excluding VAT) did not exceed 800 million rubles. The total number of such entities includes those which temporarily suspended their economic activity, but for a period longer than 2 years.

In Belarus, approaches to assessing the „size” of enterprises, as well as the current situation with regard to the role played by SMEs in the national economy, are largely similar to those in Russia. According to the plans and corresponding forecasts, the share of small and medium-sized businesses in the GDP of Belarus should reach 40% by 2021. Unfortunately, today it is only 26-27%. There is still hope for the effect of the documents adopted by the head of the Belarusian state (radically improving the conditions of conducting business activity) (electronic document, access mode: <http://www.belta.by/economics/view/dolja-malogo-i-srednego-biznesa-v-vvp-k-2021-godu-dolzhna-do-stignut-40-272573-2017>, date of access: 14.05.2019), which are to contribute to the development of this movement and ensure the implementation of the tasks.

First of all, these documents will and should intensify the creation of new jobs. It is also expected that this will enable wider use of the population, including by providing a greater opportunity to sell manufactured goods not only on the market, as it was before, but also via the Internet. It is expected that it will be possible to significantly reduce the number of requirements for the organization and maintenance of business conducted by SMEs. Thus, in the course of the development of this process, a legislative act has recently entered into force which regulates a number of provisions that make up the control activities. In particular, the document provides, not for a penalty, which often put an end to the very existence of SMEs, but for the prevention of violations.

Belarus is trying to actively stimulate the development of small and medium-sized businesses. Especially high hopes are placed on such a preference as the right to use the simplified tax system (National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus, Tax Code of the Republic of Belarus). Thus, in the sphere of activity of small and medium-sized businesses with income levels not exceeding the level of income established by law, it is possible to use such a simplified system while meeting the requirements for gross revenue and the average number of employees during the first nine months of the year preceding the year from which they apply for its application. We mean individual entrepreneurs and organizations whose number of employees (on average for the period) amounted to no more than 100 people and, at the same time, the amount of their gross revenue within nine months should not exceed 900 thousand Bel. RUB (approximately 450 thousand US dollars).

The contribution of small and medium-sized businesses to the GDP of Belarus is comparable with similar indicators for many Eastern European countries, including the EU, according to some experts from Belarus (electronic document, access mode:

<http://eurasia.expert/nerazvitost-malogo-i-srednego-biznesa-v-belarusi-mif/>, date of access: 04.05.2019). However, they noted that it is still significantly lower than the EU average (over 50% of GDP). Not only these experts claim that the actions taken to improve the business environment have to some extent contributed to the increase in the number of small businesses in the previous period (from 2010 to 2016) when they became more by 23.5%. The number of individual entrepreneurs by 2016 amounted to 240 thousand people, an increase of 1.8% compared to 2010.

At the same time, it should be noted that, despite the growth of global characteristics of SME development in Belarus, the total number of employees in the small and medium-sized businesses has decreased by 7% in the last few years.

The SME business sector is characterized by significant sectoral differences (Fig. 1). For example, in recent years Belarus has seen (electronic document, access mode: <http://eurasia.expert/nerazvitost-malogo-i-srednego-biznesa-v-belarusi-mif/>, date of access: 04.05.2019) an increase in the share of small and medium-sized businesses in agricultural production, while agriculture in Belarus to a large extent depends on state support measures, so the link between the development of these enterprises and the change in the business environment is less clear. In traditional small and medium-sized businesses – manufacturing, trade, and construction – their contribution either declined or remained relatively stable.

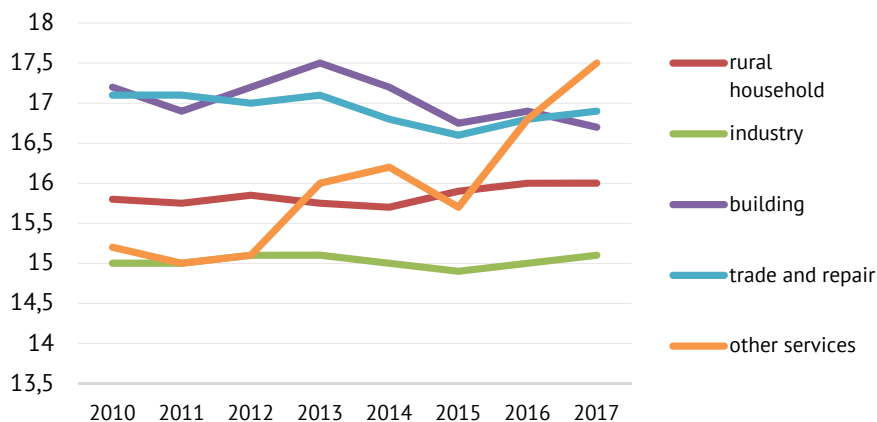

Figure 1. The share of small and medium-sized businesses in employment depending on the type of economic activity, %

Source: own development based on: [electronic document, access mode: [<http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2018r02.pdf/>, date of access: 06.05.2019].

2 THE LOGISTICS ROLE IN THE EXISTENCE AND DEVELOPMENT OF SMES

As mentioned above, the role of logistics in the existence and development of SMEs is quite significant. The practical implementation of logistics in small and medium enterprises is connected with performing many functions (Fig.2).

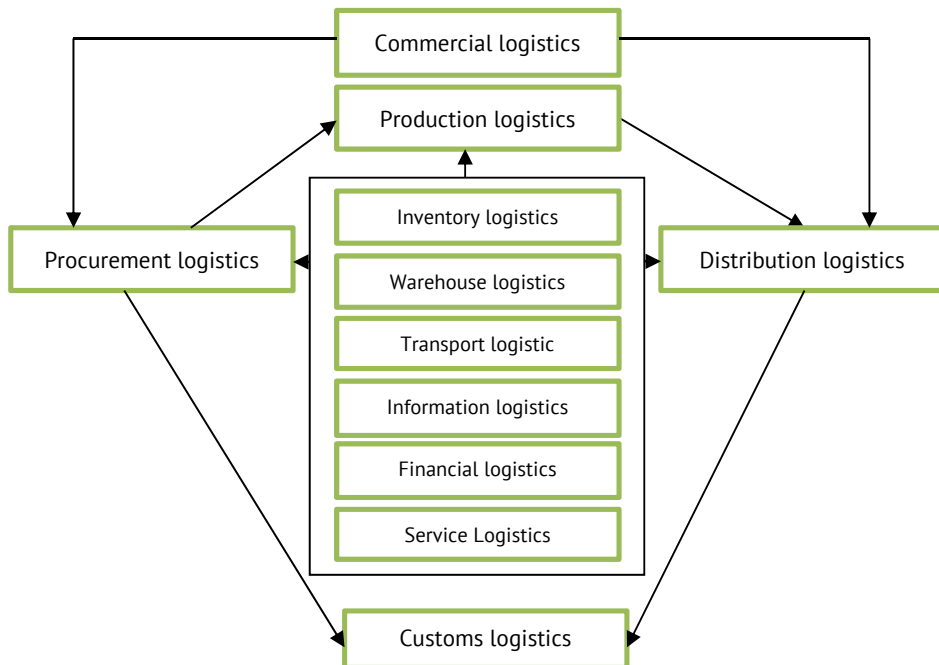

Figure 2. Logistics functional areas

Source: Compiled by the author.

The need for operational and long-term control over the demand for goods in an extensive system of goods circulation, consisting of many elements, leads to the need to establish and maintain effective logistics systems. Errors in the latter's activities inevitably lead to financial losses and deficits. The term „deficit” in the supply chain refers to the negative value of stocks at key points. The size of the deficit depends not only on logistical errors but also on the quantitative and temporal characteristics of demand, which are random and subject to different distribution laws. In this respect, it is extremely important to assess the reliability of the supply chain, as well as the probability of a deficit occurring, using mathematical statistics. A larger scheme of such an analysis is shown in Fig. 3.

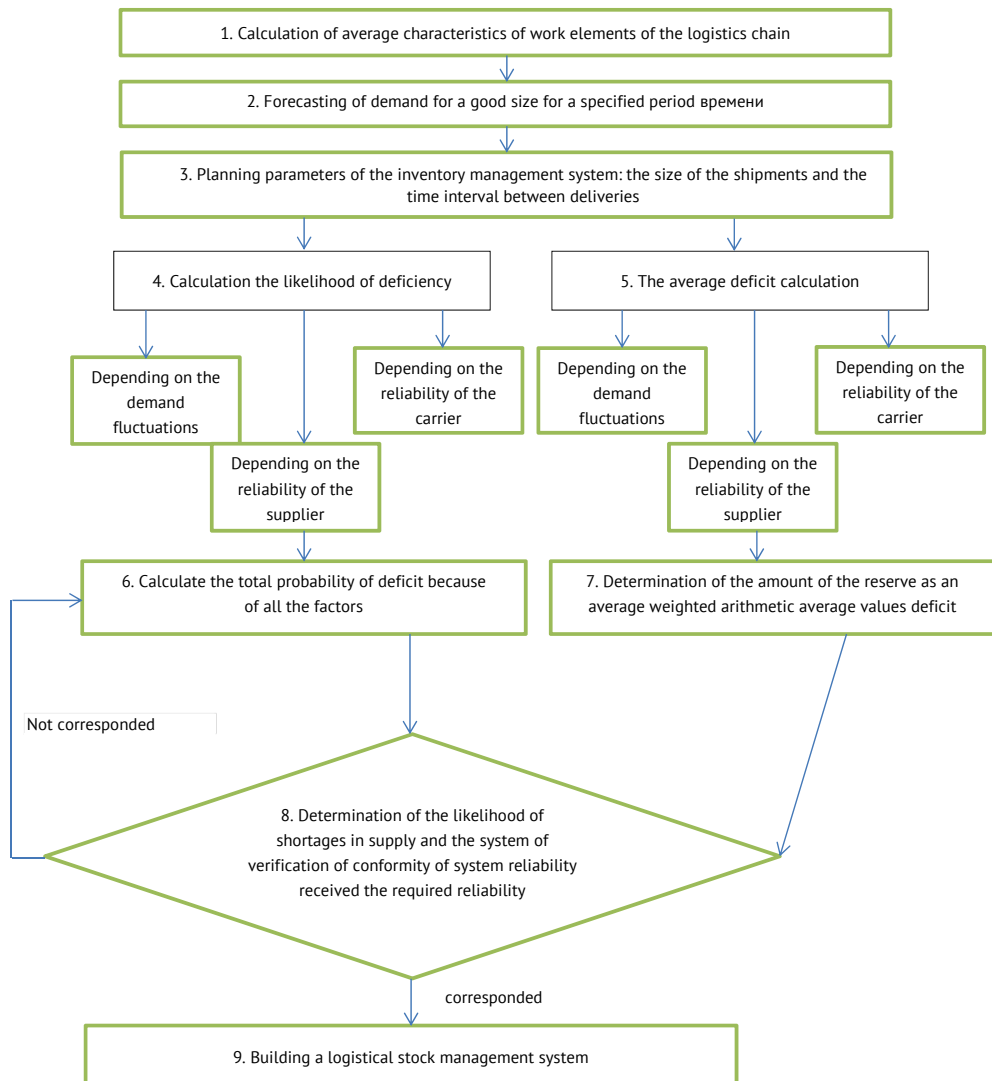

Figure 3. The scheme of determining the reliability of the logistics chain and the size of the safety stock in it

Source: own development based on [Dashkevich N.V. (2014), p.47-56].

A gradual examination of the behavior of the goods circulation system shall be carried out, followed by the determination of the probability of a deficit, the size of the insurance and the maximum reserves.

Stage 1 – calculation of the average characteristics of the goods circulation process: average demand, an average time interval of demand, demand intensity, average supply value, the average time interval between deliveries, and supply intensity.

Stage 2 – demand forecasting. For demand data, it sets a linear pattern of development over time in formula (1):

$$\bar{q}^D(t_i) = a_1 t_i + a_0 \quad (1)$$

Parameters a_1 and a_0 in accordance with the least squares method and the method of reference from the conditional zero are determined by the formulas (2-3):

$$a_1 = \frac{\sum_{i=1}^n q_i^D t_i}{\sum_{i=1}^n t_i^2}; a_0 = \frac{\sum_{i=1}^n q_i^D}{m}; \quad (2-3)$$

Stage 3 – the construction of the supplies and sale of goods schedule.

Planning in the first approximation consists in calculating the basic level of inventory required to ensure the implementation process on the average planned delivery time (τ^S). The calculation of the basic level of stock is given in formula (4):

$$Q_{\text{баз}}(t_i) = \sum_{i=t_i}^{t_i+\tau^S} q^D(t_i), \quad (4)$$

$$t_i = t_{i-1} + \tau^S. \quad (5)$$

The size of the supply of goods is planned on the basis of the expected demand, taking into account the average time interval between two adjacent supplies τ^S according to formula 5.

In the absence of deviations of real demand from the predicted equalized values, the planned supply volume is completely consumed during the time of τ^S . This eliminates the content of excessive supply, which in turn creates the prerequisites for reducing the costs of their supply. At the same time, the task of planning is to eliminate the possibility of a deficit, which would improve the quality of customer service.

In this way, in the first, second and third stages, the initial planning of the parameters of the inventory management system is carried out.

The situation when the real demand is fully met with the planned volume of supplies is rather an exception to the rule than a regularity. The state of reserves in small and medium-sized businesses is affected by many independent factors, certain features of the environment, socio-economic and market characteristics. Therefore, the analysis of the likelihood of the occurrence of a deficit (steps four and five) must be carried out taking into account the intensity of the impact of each of these factors in the course of steps 4 and 5.

The most important factor affecting the availability of goods in the chain is the change in demand, which can be permanent, seasonal or one-time. Deviations of real demand from expected demand indicate that the stock may not be fully realized or, on the contrary, there may be a deficit.

Stage 4 – determining the probability of a deficit.

4.1. In order to assess the reliability of the supply chain, the nature and magnitude of deviations of the real reserves from their planned values are disclosed.

The calculation of the level of stocks in the commodity circulation system is given in the formula (6).

$$Q_i^{\text{сист}} = Q_{i-1}^{\text{сист}} - q_i^D + q^S(t_i). \quad (6)$$

As a result of a more or less long-term increase in the intensity of demand, the planned supply cannot satisfy it completely, that is, the quality of service is reduced. The probability of deficit is determined directly, depending on the law to which the distribution is subject. Since the distribution corresponds to the normal law, the probability of a deficit, that is, a normal random variable in the interval less than 0, is determined by the formula (7):

$$P(Q_{\min} < Q < 0) = \Phi\left(\frac{0-\bar{Q}}{\sigma}\right) - \Phi\left(\frac{Q_{\min}-\bar{Q}}{\sigma}\right), \quad (7)$$

where Q – the inventory level in the chain is calculated as simple arithmetic means of the inventory size values, m :

$$\bar{Q} = \frac{\sum_{i=1}^n Q_i}{n}, \quad (8)$$

где σ – среднее квадратическое отклонение размеров запасов от среднего уровня:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (Q_i - \bar{Q})^2}{n}}. \quad (9)$$

If the probability of a deficit is high enough, it necessitates the formation and maintenance of the safety stock.

Stage 5 – determination of the average value of the deficit arising from the deviation of real market demand from the planned value of supply.

The average deficit is defined as the simple arithmetic mean of all observed deficit sizes:

$$\bar{Q}_g^{\text{деф}} = \frac{\sum_{i=1}^t Q_i^{\text{деф}}}{t}, \quad (10)$$

где

t – number of days when there was a deficit;

$Q_i^{\text{деф}}$ – identification of the factor influencing the occurrence of the deficit.

The high probability of a deficit occurring due to fluctuations in demand and its significant value indicates the need to create insurance reserves.

When organizing inventory management systems, it is necessary to take into account the nature of relationships with suppliers. The task of assessing the reliabil-

ity of suppliers and creating insurance reserves to ensure the continuity of production and distribution processes in the event of changes in the characteristics of supplies remains important. In order to assess the reliability of suppliers, it is necessary to determine the probability of a deficit occurring due to deviations of the actual volumes of supplies from the planned values.

Thus, the probability of a deficit due to the lack of reliability of the supplier is higher than due to fluctuations in demand, and the average deficit, on the contrary, it is lower. The method of determining the security stocks on the basis of the average deficit resulting from a delay in delivery does not assess the time, and quantitative (volume) indicators of such a deficit, and therefore more objectively describe the studied patterns in deviations.

The carried out probabilistic analysis of the factors characterizing uncertainty allows, on the one hand, to identify bottlenecks in the goods flow process – to identify the most unreliable links in the logistics chain, to try to change the characteristics of interaction with them or to choose more reliable contractors. On the other hand, their reliability is rarely one hundred percent, so on the basis of the calculated probabilities of the deficit and its average values, it is possible to decide to create a size of the stocks that would ensure the continuous flow of the process of commodity circulation.

Stage 6 – determining the probability of a deficit in the inventory management system. The factors that influence the occurrence of the deficit are independent – they can occur both individually or in combination. $(P(G^\Sigma))$ and the probability of its absence $P(\bar{G}_1\bar{G}_2\bar{G}_3)$ the formula (11) for the full probability of independent events occurring shall be used:

$$\begin{aligned} (P(G^\Sigma)) &= \sum P(K_k) = 1 - P(\bar{G}_1\bar{G}_2\bar{G}_3) = \\ &= P(\bar{G}_1) + P(\bar{G}_2) + P(\bar{G}_3) - P(G_1G_2\bar{G}_3) - P(G_1\bar{G}_2G_3) - \\ &\quad - P(\bar{G}_1G_2G_3) - 2P(G_1G_2G_3) \end{aligned} \quad (11)$$

where K_k – is a combination of factors that affect the occurrence of a deficit in the logistics system.

Thus, to increase reliability, it is necessary to create an insurance reserve that will compensate for fluctuations in the intensity of supply and demand, as a result of which the probability of a deficit will decrease.

CONCLUSION

The proposed method allows identifying the most problematic areas of the logistics chain and assessing the likelihood of a deficit in some of its nodes.

One of the inventory planning elements is the calculation of the average size of the safety stock, which is carried out taking into account the probability of a deficit for one reason or another and the average size of the deficit. The main factors affecting the probability of meeting the demand for raw material in the required quantity and on-demand include fluctuations in demand, the reliability of the supplier and the reliability of the carrier.

When designing the inventory management system, logistics costs arising at various links of the logistics chain are taken into account: in companies that manufacture and consume commodity resources. The logistics system of small and medium-sized businesses should be compatible with the system of any other link, which contributes to the rhythmic and rapid promotion of material flow.

Wkład autorów

Informacje o procentowym wkładzie poszczególnych osób w przygotowanie tekstu, z uwzględnieniem zwłaszcza udziału w koncepcję artykułu, treści teoretyczne i metodologiczne, przeprowadzenie badań, opracowanie danych, analizę i interpretację wyników:

1. Sergey Samal – 50%,
2. Nadzeya Dashkevich – 50%.

References

Ivut R. et al. (2017), *Organizational and Economic Mechanism of Transport and Logistics System Management at Industrial Enterprises*, Minsk: BNTU.

Maksimchuk A.I. (2019), *Poland in the context of transformation and globalization: selected aspects*, Minsk: ITC Ministry of Finance.

Small business of a large country // Official site of the Federal State Statistics Service, 2016, cited from [<http://www.gks.ru/>, 01.05.2019].

Table of Small Business Size Standards Matched to North American Industry Classification System Code // U. S. Small Business Administration, 2016, access mode: https://www.sba.gov/sites/default/files/files/Size_Standards_Table.pdf, date of access: 11.04.2019.

Entrepreneurship in Europe // Routledge Revivals. The social Process. Routledge, 2015, cited from: [[https://www.crcpress.com/Entrepreneurship-in-Europe-Routledge-Revivals-The-Social-Processes/Scase/book/](https://www.crcpress.com/Entrepreneurship-in-Europe-Routledge-Revivals-The-Social-Processes/Scase/book/9781138889385.html)

9781138889385.html, 14.05.2019].

Lisowska R., *The Potential of Business Environment Institutions and the Support for the Development of Small and Medium-sized Enterprises* // *Entrepreneurial Business and Economics Review*. 2016, cited from: [https://www.researchgate.net/publication/308487152/_The_Potential_of_Business_Environ

ment_Institutions_and_the_Support_for_the_Development_of_Small_and_Medium-sized_Enterprises.html, 12.05.2019].

Electronic document, cited from: [<https://www.pnp.ru/economics/dolya-malogo-i-srednego-biznesa-v-vvp-rossii-nedostatochna-zayavili-v-schyotnoy-palate.html>], 08.05.2019].

Small and medium entrepreneurship in Russia. 2017, Statistical collection, Rosstat, Moscow.

Electronic document, cited from: [<http://www.belta.by/economics/view/dolja-malogo-i-srednego-biznesa-v-vvp-k-2021-godu-dolzha-dostignut-40-272573-2017/>], 14.05.2019].

Tax Code of the Republic of Belarus (Special Part) (Law of the Republic of Belarus of December 30, 2018, No. 159-3 (National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus, 01/01/2019, 2/2594) – new edition <H11800159>).

Electronic document, cited from: [<http://eurasia.expert/nerazvitost-malogo-i-srednego-biznesa-v-belarusi-mif/>], 04.05.2019].

Electronic document, access mode: [<http://www.research.by/webroot/delivery/files/pdp2018r02.pdf>], date of access: 06.05.2019].

Dashkevich N.V. (2014), *Methods of determining the size of safety stock in the logistics system, taking into account the volumes of supply and demand*, Economics and Management, No. 3, p. 47-56.

Дина Скютте

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ ЖЕНЩИН

INTERNATIONAL STANDARDS FOR WOMEN'S POLITICAL RIGHTS

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – рассмотреть международные стандарты политических прав женщин с использованием исторического, сравнительно-правового, формально-юридического, общелогических методов. На основе изучения нормативных, доктринальных, плано-отчетных и статистических источников сделаны теоретические выводы: предложена дефиниция понятия «международные стандарты политических прав женщин», классификация документов, закрепляющих указанные стандарты; теоретический вывод о негативном влиянии оговорок к международно-правовым актам для имплементации международных стандартов в национальное законодательство. Социальные последствия: сформулированные выводы могут послужить теоретической основой дальнейшей научной разработки вопросов правового регулирования политических прав женщин. Экономические последствия: совершенствование национального законодательства на основе международных стандартов позволит придать гендерной политике сбалансированный характер и оптимизировать ее экономическую основу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политические права женщин,
международные стандарты, международные
договоры, конвенции

ABSTRACT

The purpose of the study is to consider international standards of political rights of women with the use of historical, comparative legal, formal-legal, and general logic methods. On the basis of the study of normative, doctrinal, planned-reporting and statistical sources, the theoretical conclusions are made: the definition of the concept of «international standards of political rights of women», the classification of documents fixing the specified standards; the theoretical conclusion about the negative impact of reservations to international legal acts for the implementation of international standards in the national legislation. Social consequences: the formulated conclusions can serve as a theoretical basis for the further scientific development of issues of legal regulation of political rights of women. Economic impact: the improvement of national legislation on the basis of international standards will make it possible to give gender policy a balanced character and optimize its economic basis.

KEYWORDS

women's political rights, international
standards, international treaties, conventions

ВВЕДЕНИЕ

Будучи участником международного процесса по достижению гендерного равенства, Республика Беларусь приняла на себя ряд обязательств по искоренению гендерного неравенства и дискриминации по половому признаку во всех сферах общества, включая политическую. Правовой статус женщин в общественно-политической жизни государства определяется тремя факторами: его присоединением к международным договорам, устанавливающим международные стандарты политических прав женщин; степенью их внедрения во внутрисударственное право и функционированием эффективного национального правового механизма обеспечения реализации указанных прав. Повышение эффективности реализации женщинами политических прав в Республике Беларусь во многом обусловлено соблюдением государством международных стандартов политических прав женщин. Это диктует необходимость систематизации научных знаний в области генезиса международных принципов и норм, устанавливающих политические права женщин и гарантии их защиты, и определения путей и направлений обеспечения механизмов их реализации в национальном законодательстве и практике.

В современных условиях на один из первых планов выдвигается ответственность государства перед мировым сообществом за ненадлежащее обеспечение прав и свобод граждан с учетом международных стандартов (Василевич Г.А. 2009, с. 116). Л.Ф. Евменов отмечает, что политические, а также гражданские права являются наиболее разработанными в системе международного и национального права (Евменов Л.Ф. 2003, с. 31). На сегодняшний день действует более 100 многосторонних соглашений в области прав человека (Гусев А.Д. (ред.), Яскевич Я.С. (ред.) 2002, с. 20), в подавляющем большинстве из которых наше государство принимает участие. В настоящее время, по обоснованному мнению правоведов, перед Республикой Беларусь стоит проблема определения своих международных обязательств и приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами (Котляр И.И. 2008, с. 98).

Учитывая большой массив заключенных БССР и Республикой Беларусь международных договоров в XX–XXI вв., затрагивающих правовой статус женщин, тезис о необходимости детального анализа и определения круга международных обязательств Республики Беларусь приобретает актуальность и в отношении такой важной группы прав женщин, как политические. Проведенный анализ доктринальных источников позволяет констатировать, что в белорусской науке конституционного права, равным образом как и в науке международного права, не проводилось комплексного исследования формирования и юридической природы международно-правовых принципов и норм в области политических прав женщин и соответствия им национального законодательства.

Под международным стандартом прав женщин понимается совокупность договорных норм такого характера, посредством которых государства регулируют вопросы соблюдения, обеспечения и защиты прав женщин, обладающих опреде-

ленной существенной спецификой, во всех сферах жизнедеятельности (Головинова Ю.В. 2017, с. 385). Многообразие международных документов в области прав человека и прав женщин в целях облегчения изучения и юридического анализа, требует их определенной группировки. Юридический анализ международно-правовых актов, содержащих стандарты политических прав женщин, следует начать с их классификации.

Н.Н. Шаповалова все нормы в области защиты прав женщин по сфере действия классифицирует на нормы, действующие на универсальном уровне; нормы, действующие на региональном уровне; внутригосударственные нормы (Шаповалова Н.Н. 2003, с. 19). Е.А. Петрушина, А.С. Чеботарева среди универсальных международно-правовых актов по правам человека выделяют общие, т.е. применимые в равной мере как к мужчинам, так и к женщинам, и специальные, касающиеся только женщин и их положению в отдельных сферах жизни (политической, экономической, культурной, в области семейных отношений, образования и др. нормы). Под эгидой ООН и ее специализированных учреждений заключено более 20 таких специальных международных конвенций, посвященных тем или иным вопросам защиты прав женщин (Петрушина Е.А. 2000, с. 9; Чеботарева А.С. 1994, с. 32-33). Н.И. Смирнова подразделяет международно-правовые акты ООН и ее специализированных учреждений по защите прав женщин на две категории: акты, направленные на обеспечение равных прав женщин с мужчинами, и акты, имеющие целью защиту специальных прав женщин. К первым она относит Конвенцию ООН о политических правах женщин 1952 г., Конвенцию МОТ № 100 о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности 1951 г. и другие акты, устанавливающие принцип равноправия мужчин и женщин в рамках определенной группы прав (права); во вторую группу включены права, обусловленные функцией деторождения (Смирнова И.Н. 1970, с. 10). Таким образом, политические права женщин, согласно логике данной классификации, подлежат международно-правовому регулированию в системе тех прав, которые имеют равный для обоих полов характер.

Принимая во внимание общетеоретические классификации документов, закрепляющих международные стандарты в области прав человека, на наш взгляд, многосторонние договоры, содержащие положения о политических правах женщин, можно подразделить на несколько более конкретизированных блоков.

1. Универсальные договоры о правах человека общего характера, в которых, помимо политических прав, регламентируются иные виды прав человека (Международный пакт о гражданских и политических правах 16 декабря 1966 г. и Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах 18 декабря 1966 г.).
2. Региональные договоры о правах человека общего характера. К ним уместно было бы отнести Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., однако Беларусь, не являясь членом Совета Европы, не может присоединиться к данной Конвенции. Среди аналогичных документов

- Американская конвенция по правам человека 1969 г., Африканская хартия прав человека и народов 1976 г., Арабская хартия прав человека 2004 г., Каирская декларация о правах человека в исламе 1990 г.
3. Субрегиональные договоры о правах человека общего характера (Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г., Конвенция СНГ о стандартах демократических выборов 2002 г.).
 4. Специальные многосторонние международные договоры, полностью посвященные регулированию правового статуса женщин – это Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. и Конвенция о политических правах женщин 1952 г.
 5. С некоей долей условности к универсальным международным договорам, имеющим отношение к регламентации политических прав, видится возможным отнести конвенции МОТ в сфере труда и занятости – Конвенцию о праве на организацию и объединение трудящихся в сельском хозяйстве 1921 г., Конвенцию о свободе ассоциации и защите права на организацию 1948 г., Конвенцию о дискриминации в области труда и занятий 1958 г., Конвенцию о защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе 1978 г., Конвенция о трудовых отношениях на государственной службе (№ 151, 8 сентября 1997 г.).

Помимо конвенций, Республикой Беларусь подписаны такие документы, как декларации. Как документ они не имеют обязательного характера для присоединившегося государства, это заявление о намерениях. Наиболее важные декларации, содержащие нормы, определяющие политико-правовой статус женщин, включают Всеобщую Декларацию прав человека и гражданина 1948 г., Декларацию о ликвидации дискриминации в отношении женщин 1967 г., Декларацию о критериях свободных и справедливых выборов 1994 г. Определенную ценность в продвижении в мире идей участия женщин в политической жизни также представляет принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюций – например, резолюции № 58/142 от 12.12.2003 г., № 66/130 от 19.12.2011 г. Резолюции не имеют обязательной юридической силы, но вместе с тем, отражают актуальные проблемы развития политических прав женщин в общемировом масштабе и прогресс государств в деле их поощрения и обеспечения.

В настоящем исследовании анализу подверглись универсальные договоры ООН как системообразующие документы в области закрепления международных стандартов политических прав женщин.

В рамках первой группы международных документов начинают формироваться первые стандарты политических прав и свобод, а также принцип равноправия и недискриминации по признаку пола в русле общей доктрины прав человека (Международный пакт о гражданских и политических правах 16 декабря 1966 г.)¹. Тем не менее, истоки принципа недискриминации по признаку пола необходимо

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г., ООН, режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml, дата доступа: 02.03.2019.

искать в более ранних международных актах – Уставе ООН 1945 г.² и Всеобщей Декларации прав человека и гражданина 1948 г.³ Положение о равноправии и недискриминации по признаку пола (п. 3 ст. 1), закрепленное в Уставе ООН в общей форме, впоследствии стало развиваться в двух направлениях: в рамках доктрины прав человека (общие нормы) и в рамках доктрины по защите прав отдельных социальных групп (специальные нормы).

Дальнейшую конкретизацию он получил во Всеобщей декларации прав человека. Данный документ, не являясь международным договором, имеет сам по себе рекомендательный характер, однако, по мнению большинства ученых, таких как Л.В. Павлова (Павлова Л.В. 2005, с. 39), В.А. Карташкин (Карташкин В.А. 1995, с. 24), правоприменительный опыт Декларации отражает статус ее положений как обычных норм международного права. Документ провозглашает, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» и должны обладать всеми правами и свободами, провозглашенными в Декларации, «без какого либо различия в отношении ... пола ...» (ст.ст. 1, 2). В ст.ст. 18-21 зафиксированы право на свободу мысли, совести и религии; право на свободу убеждений и на свободное выражение их; право на свободу мирных собраний и ассоциаций; право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей; право равного доступа к государственной службе в своей стране. Всеобщая декларация прав человека стала платформой для специальных конвенций в сфере прав женщин как отдельной коллективной группы субъектов права. Развитие указанных норм обусловило появление в рамках формирующегося института международной защиты прав женщин относительно обособленной системы норм по защите политических прав женщин на основе присущего всему институту международной защиты прав женщин принципа равноправия и недискриминации по признаку пола.

Важнейшей специальной конвенцией в области политических прав женщин выступает Конвенция ООН о политических правах женщин, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1952 г. и вступившая в силу 7 июля 1954 г. (ратифицирована БССР 11.08.1954 г., вступила в силу 09.11.1954 г.). Е.Н. Коршунова приводит данные, что к моменту основания ООН в 1945 г. из 51 государства-члена ООН только в 30 женщины имели законодательно закрепленные равные с мужчинами политические права (Коршунова Е.В. 1975, с. 28).

Вместе с тем, анализируя историю борьбы женщин за гражданские и политические права, американский исследователь Д. Шелтон подчеркивает, что многие международные усилия по обеспечению прав женщин имеют истоки в региональном уровне. Первый межправительственный орган по правам женщин, Межамериканская комиссия по проблемам женщин (1928 г.) и приняла Межамерикан-

2 Устав (Статут) Лиги Наций: подписан 26 июня 1945 г. (г. Сан-Франциско), вступил в силу 24 октября 1945 г., ООН, режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/>, дата доступа: 11.03.2019.

3 Всеобщая Декларация прав человека и гражданина: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г., ООН, режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr, дата доступа: 21.03.2019.

скую конвенцию о предоставлении политических прав женщинам еще в 1948 г. По своему содержанию она предшествовала аналогичным договорам ООН, более чем на 30 лет (Shelton D. 2007, с. 13).

Провозглашая основные политические права женщин, Конвенция стала первым специальным юридическим документом Генеральной Ассамблеи ООН, регулирующим политические права женщин и права женщин в целом. При этом безусловно, следует констатировать, что под политическими правами в тексте документа понимается достаточно узкий спектр прав и свобод: право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей (ст.ст. 1-2) и право равного доступа к государственной службе в своей стране (ст. 3). В то же время эти права традиционно относят к основополагающим политическим правам, поскольку они выступают юридической основой доступа граждан к участию в управлении государством на всех структурно-иерархических уровнях и звеньях государственного аппарата, позволяют быть задействованными в процессе формирования государственной политики.

Нельзя не отметить акцентирование авторами документа в целях привлечения внимания к проблеме дискриминации по половому признаку того момента, что каждое из трех зафиксированных политических прав предоставляется «на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации». Данная юридическая формулировка сопровождает каждое из трех провозглашенных политических прав (ст.ст. 1-3). На наш взгляд, Конвенция 1952 г., не формулируя понятие и признаки дискриминации, предпринимает первую попытку обозначить требование равенства в трех ракурсах: равенства женщин и мужчин как абстрактных индивидов, принадлежащими к различным половым группам (межполовое равенство); равенства между мужчинами и женщинами, принадлежащими к определенным социальным группам (по этническим, расовым, имущественным, религиозным и другим признакам); равенства между женщинами как субъектами права, входящими в различные социальные группы (внутриполовое равенство).

Юридическое значение Конвенции 1952 г. состоит в возложении на присоединившиеся к ней государства обязанности уравнивать в положении мужчин и женщин в отношении обладания и пользования отдельными политическими правами. В общесоциальном ракурсе Конвенция содействовала повышению статуса женщин во внутригосударственном праве многих стран, включая не присоединившиеся к документу страны, сформировав положительную тенденцию расширения круга прав, признаваемых за женщинами; способствовала продвижению идеи равноправия мужчин и женщин в политической сфере.

Как указывает И.М. Барановская, положения Конвенции носят формально-правовой характер, но как основа сотрудничества актуальны и в настоящее время (Барановская И.М. 2009, с. 57). Существенным недостатком указанного документа явилось отсутствие контрольных механизмов осуществления установленных ею норм (Сягровец Е.В. 2009, с. 27), а также возможность оговорок со стороны государств при ратификации конвенции. По мнению Н.Г. Нугаевой, в данную Конвен-

цию следовало бы внести изменения, конкретизирующие обязательства государств-участников об установлении во внутригосударственном праве ответственности за дискриминацию женщин, а также предусматривающие учреждение специальных органов по рассмотрению жалоб женщин (Нугаева З.Т. 2000, с. 10). Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что на данном этапе развития международного права оформление блока норм по защите политических прав женщин в рамках института международной защиты прав женщин еще не было закончено.

Последующее развитие международно-правового регулирования политических прав женщин связано с принятием Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Обозначив проблему дискриминации, рассматриваемый документ имеет определяющее значение в формировании международно-правового принципа равенства полов и запрета дискриминации по признаку пола. Отмечается, что значение Пакта также состоит в том, что этот документ предусматривает эффективный механизм защиты его положений (Алексеев С.С. 1966, с. 41). Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (подписан БССР 19.03.1968 г., ратифицирован 05.10.1973 г., вступил в силу 23.03.1976 г.; Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах ратифицирован Республикой Беларусь 10.01.1992 г., вступил в силу 30.12.1992 г.) сыграл большую роль для развития нормативно-правовой основы международной защиты политических прав женщин. Он зафиксировал такие политические права, как право на свободу мысли, совести и религии (ст. 18); право беспрепятственно придерживаться своих мнений (ст. 19); право на мирные собрания (ст. 21); право на свободу ассоциации с другими (ст. 22); право и возможность: принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей; голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей; допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе (ст. 25). Перечень политических прав и свобод претерпел расширение, их содержание приобрело более конкретизированный характер, однако с точки зрения юридической техники, в отличие от Всеобщей декларации, они не получили системно-блокового изложения.

Дальнейшее становление международных стандартов равноправия мужчин и женщин в политической сфере обусловлено принятием ООН в 1967 г. Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин.⁴ Она объединила основные положения резолюций, конвенций, рекомендаций, принятых ранее ООН и международными специализированными учреждениями. Декларация не только провозгласила принцип равенства мужчины и женщины, но и распространила это равноправие на все сферы общественных отношений (Дмитриева Г.К. 1975, с. 86). В ст. 4

⁴ Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин: принята резолюцией 2263 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 7 ноября 1967 г., ООН, режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/women_discrimination.shtml, дата доступа: 11.03.2019.

Декларация устанавливала, что должны быть приняты все надлежащие меры, чтобы обеспечить женщинам на равных условиях с мужчинами без какой-либо дискриминации право голоса на выборах и право на избрание в публично избираемые органы, право голосовать на всех публичных референдумах, право доступа на государственную службу и право выполнения всех общественных функций. Эти права должны быть гарантированы внутригосударственным законодательством. Декларация по своему юридическому характеру является рекомендацией, ее главная ценность заключается в том, что она сформировала и подготовила основу для разработки юридически обязательного соглашения – Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.5 (подписана БССР 17.07.1980 г., ратифицирована 22.12.1980 г., вступила в силу 03.09.1981 г.; Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин ратифицирован Республикой Беларусь 29.04.2002 г.).

Это международное соглашение имело существенное значение в процессе становления международной защиты политических прав женщин и расширении принципа равноправия мужчин и женщин в политической сфере. Конвенция была призвана радикально трансформировать положение женщин во всем мире и ликвидировать дискриминацию по признаку пола. Ввиду своей многогранности и полноты Конвенция 1979 г. получила название «Билль о правах женщин». По количеству участников (165 государств) это одна из самых многочисленных конвенций. Исследователями Конвенция оценивается как итоговый документ, завершающий этап в формировании принципа равноправия мужчин и женщин, на котором был сформулирован комплекс основных прав, составляющих современное содержание принципа равноправия (Барановская И.М. 2009, с. 58; Рубина И.Е. 2001, с. 15).

Принятие Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин усовершенствовало международную защиту политических прав женщин и перевело ее на новую ступень развития. Был расширен каталог политических прав женщин и конкретизировано их содержание – в частности, право женщин избирать на всех выборах дополнено правом голосовать на всех публичных референдумах, значительно углублено право женщин занимать государственные должности в сравнении его пониманием Конвенцией 1952 г. за счет права женщин участвовать в формулировании и осуществлении политики правительства, предусмотрено право на объединение (ст. 7).

В содержании акта отражено отрицание тезиса о равенстве в политической сфере как идентичности мужчины и женщины в этой области жизнедеятельности. Наряду с этим, эксплуатация объективных особенностей мужчин и женщин в целях ограничения политических прав последних в трактовке ст. 1 интерпретируется как дискриминация: «...дискриминация (...) означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или

5 Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 г., ООН, режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml, дата доступа: 02.03.2019.

сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической (...) области». То есть, Конвенция не рассматривает биологические отличия между полами в виде преграды для равенства политических прав: оно приобретает юридически важный характер, если выступает доводом в пользу ограничения политических прав и расценивается в этом случае как дискриминация.

Конвенция 1979 г. позволяет особое обращение и «принятие государствами-участниками специальных мер, направленных на охрану материнства», которые не должны расцениваться как дискриминационные (ст. 4). Цель подобных мер, как гласит документ – ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами. Полагаем, задействие принципа особой защиты и принятия временных специальных мер (позитивной дискриминации) относительно такой группы прав женщин, как политические, в современном мире представляется разумным средством и обуславливается существованием значительной диспропорции правоспособности в законодательстве большей части государств. Использование данного принципа дает в определенной степени уравнивать возможности осуществления женщинами политических прав человека.

Конвенция 1979 г. была ратифицирована практически всеми государствами. Положения Конвенции нашли отражение в ст.ст. 22-23, 32 Конституции Республики Беларусь⁶, которые устанавливают равенство всех перед законом и право на равную защиту прав и законных интересов без всякой дискриминации, основания ограничения прав и свобод, предоставление равных с мужчинами возможностей во всех сферах жизнедеятельности. Дальнейшее развитие они получают в текущем законодательстве, актах Президента Республики Беларусь и подзаконных актах.

Практика использования государствами института оговорок к международным соглашениям применительно к Конвенции 1979 г. подтверждает наличие большого количества отступлений от ее норм: по положению на 01.06.2018 г. из 189 государств-участников 53 заявили в целом 125 официальных оговорок к Конвенции. До сих пор не сняты оговорки 4-х государств к ст. 7 о ликвидации дискриминации в отношении женщин в политической и общественной сфере. В отношении ст. 2, закрепляющей основополагающую норму всей Конвенции – положение о равноправии мужчин и женщин и запрете дискриминации, не сняты оговорки 16 государств – главным образом, исламских. Анализ перечня оговорок, сделанных государствами ко всем статьям Конвенции, показывает, что в настоящее время Республика Беларусь не имеет оговорок ни к одному положению Конвенции.⁷

⁶ Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. (2006), Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Минск, с. 62.

⁷ Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. STATUS AS AT: 03-06-2018 05:00:26 EDT, CHAPTER IV. HUMAN RIGHTS, Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General, United Nations, ode of access: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-8&chapter=4&clang=_en, date of access: 03.03.2019.

К ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, устанавливающей принцип уважения прав всех лиц, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства, действуют оговорки 6 государств; к ст. 3, которая фиксирует принципиально важное право – равное для мужчин и женщин право пользования всеми гражданскими и политическими правами, предусмотренными в Пакте – 5 государств.⁸ Наше государство каких-либо заявлений или оговорок к Пакту не имеет.

В Конвенции о политических правах женщин 1952 г. участвуют 123 государства. 22 государствами-участниками сделаны оговорки по ст.ст. I-III, определяющим политические права женщин и принцип недискриминации, 19 – по ст.ст. IV-XI, содержащим процедурные нормы. Главным образом, странами-участницами определены изъятия из ст. III (право занимать должности на общественно-государственной службе и выполнять все общественно-государственные функции, установленные национальным законом) в аспекте занятия женщинами должностей в Вооруженных Силах государства. Республикой Беларусь в отношении при ратификации Конвенции Республика Беларусь (в то время – БССР) сделала заявление о том, что она не согласна с последним предложением статьи VII Конвенции и считает, что юридическая сила оговорки заключается в том, что Конвенция вступает в силу между государством, сделавшим оговорку, и другими государствами – участниками Конвенции, за исключением той части документа, в отношении которой сделана оговорка.⁹

Что касается других оговорок, то Республика Беларусь денонсировала оговорки в отношении процедурных статей проанализированных выше международных документов, сделанные в советский период и утратившие в связи с переходом к новому общественному строю актуальность.

Следует также подчеркнуть, что как к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г., так и к основным конвенциям, содержащим положения о политических правах женщин и их равном характере с правами мужчин (Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция о политических правах женщин 1952 г.) значительная часть оговорок имеет отношение к порядку престолонаследия и защищает сложившие системы наследования трона, ряд из которых устанавливает приоритет мужчин перед женщинами.

Терпимость многих государств к оговоркам, отсутствие индивидуальных возражений, пассивность в решении данного вопроса, как справедливо заметили

8 International Covenant on Civil and Political Rights. STATUS AS AT: 03-06-2018 05:00:26 EDT, CHAPTER IV. HUMAN RIGHTS, Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General, United Nations, mode of access: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&clang=_en#16, date of access: 03.03.2019.

9 Convention on the Political Rights of Women. STATUS AS AT: 04-06-2018 05:00:29 EDT, CHAPTER XVI. Status of Women, Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General, United Nations, mode of access: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVI-1&chapter=16&clang=_en, date of access: 03.03.2019.

отечественные и зарубежные правоведы умаляет значение конвенций о правах женщин, лишает их смысла, ставит под угрозу их практическую реализацию (Смирнова И.Н. 1970, с. 58, 63; Кочетков А.В. 2009, с. 132; Чинкин К. 2000, с. 277-278). Обсуждение проблемы оговорок к международным договорам о правах женщин, соотношение в международном праве принципа универсальности и культурно-религиозных особенностей на Всемирной конференции по правам человека в Вене (1993 г.), на уровне институциональных структур ООН (прежде всего, Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин) и научных кругов как на постсоветском пространстве, так и за рубежом, к ее разрешению не привели, что является, по нашему глубокому убеждению, актуальной задачей международного сообщества.

Роль международного контроля за соблюдением политических прав женщин весьма значительна. На универсальном уровне в рамках ООН контроль осуществляется, прежде всего, Генеральной Ассамблеей ООН (ст.ст. 10, 13, 60 Устава) и специальными структурами – такими как Совет по правам человека (ранее – Комитет по правам человека), Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Комиссия по правам женщин, входящая в состав Экономического и Социального Совета ООН, и другие институциональные образования ООН. Контроль за соблюдением международных стандартов политических прав женщин, таким образом, осуществляется в пределах общих контрольных институциональных механизмов. Государства, взявшие на себя соответствующие обязательства по соблюдению и поощрению политических прав женщин, стремятся выполнить их путем принятия специального законодательства, проведения соответствующих мероприятий и создания необходимого внутригосударственного механизма по реализации антидискриминационной политики в отношении женщин. В соответствии со ст. 8 Конституции, Республика Беларусь придерживается принципа приоритета общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им национального законодательства. Г.А. Василевич, Т.И. Довнар отмечают, что Конституция Республики Беларусь как ядро правовой системы, база для развития всего действующего законодательства, определяет его в качестве одного из векторов развития текущего законодательства (Василевич Г.А. 2008, с. 46-47; Доўнар Т.І. 2011, с. 534).

Основной вектор международного сотрудничества Республики Беларусь в области соблюдения и защиты политических прав женщин сконцентрирован по линии Комиссии по правам женщин, Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Комитета по правам человека.

Ключевыми направлениями деятельности Комиссии по правам женщин является разработка проектов международных договоров в области защиты отдельных прав женщин – прежде всего, политических и гражданских, и изучение докладов государств о выполнении ими международных договоров (Рубина И.Е. 2001, с. 79-80). И.Е. Рубина выделяет новые положительные тенденции в работе Комиссии с начала 1990-х гг.: включение в свои информационные сообщения о соблюдении Конвенции о политических правах женщин не только сведений о законо-

дательном закреплении указанных прав, но и статистических данных об участии женщин в управлении государством, а также мониторинг выполнения государствами обязательств в рамках Конвенции 1979 г. (Рубина И.Е. 2001, с. 14-15). Республика Беларусь активно внедряет гендерные показатели в систему национальной отчетности. Ежегодно Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь подготавливаются сборники «Женщины и мужчины Беларуси». Как отмечается в Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства на 2017-2020 гг., достигнут прогресс в сфере сбора, анализа и представления гендерной статистики. Национальным статистическим комитетом разработана система статистических показателей гендерной статистики, сформированная на основе набора гендерных показателей Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций с учетом национальной специфики.¹⁰

Начиная с 1983 г. Беларусь предоставляет Комитету по ликвидации дискриминации в отношении женщин Периодические доклады в соответствии со ст. 18 Конвенции 1979 г. В 1992 г. был предоставлен второй национальный периодический доклад, в 2000 г. – третий, в 2004 г. – национальные сводные четвертый, пятый и шестой периодические доклады. В 2009 г. и 2016 г., соответственно, – седьмой и восьмой периодические доклады. Отмечая поступательный прогресс в деле уважения, поощрения и развития политических прав женщин, принятия мер по расширению участия женщин в политической и общественной жизни, включая увеличение числа женщин в парламенте; принципа равноправия мужчин и женщин, вместе с тем, в Заключительных замечаниях по Восьмому периодическому докладу Беларуси Комитет выражает озабоченность в связи с отсутствием антидискриминационного законодательства (п.п. 8, 9), недопредставленностью женщин на руководящих должностях в парламенте и сосредоточенностью в органах государственного управления на среднем и нижнем уровнях (п. 28). Не вполне удовлетворительной признана работа национального механизма по улучшению положения женщин (п.п. 12, 13), указано на отсутствие вопреки взятым на себя международным обязательствам независимого национального правозащитного учреждения по защите прав женщин и содействию обеспечению гендерного равенства (п.п. 14, 15). С учетом этого сформулирован ряд рекомендаций.¹¹

В соответствии со ст. 40 Международного пакта о гражданских и политических правах, государства-участники представляют периодические доклады Комитету по правам человека о принятых мерах по претворению в жизнь прав, установленных в Пакте, и прогрессе, достигнутом в использовании этих прав. В 2017 г. Республика Беларусь представила Пятый периодический доклад о реализации положений Международного пакта о гражданских и политических правах. В соот-

10 Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2017-2020 гг., Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, режим доступа: http://mintrud.gov.by/ru/new_url_512042508/new_url_1836281482/, дата доступа: 09.03.2019.

11 Заключительные замечания по Восьмому периодическому докладу Беларуси Республике Беларусь, Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, режим доступа: <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Zakljuchitelnye-zamechanija.pdf>, дата доступа: 11.03.2018.

ветствии с процедурой, принятой в октябре 2009 г., Совет ООН по правам человека направляет государствам-участникам перечень вопросов и рассматривает их письменные ответы вместо периодических докладов. В соответствии с этой процедурой, ответ государства-участника становится докладом для целей ст. 40 Пакта. Структурным элементом национального доклада выступает вопрос о соблюдении равных с мужчинами политических прав женщин и проблеме насилия в отношении женщин «Равенство между мужчинами и женщинами и насилие в отношении женщин, включая насилие в семье (ст.ст. 2, 3, 7 и 26)».¹²

Первый Факультативный протокол к Пакту предоставляет Совету компетенцию принимать и рассматривать сообщения лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения государством какого-либо из прав, изложенных в Пакте. Всего с момента вступления в силу Факультативного протокола в отношении Республики Беларусь по состоянию на 29 декабря 2014 г. в Комитете по правам человека завершено расследование по 100 белорусским делам. 70 дел находятся на коммуникации либо коммуникация завершена и эти дела ожидают рассмотрения. Всего в отношении Беларуси зарегистрировано 170 дел.¹³ Предметом исследования являются сообщения Совета, принятые на его сессиях, которыми Совет констатировал нарушение Республикой Беларусь Пакта. Анализ данных сообщений показывает, что дела, связанные с нарушениями политических прав по признаку пола, не были поданы для регистрации для расследования.

Мониторинг информации о сроках представления Республикой Беларусь национальных докладов позволяет сделать вывод, что Республика Беларусь на регулярной основе сотрудничает с институциональными структурами ООН в представлении докладов, однако нередко допускает нарушение установленных ими сроков. В целях обеспечения обратной связи и контроля за выполнением замечаний и рекомендаций наше государство направляет ответы на вопросы, задаваемые специализированными органами ООН после рассмотрения периодических докладов.

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Международные стандарты политических прав женщин – это комплекс договорных норм и принципов в области политических прав женщин, устанавливающих обязательства государств по их соблюдению, обеспечению, защите и предусматривающих международные механизмы контроля за выполнением государствами обязательств в данной области. Ее основу составляют договоры

12 Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 40 Конвенции согласно факультативной процедуре представления докладов. Пятые периодические доклады государств-участников, подлежащие представлению в 2016 году. Беларусь, Центр правовой трансформации, режим доступа: http://www.lawtrend.org/pdf-viewer?file=http://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2017/04/Doklad_Belarus_2017.pdf, дата доступа: 06.04.2018.

13 Эффективность использования международных правозащитных механизмов в отношении Беларуси. Резюме отчета (2014), «Белорусский правовой портал», Минск, с. 54 режим доступа: http://by.prava-by.info/wp-content/uploads/2015/02/efficiency_report_summary_2014_rus.pdf, дата доступа: 06.03.2019.

- системы ООН и региональных организаций. Основой системы международных стандартов политических прав женщин выступает принцип равноправия мужчин и женщин и недискриминации по признаку пола.
2. Наличие оговорок снижает эффективность международной защиты политических прав женщин на универсальном уровне. Уточнение режима оговорок к международным договорам будет способствовать более эффективной реализации норм о политических правах женщин, добросовестному выполнению государствами принятых обязательств.
 3. Беларусь ратифицировала все международные договоры универсального характера, закрепляющие общемировые стандарты регулирования политических прав женщин. Анализ международных соглашений, к которым она присоединилась, показал отсутствие сделанных оговорок по линии норм материального права и полное восприятие модели регулирования политических прав женщин, сложившейся в рамках международного права.
 4. Между Республикой Беларусь и договорными органами ООН сложилось достаточно устойчивое взаимодействие в сфере соблюдения, обеспечения и защиты политических прав женщин.

Литература

- Алексеев С.С.** (1966), *Механизм правового регулирования в социалистическом государстве*, Юрид. лит., Москва, с. 187.
- Барановская И.М.** (2009), *Конституционная защита прав женщин в Республике Беларусь*, дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.02, Минск, с. 135.
- Василевич Г.А.** (2008), *Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина*, Тесей, Минск, с. 216.
- Василевич Г.А.** (2009), *Конституция – основа национальной правовой системы, Право и экономика*, Минск, с. 690.
- Всеобщая Декларация прав человека и гражданина: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г., ООН, режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr, дата доступа: 21.03.2019.
- Головинова Ю.В.** (2017), Международные правовые стандарты права женщин: проблемы систематизации источниковой базы, «Юридические науки», №59, с. 385-389.
- Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин: принята резолюцией 2263 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 7 ноября 1967 г., ООН, режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/women_discrimination.shtml, дата доступа: 11.03.2019.
- Дмитриева Г.К.** (1975), *Международная защита прав женщины*, Вища школа, Киев, с. 160.
- Доўнар Т.І.** (2011), *Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам.*, ДІКСТ БДУ, Мінск, с. 552.
- Евменов Л.Ф.** (2003), *Право быть человеком: курс лекций*, НО ООО «БИП-С», Минск, с. 165.
- Заключительные замечания по Восьмому периодическому докладу Беларуси Республике Беларусь*, Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, режим доступа: <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Zakljuchitelnye-zamechanija.pdf>, дата доступа: 11.03.2018.

Котляр И.И. (2008), *Итоговый документ республиканской научно-практической конференции «Права человека в XXI веке: состояние, реализация, механизмы защиты»* [в:] *Права человека: учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений Тесей, Минск*, с. 97-99.

Карташкин В.А. (1995), *Права человека в международном и внутрисоциальном праве*, Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Москва, с.132.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 г., ООН, режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml, дата доступа: 02.03.2019.

Конвенции о политических правах женщины: принята резолюцией 640 (VII) Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1952 г., ООН, режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/women_politrights.shtml, дата доступа: 02.03.2019.

Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. (2006), Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, Минск, с. 62.

Коршунова Е.В. (1975), *Международная защита прав женщин*, Москва, Международные отношения, с. 96.

Кочетков А.В. (2009), *Конституционно-правовые основы обеспечения гендерно сбалансированного представительства в законодательных органах Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование*, дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.02, Москва, с. 167.

Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г., ООН, режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml, дата доступа: 02.03.2019.

Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2017-2020 гг., Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, режим доступа: http://mintrud.gov.by/ru/new_url_512042508/new_url_1836281482/, дата доступа: 09.03.2019.

Нугаева З.Т. (2000), *Международно-правовые нормы о защите гражданских и политических прав женщин и их осуществление в Российской Федерации*, автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.10, Казанский государственный университет, Казань, с. 26.

Павлова Л.В. (2005), *Право прав человека: учеб. пособие*, Бел. гос. ун-т. – Минск, с. 221.

Петрушина Е.А. (2000), *Институт прав женщин: соотношение международно-правового и внутрисоциального регулирования*, автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.10, Казан. гос. ун-т., Казань, с. 22.

Гусев А.Д. (ред.), Яскевич Я.С. (ред.) (2002), *Права человека: учеб. пособие*, ТетраСистемс, Минск, с. 304.

Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 40 Конвенции согласно факультативной процедуре представления докладов. Пятые периодические доклады государств-участников, подлежащие представлению в 2016 году. Беларусь, Центр правовой трансформации, режим доступа: http://www.lawtrend.org/pdf-viewer?file=http://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2017/04/Doklad_Belarus_2017.pdf, дата доступа: 06.04.2018.

Рубина И.Е. (2001), *Международная защита прав женщин*, автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.10, Санкт-Петербургский гос. ун-т., Санкт-Петербург, с. 24.

Рубина И.Е. (2001), *Основные направления деятельности ООН в области защиты прав женщин*, «Международное право», № 3, с. 75-89.

Смирнова И.Н. (1970), *Международное регулирование прав женщин*, автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.10, Моск. гос. ин-т междунар. Отношений, Москва, с.18.

Сягровец Е.В. (2009), *Участие Республики Беларусь в формировании института международной защиты прав женщин*, дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.10, Минск, с. 149.

Устав (Статут) Лиги Наций: подписан 26 июня 1945 г. (г. Сан-Франциско), вступил в силу 24 октября 1945 г., ООН, режим доступа: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/>, дата доступа: 11.03.2019.

Чеботарева А.С. (1994), *Международная защита прав женщин*, дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.10, Москва, с. 215.

Чинкин К. (2000), *Права женщин – права человека*, «Право быть человеком. Понимание прав человека, сб. переводов» БИП-С, с. 337.

Шаповалова Н.Н. (2003), *Международно-правовые стандарты по защите прав женщин и их имплементация в европейских странах*, автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.10, Моск. гос. юрид. акад., Москва, с. 26.

Эффективность использования международных правозащитных механизмов в отношении Беларуси. Резюме отчета (2014), «Белорусский правовой портал», Минск, с. 54 режим доступа: http://by.prava-by.info/wp-content/uploads/2015/02/efficiency_report_summary_2014_rus.pdf, дата доступа: 06.03.2019.

Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. STATUS AS AT: 03-06-2018 05:00:26 EDT, CHAPTER IV. HUMAN RIGHTS, Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General, United Nations, mode of access: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-8&chapter=4&clang=_en, date of access: 03.03.2019.

Convention on the Political Rights of Women. STATUS AS AT: 04-06-2018 05:00:29 EDT, CHAPTER XVI. Status of Women, Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General, United Nations, mode of access: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVI-1&chapter=16&clang=_en, date of access: 03.03.2019.

International Covenant on Civil and Political Rights. STATUS AS AT: 03-06-2018 05:00:26 EDT, CHAPTER IV. HUMAN RIGHTS, Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General, United Nations, mode of access: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&clang=_en#16, date of access: 03.03.2019.

Shelton D. (2007), *An Introduction to the History of International Human Rights Law*, «Legal Studies Paper», No. 346, The George Washington University School, Washingtonp. 30.

Paweł Tadejko

WYKORZYSTANIE SYSTEMÓW IT OPARTYCH NA NARZĘDZIACH SZTUCZNEJ INTELIGENCJI W ZARZĄDZANIU WIEDZĄ W REALIACH DZIAŁANIA KLASTRÓW PRZEMYSŁOWYCH

THE USE OF IT SYSTEMS BASED ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS IN KNOWLEDGE MANAGEMENT IN THE REALITIES OF ACTIVITIES OF INDUSTRIAL CLUSTERS

STRESZCZENIE

Ze względu na charakter technologii wykorzystywanych w ekosystemach uczenia maszynowego i hierarchii wiedzy – piramida danych, informacji, wiedzy, mądrości (DIKW), zachodzi naturalne nakładanie się procesów technologii i zarządzania wiedzą (KM). Nowoczesną architekturę systemów IT można opracować przy użyciu szerokiego zestawu technologii, w tym technologii przetwarzania w chmurze i usług kognitywnych. Wybierając technologie do budowy danego rozwiązania, można korzystać z szerokiej gamy narzędzi możliwych do zastosowania na wszystkich poziomach piramidy DIKW. W artykule zostało przedstawione, jak zmieniają się koncepcje systemów informatycznych wspierających zarządzanie wiedzą oraz jakie współczesne narzędzia IT i nowe technologie są w tym celu wykorzystywane. Uwagę skupiono w szczególności na technologiach opartych na chmurze i usługach kognitywnych. Omówiono niektóre istotne aspekty usług kognitywnych w chmurze i uczenia maszynowego w kontekście zarządzania wiedzą oraz możliwości ich wykorzystania w procesach przetwarzania wiedzy i piramidy DIKW. Na koniec zaproponowaliśmy autorski model architektury systemu informatycznego na potrzeby zarządzania wiedzą z uwzględnieniem specyfiki współpracy w klastrach przemysłowych.

SŁOWA KLUCZOWE

zarządzanie wiedzą, sztuczna inteligencja, konkurencyjność, klastry przemysłowe, innowacje

ABSTRACT

Due to the nature of technologies used in machine learning ecosystems and the hierarchy of knowledge – the pyramid of data, information, knowledge, wisdom (DIKW), there is a natural overlapping of the processes of technology and knowledge management (KM). Modern IT architecture can be developed using a wide range of technologies, including cloud computing and cognitive services. When choosing technologies to build a solution, we can use a wide range of tools that can be used at all levels of the DIKW pyramid. This article discusses how the concepts of information systems supporting knowledge management change and what modern IT tools and new technologies are used for this purpose. We focus in particular on cloud-based technologies and cognitive services. We discuss some important aspects of cognitive services in the cloud and machine learning in the context of knowledge management and how they can be used in knowledge processing and the DIKW pyramid. Finally, we proposed an original model of the information system architecture for knowledge management, taking into account the specificity of cooperation in industrial clusters.

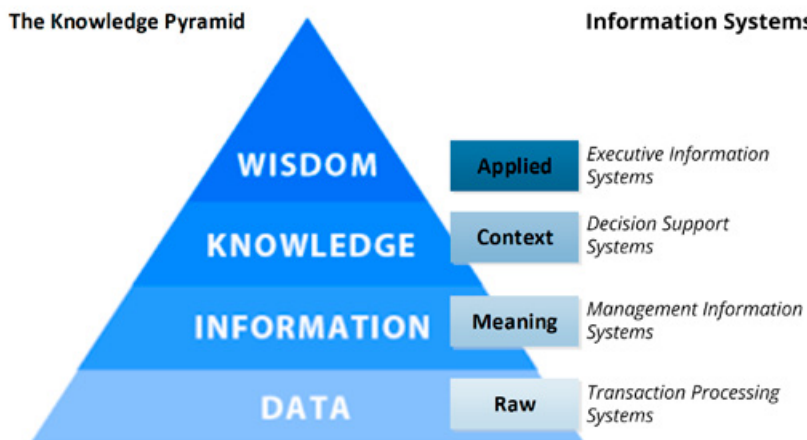
KEYWORDS

knowledge management, artificial intelligence, competitiveness, industrial clusters, innovations

WSTĘP

Przez lata w rozwiązaniach rynkowych rozwijano różnorodne narzędzia informatyczne w postaci oprogramowania, aby wspomóc zarządzanie wiedzą (Sawant 2019). Obecnie dostępnych jest wiele zaawansowanych narzędzi, które na pierwszy rzut oka mogą być pomocne danej firmie, organizacji czy instytucji. Nawet w dziedzinie e-learningu obszarami zainteresowania są przede wszystkim tematy, w jaki sposób technologia ICT może pomóc w procesie uczenia się jednostek. Wydaje się jednak, że nie wszystkie narzędzia są równie doceniane (Choenni 2005). W celu efektywnego zarządzania wiedzą, na potrzeby zarządzania wiedzą (KM), na przestrzeni lat opracowano rozmaite modele i systemy informatyczne (IT).

Określając kategorię systemów IT możemy powiązać określone cele z różnymi warstwami piramidy informacyjnej DIKW. Na przykład, jeśli weźmiemy pod uwagę potrzeby zorganizowania informacji, możemy podzielić piramidę zgodnie z opisem w materiałach (Kimble 2019). Systemy zarządzania wiedzą ewoluowały od użytecznego narzędzia do składowania i zarządzania przesyłaniem danych – do bardziej zaawansowanych procesów KM.

Rysunek 1. Tradycyjna piramida DIKW: danych, informacji, wiedzy, mądrości oraz poziom przetwarzania za pomocą systemów informatycznych.

Figure 1. Traditional DIKW pyramid: data, information, knowledge, wisdom and the level of processing using information systems.

Źródło: opracowanie własne, na podstawie (Kimble 2018).

Obecnie organizacje wykorzystują systemy KM do wykonywania wielu funkcji zarządzania wiedzą (Rysunek 1), w tym wsparcia procesów podejmowania decyzji (ang. *Decision Support Systems*) czy prognozowania rozwoju wydarzeń (ang. *Executive Information Systems*). Współczesne systemy informatyczne (SI) mogą pomóc we wspieraniu tych procesów na każdym etapie.

Chociaż systemy KM mogą pomóc w automatyzacji i standaryzacji zarządzania wiedzą, istnieje wiele wyzwań podczas ich wdrażania. Bezpieczeństwo, dokładność danych i zmiany w technologii (koszt, implementacja, użyteczność) są trudnościami, o których należy pamiętać od samego początku. Przetłomem w ostatnich kilku latach stało się wykorzystanie narzędzi Sztucznej Inteligencji na różnych poziomach piramidy DIKW. Coraz częściej mamy do czynienia z rozwiązaniami nie tylko na poziomie danych, ale też informacji i wiedzy.

1 NARZĘDZIA SZTUCZNEJ INTELIGENCJI W PROCESIE ZARZĄDZANIA WIEDZĄ

Przetwarzanie treści oparte na uczeniu maszynowym (i szerzej: sztucznej inteligencji) w przetwarzaniu danych w bazie wiedzy, często wykorzystuje zautomatyzowane techniki ekstrakcji, wykrywania i selekcji cech. W dziedzinie wyszukiwania tekstu z dokumentów, jest często odwzorowywany na pojęcia z ontologii, która koduje relacje semantyczne między pojęciami. Automatycznie wyodrębniane różnego rodzaju informacje z dużych zbiorów dokumentów pozwalają generować dynamiczny i pełny model profilu danych, który jest istotny dla reguł przetwarzania w bazie wiedzy. Jest to kompletnie inne podejście w budowie struktury i semantyki treści dokumentów, niż to, które oparte jest na tradycyjnych metodach bazujących na przypadkach (ang. *case-base*) lub bazach reguł (ang. *rule-base*) (Avdeenko 2016). Dodatkowo, obecnie mamy do czynienia z informacją niepełną i niepewną, co stoi na przeszkodzie procesowi zrozumienia semantycznego charakteru dokumentów i wyodrębnienia krytycznych informacji.

Metody uczenia się reprezentacji wiedzy zazwyczaj wykorzystują tylko niektóre fakty lub po prostu rozważają jeden rodzaj dodatkowych informacji. Potrzeba interoperacyjnej semantyki w nowoczesnych systemach informatycznych wymusza rozwój coraz bardziej inteligentnych rozwiązań (Lupu 2017, Gasparetti 2018). Rosnące zapotrzebowanie na te rozwiązania, potężne ilości różnego rodzaju informacji i rozwój technologiczny stwarzają nowe wyzwania i wymagania. Ontologie są często postrzegane jako odpowiedź na tę potrzebę. Połączenia między ontologiami a siecią semantyczną stają się bardzo obiecującym obszarem (Tang 2019, Konys 2018). Big Data są coraz bardziej dostępne we wszystkich obszarach produkcji i logistyki, co stwarza okazję do lepszego podejmowania decyzji i odkrywania nowej generacji innowacyjnych technologii, np. zastosowania uczenia maszynowego (ang. *ML – Machine Learning*) (Aristodemou 2018). Jedną z potencjalnych wad tych technik jest to, że mogą one pracować w trybie nienadzorowanym (uczenie się bez nadzoru) lub niezależne od kontekstu, i wtedy nie przypisują poprawnie etykiet klas do danych, tekstu lub obrazów. Niemniej, dla wielu zastosowań, trafność i poprawność tych narzędzi sięga często powyżej 90%, co jest wystarczające do wielu zastosowań przetwarzania danych i informacji.

2 KOGNITYWNE USŁUGI CHMUROWE JAKO PRZYKŁAD ZAAWANSOWANYCH SYSTEMÓW INFORMATYCZNYCH DO PRZETWARZANIA DANYCH W PIRAMIDZIE DIKW

Wiele nowoczesnych rozwiązań systemów IT wykorzystujących uczenie maszynowe, zostało już wdrożonych w usługach w chmurze, dostarczanych przez największych dostawców platform chmurowych, takich jak Amazon AWS, Microsoft Azure, Google Cloud i IBM Watson (Amazon Comprehend 2019, Amazon Rekognition 2019, Google AI Platform 2019, Google AI Tools 2019, IBM Watson Visual Recognition 2019, IBM Watson Natural Language Understanding 2019). Wszystko wskazuje na to, że usługi Cloud Cognitive Services będą podstawą rozwiązań biznesowych i pojawią się jako przyszłe rozwiązania wykorzystujące zautomatyzowane techniki przetwarzania danych i wiedzy w nowoczesnych systemach zarządzania wiedzą.

Istnieją narzędzia i algorytmy uczenia maszynowego, które są realizowane w postaci oprogramowania z silnikiem Machine Learning, świadczone jako usługi (ang. *MLaaS – Machine Learning as a Service*), a wiele z nich można zastosować bezpośrednio w procesach zarządzania wiedzą. Korzystając z MLaaS, można tworzyć wysoce dopasowane modele uczenia maszynowego. Na przykład, usługa oparta o API będzie w stanie nie tylko zidentyfikować obiekty na obrazie, ale może być również użyta do wygenerowania dodatkowych metadanych do opisu dokumentu w bazie wiedzy. Proces opracowywania tradycyjnego modelu uczenia maszynowego wymaga dużej ilości zasobów i wymaga znacznej wiedzy dziedzinowej w danym obszarze życia społeczno-gospodarczego oraz inwestycji w czasie, aby uruchomić i porównać wyniki kilkudziesięciu modeli. Zautomatyzowane uczenie maszynowe (ang. *Automated ML – Automated Machine Learning*) upraszcza ten proces, generując modele dostosowane do celów i ograniczeń zdefiniowanych w eksperymencie, takie jak czas uruchomienia eksperymentu lub modele na „czarnej liście” (Automated ML 2019).

3 USŁUGI CHMUROWE JAKO NARZĘDZIA PRZETWARZANIA DANYCH W PIRAMIDZIE DIKW

Nowoczesne systemy generują nie tyle duże, ile potężne ilości danych i dokumentów, które stawiają nowe wyzwania przed rozwiązaniami IT. Niezależnie od definicji „big data”, są to rozmiary danych, które zaczynają się od setek gigabajtów i są trudne do przetwarzania na lokalnych serwerach. Dodatkowo, w niektórych formatach, takich jak pliki dokumentów, obrazy, wideo, arkusze kalkulacyjne oraz tekst pojawiają się jako dane nieustrukturyzowane. Współczesne usługi w systemach chmurowych pozwalają nie tylko przetwarzać potężne ilości danych, ale oferują też specjalizowane usługi do przetwarzania danych i generowania wiedzy (Tabela 1). Przykładami są umiejętności identyfikowania encji (jednostek, osób, miejsc, organizacji) i koncepcji, które mogą być wykorzystane, aby zrozumieć, co dane zawierają.

Tabela 1. Porównanie funkcji API przetwarzania tekstu głównych dostawców usług MLaaS w chmurze. Techniki używane w procesie ekstrakcji informacji

Table 1 A comparison of the text processing APIs of major MLaaS providers in the cloud. Techniques used in the process of information extraction.

Techniki wykorzystywane w procesie ekstrakcji informacji	Amazon Comprehend	Google Cloud NL	Microsoft Text & NLU	IBM Watson NLU
entities extraction ¹	tak	tak	tak	tak
key phrase extraction	tak	tak	tak	tak
topics extraction	tak	tak	tak	tak
topic modelling ²	2 poziomy	2 poziomy	nie	5 poziomów
spell check	nie	nie	tak	nie
intention analysis ³	tak	tak	tak	tak
metadata extraction	nie	nie	nie	tak
relation analysis ⁴	nie	nie	nie	tak
sentiment analysis ⁵	średni	wysoki	niski	wysoki
syntax analysis	nie	tak	tak	tak
categories of context	tak	nie	nie	nie
high-level concepts ⁶	nie	nie	nie	tak
entities relations	tak	nie	nie	tak
semantic role ⁷	nie	nie	nie	tak
correlate documents ⁸	nie	nie	nie	tak
text analysis	niski	wysoki	niski	średni

znaczenia przypisów:

¹ rozpoznawanie nazw, dat, organizacji itp.;

² definiowanie dominujących tematów poprzez analizę słów kluczowych;

³ rozpoznawanie poleceń z tekstu (np. „uruchom aplikację YouTube” lub „włącz światła w salonie”);

⁴ wyszukiwanie relacji między podmiotami;

⁵ ocena sentymentu, tzn. ładunku emocjonalnego tekstu, tj. pozytywny, neutralny, negatywny lub mieszany;

⁶ identyfikowanie pojęć, które mogą dostarczyć więcej informacji na tematy pokrewne jak te zawarte w artykule, ale nawet niekoniecznie bezpośrednio występujące w tekście;

⁷ analiza tekstu pod kątem identyfikacji części zdania, m.in. podmiotu, orzeczenia;

⁸ analiza encji z atrybutami i ich relacji z innymi encjami do analizy korelacji treści tekstowej w różnych dokumentach, pochodzących z różnych źródeł.

Źródło: opracowanie własne.

Dzięki temu możemy „opisywać” dane składowane w bazach wiedzy i przypisywać do nich dodatkowe dane oraz informacje. Dodatkowe dane pełnią rolę metadanych i mają duże znaczenie w kontekście przetwarzania semantycznego. W bardziej zaawansowanych usługach możliwe jest też generowanie danych, które zawierają informacje wykorzystywane do budowy ontologii, które to informacje na kolejnych etapach mogą zostać wykorzystane do analizy danych, budowania reguł i podejmowania decyzji.

Wspomniane wyżej (Tabela 1), m.in. Amazon Machine Learning, Azure Cognitive Services, Google Cloud AI i IBM Watson, to cztery grupy usług MLaaS w chmurze, które są dostarczane przez czterech największych graczy na rynku usług chmurowych. Wszystkie one oferują cały wachlarz usług uczenia maszynowego, API i narzędzi, które pomagają w budowaniu rozwiązań wykorzystujących AI.

Tabela 2. Porównanie funkcji API przetwarzania obrazów głównych dostawców usług MLaaS w chmurze. Techniki używane w procesie ekstrakcji informacji

Table 2. A comparison of the image processing APIs of major MLaaS providers in the cloud.

Techniki wykorzystywane w procesie ekstrakcji informacji	Amazon Rekognition	Google Vision	MS Azure Comp. Vision	IBM Visual Recognition
object detection	tak	tak	tak	tak
scene detection	tak	tak	tak	tak
face detection	tak	tak	tak	tak
facial recognition ¹	tak	nie	tak	tak
facial analysis ²	tak	nie	tak	tak
inappropriate content	tak	tak	tak	nie
celebrity recognition	tak	tak	tak	nie
text recognition	tak	tak	tak	tak
written text recognition	nie	nie	tak	nie
brand recognition	nie	nie	tak	nie
emotions present	tak	nie	tak	nie
age & gender	nie	nie	tak	nie
food recognition	nie	nie	nie	tak

Techniques used in the process of information extraction
znaczenia przypisów:

¹ do wykrywania twarzy i wyszukiwania pasujących;

² interesujące, ponieważ wykrywa uśmiechy, analizuje oczy, a nawet określa emocje.

Źródło: opracowanie własne.

Dzięki wykorzystaniu uczenia maszynowego, można „wydobywać” wiedzę przechowywaną w dokumentach i danych, nawet w taki sposób, aby ułatwić podejmowanie decyzji. Najwyższy poziom zaawansowania – wsparcie „podejmowanie decyzji” – jest kluczowym wyzwaniem w wykorzystaniu sztucznej inteligencji w zarządzaniu wiedzą.

4 MODEL WSPÓŁPRACY KLASTRÓW PRZEMYSŁOWYCH I PROBLEM ZARZĄDZANIA WIEDZĄ

Problematyka Klastrow Przemysłowych rodzi wiele problemów, które nie występują w przypadku, kiedy przedsiębiorstwo działa na rynku samodzielnie. Klasy, w przeważającej mierze, prowadzą działania oparte na przemyśle wykorzystującym gospodarkę wiedzy, gdzie przedsiębiorstwa opierając się na różnych typach wiedzy świadczą usługi lub wytwarzają produkty. Pomimo braku jednoznacznej definicji klastrow przemysłowych (Saric 2012), upowszechniło się przekonanie, że klasy – jako skupisko firm i podmiotów B+R oraz instytucji otoczenia biznesu, zapewniają dogodne warunki dla rozwoju przedsiębiorczości i innowacyjności (Bembenek 2016). Kluczowe jest tu w szczególności wzajemnie powiązanych firm współpracujących w wybranych sektorach gospodarki, ale jednocześnie konkurujących ze sobą (tzw. kooperacja).

Przedsiębiorstwa, chcąc sprostać konkurencji rynkowej, coraz częściej zmuszone są do poszukiwania nowych sposobów zdobywania przewagi konkurencyjnej. Klasy mogą być jednym z nich. Działania w ramach klastrow przemysłowych mogą być komplementarnym elementem strategii. I mimo, że wciąż brakuje jednolitego podejścia w definiowaniu tego typu klastrow, testowane są różnego rodzaju narzędzia i metody współpracy. Im więcej podmiotów jest zaangażowanych w działania klastra, tym więcej wiedzy jest wymieniane i przetwarzane przez członków klastra. Wiele opracowań dotyczących klastrow analizowało problem zarządzania wiedzą i jej znaczenia dla rozwoju przedsiębiorstw w klastrze. Niestety, nie wypracowano jednak referencyjnych modeli współpracy, ani uniwersalnej metodyki zarządzania wiedzą w klastrach. Bardzo często wymiana informacji i wiedzy między uczestnikami klastrow jest jednym z głównych etapów ewolucji bardziej sformalizowanych, wspólnych przedsięwzięć z udziałem wszystkich członków klastra. I mimo, że są budowane specjalne platformy informatyczne współpracy, wymiana informacji nie ogranicza się do informacji technicznych lub bezpośrednio związanych z innowacjami, ale często wymaga mniej formalnych sposobów (Gunther 2017). Istnieje wiele publikacji i opisów dobrych praktyk dotyczących zarządzania i przepływu wiedzy w klastrze (których analiza została przeprowadzona m.in. w: Andersson 2010; Saric 2012), ale wykorzystujących także np. modelowanie i projektowania systemów zarządzania wiedzą (ang. *KMS – Knowledge Management System*) (Sureephong 2007 IEEE). Z kolei praca (Lay 2014) skupia się na badaniach wpływu specjalnych zasobów wiedzy i relacji między firmami klastrowymi, oraz na analizie wpływu na zmianę poziomu innowacji firm klastra. Niemniej, chociaż badania potwierdzają, że dobrze zaprojektowane klasy mogą przynieść wymierne korzyści firmom (Andersson 2010), to w zakresie przenikania informacji o technologiach, przepływ wiedzy może być mocno ograniczony przez fakt tajemnicy gospodarczej czy działań patentowych (Saric 2012).

5 ROZWIĄZANIA IT W KLASTRACH PRZEMYSŁOWYCH

Obecnie na rynku funkcjonuje wiele kategorii narzędzi IT dotyczących współczesnych systemów zarządzania wiedzą. Do najważniejszych z nich należą systemy: zarządzania treścią i dokumentami, oprogramowanie do pracy grupowej (ang. *groupware*), systemy przepływu pracy (ang. *workflow systems*), bazy „lessons learned”, systemy eksperckie. Wszystkie one mogą być używane na prawie wszystkich poziomach piramidy DIKW, odpowiednio: „Zarządzanie treścią i dokumentami” – na danych DIKW; „groupware”, „workflow systems” i „lessons learned” – na temat DIKW-Information i DIKW-Knowledge; „system ekspercki” – na temat DIKW-Knowledge i DIKW-Wisdom. Nowoczesne systemy eksperckie w coraz większym stopniu opierają się na rozwiązaniach wykorzystujących narzędzia sztucznej inteligencji.

Część narzędzi wykorzystuje bardzo podobne mechanizmy. System przepływu pracy na przykład, jest istotnym aspektem większości systemów zarządzania treścią lub dokumentami. Z kolei wspomnianie powyżej są bazowym elementem większości narzędzi do tworzenia portali korporacyjnych (Jatinder 2004, Madanmohan 2005). Przez wiele lat narzędzia oraz dziedzina nauki zajmująca się zarządzaniem wiedzą była silnie napędzana przez podejście semantyczne, które umożliwia organizacjom pracę jako część sieci semantycznej (ang. *semantic web*) (Berners-Lee 2001). Dzięki danym opisującym przetwarzane dane (tzw. metadane) możliwa byłaby budowa semantycznego opisu danych oraz budowa ontologii niezbędnej do przetwarzania wiedzy z wykorzystaniem relacji pomiędzy danymi i wiedzą. Okazało się jednak, że implementacja podejścia semantycznego wymaga dużych nakładów pracy, gdyż każdy rodzaj danych powinien mieć skojarzone ze sobą metadane. Przygotowanie i opracowanie takich metadanych często zajmuje więcej czasu niż przygotowanie samych danych, nawet kilkukrotnie. Dlatego też, nawet twórca standardu WWW oraz autor idei „semantic web” (Berners-Lee 2001) oraz inni (Grimes 2014 i Cagle 2016) stwierdzili, że sieć semantyczna nie została zaadoptowana w praktyce, nawet w zadowalającej skali.

Dopiero wykorzystanie współczesnych narzędzi Sztucznej Inteligencji pozwala na hurtowe generowanie danych opisowych (ang. *description*) dla danych, które mogą być użyte jako metadane. Pozwala to wesprzeć ideę systemu bazy wiedzy opartej na mechanizmach semantyki. To właśnie chmurowe usługi kognitywne dostarczają dziś narzędzi, które mogą pomóc w budowie rozwiązań IT wykorzystujących m.in. mechanizmy analizy języka naturalnego oraz sieci semantyczne, które przenoszą użyteczność systemów zarządzania wiedzą na nowy poziom. Niezależnie od rodzaju narzędzi informatycznych, zaawansowane funkcje systemów informatycznych są ściśle powiązane z piramidą DIKW (Rysunek 1). Usługi kognitywne oferowane przez MLaaS mogą być wykorzystywane praktycznie na każdym poziomie, np. przetwarzanie języka naturalnego (ang. *Natural Language Processing*) można wykorzystać w „Informacjach” i „Wiedzy” (Chugh 2013). Nadal istnieją jednak luki (Crane 2015) w istniejących badaniach nad systemami KM opartymi na IT. Na przykład istniejące narzędzia informa-

tyczne nie uwzględniają połączenia wiedzy z powiązаныmi obiektami oraz relacji między obiektami, na które wpływa wiedza.

6 ARCHITEKTURA SYSTEMU IT ZARZĄDZANIA WIEDZĄ W KLASTRACH Z WYKORZYSTANIEM KOGNITYWNYCH USŁUG CHMUROWYCH

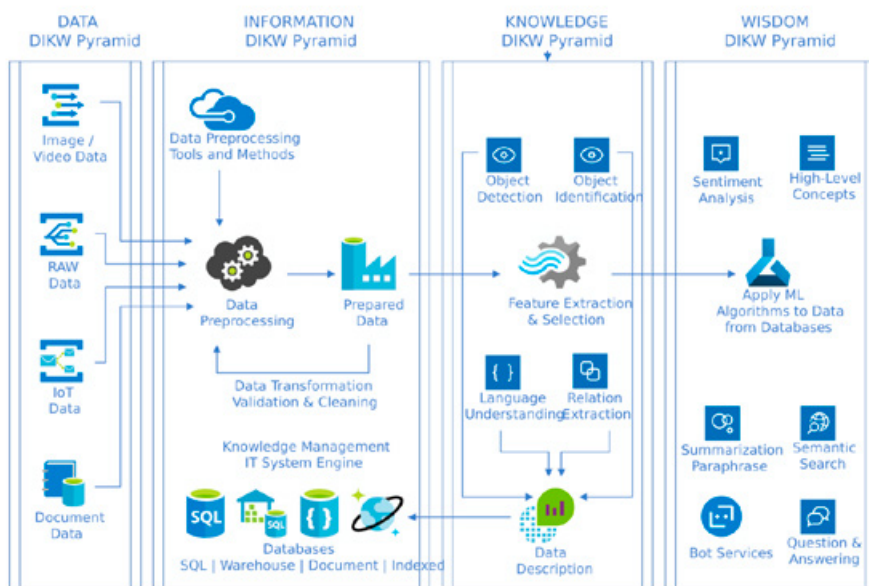
Zastosowanie uczenia maszynowego (zwanego szerzej sztuczną inteligencją) w systemach KM wspiera podejmowanie decyzji, pomaga analizować dane i monitorować procesy. Obecnie przetwarzanie kognitywne i inteligentne narzędzia służą nie tylko do eksploracji danych, ale znajdują coraz szersze zastosowanie. Mają coraz większe implikacje nie tylko dla celów kodyfikacji wiedzy. Badania pokazują, że wykorzystanie ML znajduje zastosowanie w wielu rozwiązaniach *Knowledge Management System* (Fried 2019; Burger 2018). Na podstawie analizy literatury, można sformułować główne założenia i specyfikację autorskiego modelu architektury systemu informacyjnego. Koncepcja architektury systemu opiera się na modelu hybrydowym, w którym, oprócz klasycznych mechanizmów wspierania procesów decyzyjnych, tj. *rule-based reasoning* (wnioskowanie na podstawie reguł) i *case-based reasoning* (wnioskowanie na podstawie porównywania przypadków biznesowych) proponuje się dodatkowy moduł, nazwany roboczo „AI-based reasoning”. Dzięki dostępności zaawansowanych funkcji (m.in. analizy tekstu), w formie kognitywnych usług chmurowych, można budować narzędzia na tyle zaawansowane, że pozwalają one implementować funkcje na najwyższym poziomie piramidy DIKW – wisdom (Rysunek 2). W proponowanej architekturze wykorzystywane chmurowe usługi kognitywne są to m.in.:

- *sentiment analysis* – ocena sentymentu treści dokumentów, tj. jako ładunek emocjonalny: pozytywny, neutralny, negatywny lub mieszany;
- *high-level concepts* – identyfikowanie pojęć, które mogą dostarczyć sugestii co do tematów pokrewnych z treściami występującymi w artykule; przy czym nawet niekoniecznie bezpośrednio występującymi w analizowanym tekście;
- *summarization paraphrase* – podsumowanie tekstu; intencją jest stworzenie spójnego podsumowania zawierającego tylko główne punkty nakreślone w dokumencie;
- *semantic search* – wyszukiwanie semantyczne umożliwia wyszukiwanie dokumentów nie tylko według słów kluczowych, ale także według rodzaju treści;
- *question and answering* – system informacyjny, który może odpowiadać na pytania w języku naturalnym, który opiera się na specjalnie przygotowanych materiałach, m.in. zestawie wiedzy, FAQ, whitepapers lub podobnego typu;

Analiza literatury pozwala wnioskować, że model wykorzystania narzędzi uczenia maszynowego – jako usług świadczonych w chmurze, jest wystarczająco dojrzały, aby budować zaawansowane rozwiązania zarządzania wiedzą z jego zastosowaniem.

Podsystem zbudowany na bazie narzędzi uczenia maszynowego powinien być specjalnym podsystemem w architekturze systemów IT zarządzania wiedzą (Rysunek 2). Istnieje wiele różnorodnych interfejsów API (ang. *Application Programming Interface*), chmur obliczeniowych (Amazon Comprehend 2019, Amazon Rekognition 2019, Google AI Platform 2019, Google AI Tools 2019, IBM Watson Visual Recognition 2019, IBM Watson Natural Language Understanding 2019), które zapewniają usługi analizy tekstu i obrazów, które mogą być wykorzystane we wzmiarkowanym podsystemie.

Wachlarz możliwości zastosowania systemów informatycznych wykorzystujących narzędzia kognitywne, jest bardzo szeroki. Nie są to rozwiązania dedykowane dla konkretnej branży czy funkcji. Są to mechanizmy na tyle uniwersalne, że można je stosować w przedsiębiorstwach, niezależnie od gałęzi gospodarki, w której działają. Dostępne funkcje są szczególnie przydatne w dziedzinach, w których wymagane jest głębsza analiza i zrozumienie treści dokumentów, oraz oczywiście kiedy występuje konieczność analizy dużych ilości danych. Architektura *Knowledge Management System*, zarówno na poziomie logicznym jak i ewentualnie technicznym powinna zapewniać usługi w co najmniej dwóch trybach:

Rysunek 2. Funkcje usług kognitywnych w architekturze systemu zarządzania wiedzą.

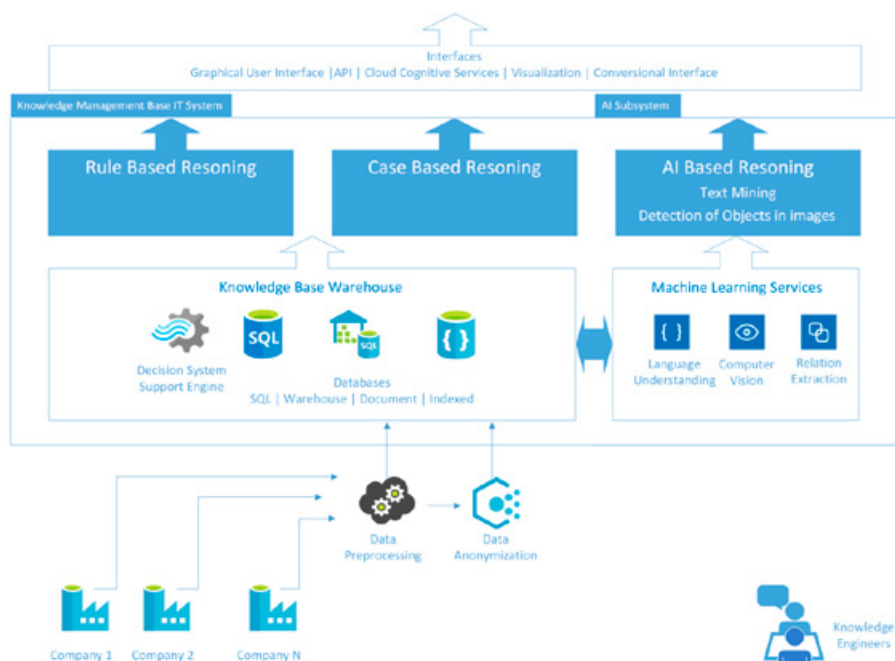
Figure 2. Functions of cognitive services in the architecture of the knowledge management system

Źródło: opracowanie własne.

- 1) przetwarzanie danych i wiedzy w sposób dostępny swobodnie dla wszystkich (lub uprawnionych) członków klastra;

- 2) świadczenie usług analizy danych na podstawie danych jawnych i zanonimizowanych; w tym też przetwarzanie danych na potrzeby Przemysłu 4.0 (ang. *Industry 4.0*);

Jeśli rozważymy potrzeby składowania, organizowania oraz wymiany danych i informacji pomiędzy przedsiębiorstwami klastrów przemysłowych (Andersson 2010; Saric 2012), należy wziąć pod uwagę, że część danych i informacji przetwarzana w dedykowanych rozwiązaniach IT powinna umożliwiać zachowanie tajemnicy gospodarczej. Zaproponowana architektura (Rysunek 3) umożliwia współpracę i wykorzystanie funkcji systemu także przez podmioty trzecie (pochodzące z zewnątrz klastra). Jest to tylko i wyłącznie sprawa uprawnień do funkcji systemu (ang. *interfaces*). Dla przykładu, o ile podsystem bazy wiedzy, oparty na pytaniach i odpowiedziach oraz na przetwarzaniu języka naturalnego (Rysunek 2, m.in. *Language Understanding, Sentiment Analysis, High-Level Concepts*) wymusza zasilanie całego systemu bazy wiedzy (Rysunek 2. *Data Preprocessing*) materiałami w postaci otwartego tekstu, aby móc świadczyć usługi interfejsów konwersacyjnych (np. *chatbot*), o tyle np. budowanie klasyfikatorów (systemu reguł, które potrafią wspierać procesy decyzyjne), wymaga analizy dużych ilości danych (najlepiej tzw. *big data*), które mogą być składowane w postaci zanonimizowanej.

Rysunek 3. Architektura systemu zarządzania wiedzą uwzględniająca moduł usług kognitywnych i otoczenie klastra przemysłowego.

Figure 3. The architecture of the knowledge management system including the module of cognitive services and the surroundings of the industrial cluster.

Źródło: opracowanie własne.

Konstrukcja techniczna systemu informatycznego, który będzie spełniał zarówno zadania przetwarzania danych w formie otwartej, jak i zanonimizowanej, wymaga zapewnienia dedykowanych mechanizmów autoryzacji i anonimizacji danych (Rysunek 3. *Data Processing* i *Data Anonymization*). Silnym narzędziem podnoszenia konkurencyjności klastrów i podmiotów klastra jest wymiana wiedzy i doświadczeń. Dlatego systemy informatyczne powinny posiadać użyteczny moduł współpracy i wymiany wiedzy. Z drugiej strony, przedsiębiorstwa posiadają wiedzę, która stanowi o ich przewadze rynkowej i jest wykorzystywana i chroniona np. w formie patentów (Andersson 2010; Saric 2012). Dlatego też platforma IT, wykorzystywana do budowy systemu IT, musi posiadać otwartą architekturę i pozwalać na włączanie do systemu dodatkowych modułów realizujących funkcjonalność określoną przez członków klastra. Otwarta architektura i specjalne interfejsy transformacji danych pozwalają również pobierać dane finansowe, biznesowe (np. giełdowe, walutowe), etc. z dowolnych źródeł, czy też dane, które generowane mogą być na całym świecie. Dane pochodzące z systemów zewnętrznych mają także duże znaczenie w procesie uczenia i budowy modeli *Machine Learningu*. Podsystemy te będą się, niestety, różnić w wypadku poszczególnych klastrów, jednak sam silnik uruchamiania usług przetwarzania i anonimizacji danych jest rozwiązaniem wspólnym.

PODSUMOWANIE

Systemy zarządzania wiedzą ewoluowały – od prostych narzędzi do analizy danych – do systemów eksploracji danych, optymalizacji wybranych procesów KM czy użytecznego przetwarzania języka naturalnego. Widoczne jest to bardzo silnie zwłaszcza w ciągu ostatnich kilku lat, a związane jest z dynamicznym rozwojem ogólnodostępnych narzędzi *Machine Learning*. Narzędzi, które są łatwe w użyciu, dostępne w formie prostych do wdrożenia usług, przy opłatach w modelu subskrypcyjnym, gdzie przedsiębiorstwa nie muszą inwestować bardzo dużych środków w celu przetestowania pomysłu czy uruchomienia prototypu.

Nowoczesne systemy zarządzania wiedzą mogą dzięki temu pomagać we wspieraniu współpracy, inteligentnym wyszukiwaniu, odkrywaniu wiedzy i generowaniu koncepcji wysokiego poziomu, np. opracowywaniu streszczeń, analizy sentymentu czy generowaniu sugestii i poleceń na podstawie analizy tekstu. Wymienione mechanizmy nie mają aż tak wysokiej trafności i dokładności, jakie dają najbardziej zaawansowane badania naukowe, ale są gotowe do produkcyjnego wdrożenia (Amazon Comprehend 2019; Amazon Rekognition 2019; Google AI Platform 2019; Google AI Tools 2019; IBM Watson Visual Recognition 2019; IBM Watson Natural Language Understanding 2019). Zdecydowanie najlepszym rozwiązaniem, pod wieloma względami, jest wykorzystanie którejs z wymienionych platform: Amazon AWS, Microsoft Azure, Google Cloud i IBM Watson. Zapewniają one nie tylko dostęp do zaawansowanych usług kognitywnych, ale też dostarczają niezawodne i bezpieczne miejsce składowania danych i gwarancję ciągłości świadczenia usług.

Usługi kognitywne oferowane przez MLaaS mogą być wykorzystywane praktycznie na każdym poziomie przetwarzania wiedzy piramidy DIKW. O ich przydatności w realizacji zadań klastrów przemysłowych w środowisku biznesowym, decyduje też fakt, że architektura platform chmurowych oparta jest na podejściu usługowym. Pozwala to na zdecydowanie łatwiejsze dostosowanie budowanych rozwiązań do wymagań konkretnego przedsiębiorcy, czy klastra. Mechanizmy usług kognitywnych są na tyle uniwersalne, że można je stosować w przedsiębiorstwach niezależnie od gałęzi gospodarki. W praktyce usługi te sprowadzają się do analizy i zrozumienia treści dokumentów oraz analizy dużych ilości danych. Niezależnie od tego, proponowana architektura będzie nadal podobna. Różni się tylko sposobem parametryzacji poszczególnych podsystemów i usług.

Badania zostały zrealizowane w ramach pracy S/WI/3/2018 Politechniki Białostockiej i sfinansowane ze środków na naukę MNiSW.

Literatura

Andersson T., Curley M.G., Formica P. (2010), *Industry and Knowledge Clusters. In: Knowledge-Driven Entrepreneurship. Innovation, Technology, and Knowledge Management.* Springer, New York, NY.

Amazon Web Services, Inc. (2019), *Overview of Amazon Comprehend. Amazon Comprehend Documentation*, pobrane z: <http://docs.aws.amazon.com/comprehend/index.html>.

Amazon Web Services, Inc. (2019), *Amazon Recognition. Intelligent image and video analysis to your applications*, pobrane z: <http://aws.amazon.com/rekognition>.

Aristodemou L., Tietze, F. (2018), *The state-of-the-art on Intellectual Property Analytics (IPA): A literature review on artificial intelligence, machine learning and deep learning methods for analyzing intellectual property (IP) data*, World Patent Information, Volume 55, pp. 37-51, ISSN 0172-2190.

Avdeenko T., Makarova E., Klavsuts I. (2016), *Artificial intelligence support of knowledge transformation in knowledge management systems.* 13th International Scientific-Technical Conference on Actual Problems of Electronics Instrument Engineering (APEIE), pp. 195-201.

Bembenek B., Kowalska K. (2016), *SMEs Development within Industrial Clusters – Strategic Challenge for Cluster Management*, Modern Management Review, vol. 21 (XXI), nr 23 (4), s. 33-50.

Berners-Lee T., Hendler, J., Lassila O. (2001), *The Semantic Web A new form of Web content that is meaningful to computers will unleash a revolution of new possibilities.* Scientific American. 284 (5): 34-43. doi:10.1038/scientificamerican0501-34 .

Burger S. (2018), *Machine learning, knowledge management tools changing legal industry*, Engineering News, Creamer Media, pobrane z: <http://www.engineeringnews.co.za/>.

Cagle K. (2016), *Why the Semantic Web has failed*, LinkedIn, pobrane z: <https://www.linkedin.com/pulse/why-semantic-web-has-failed-kurt-cagle/>.

Choenni S., Harkema S., Bakker R. (2005), *Learning and Interaction via ICT Tools for the Benefit of Knowledge Management.* In: Baets W. (eds) Knowledge Management and Management Learning. Integrated Series in Information Systems, vol 9. Springer.

Chugh M., Chugh N., Punia A., Agarwal D.K. (2013), *The Role of Information Technology in Knowledge Management*, Proceedings of the Conference on Advances in Communication and Control Systems-2013.

Crane L. (2015), *Knowledge Management's Theories*. In: *Knowledge and Discourse Matters, Chapter: Key Issues and Debates*, L. Crane (Eds), pp. 37-50.

Fried J. (2019), *How Knowledge Management Will Change With the Advent of Machine Learning and Cognitive Search*, CIOReview, pobrane z: <http://knowledgemanagement.cioreview.com/cxinsight/>.

Gasparetti F., De Medio C., Limongelli C., Sciarrone F., Temperini M. (2018), *Prerequisites between learning objects: Automatic extraction based on a machine learning approach*, Telematics and Informatics, Volume 35, Issue 3, pp. 595-610, ISSN 0736-5853.

Gunther J. & Meissner D.J. (2017), *Clusters as Innovative Melting Pots? The Meaning of Cluster Management for Knowledge Diffusion in Clusters*, "Journal of the Knowledge Economy", vol. 8, nb. 2, pp. 499-512.

Grimes S. (2014), *Semantic Web business: going nowhere slowly*. *InformationWeek*, pobrane z: <http://www.informationweek.com/software/information-management/>.

Google: Tools – Google AI (2019), *Ecosystem by providing tools and open source projects for students and developers*, pobrane z: <http://ai.google/tools>.

Google (2019), *AI Platforms – Google AI. Machine Learning developers, data scientists, and data engineers to take their ML projects*, pobrane z: <http://cloud.google.com/ai-platform/>.

Kimble C. (2018), *Types of Information System and the Classic Pyramid Model*. In: *World Med MBA Program – Information Systems and Strategy Course*, Available via personal website, pobrane z: <http://www.chris-kimble.com/Courses>.

Lupu M. (2017), *Information retrieval, machine learning, and Natural Language Processing for intellectual property information*, World Patent Information, Volume 49, pp. A1-A3, ISSN 0172-2190.

Konys A. (2018), *Knowledge systematization for ontology learning methods*, Procedia Computer Science, Volume 126, pp. 2194-2207, ISSN 1877-0509.

IBM (2019), *Watson Visual Recognition. Tag, classify and train visual content using machine learning*, pobrane z: <http://www.ibm.com/watson/services/visual-recognition>.

IBM (2019), *Watson Natural Language Understanding; Natural language processing for advanced text analysis*, pobrane z: <http://www.ibm.com/cloud/watson-natural-language-understanding/details/>.

Jatinder G., Sushil S. (2004), *Creating Knowledge Based Organizations*. Boston: Idea Group Publishing. ISBN 978-1-59140-163-6.

Madanmohan R. (2005), *Knowledge Management Tools and Techniques*. Elsevier. pp. 3-42.

Microsoft Docs (2019), *Automated ML algorithm selection & tuning – Azure Machine Learning service*, pobrane z: <http://docs.microsoft.com/en-us/azure/machine-learning/service/concept-automated-ml>.

Lai Y-L., Hsu M-S., Lin F-J., Chen Y-M., Lin Y-H. (2014), *The effects of industry cluster knowledge management on innovation performance*, *Journal of Business Research*, Volume 67, Issue 5, pp. 734-739.

Saric S. (2012), *Current State of Knowledge on how Clusters Enable Firms to Create Competitive Advantages*. In: *Competitive Advantages through Clusters. Strategisches Kompetenz-Management*. Gabler Verlag.

Sawant A. (2019), *Market Research Future. Knowledge Management Software Market 2018 Global Size, Competitors Strategy, Regional Study and Industry Growth by Forecast to 2023*, pobrane z: <http://www.marketwatch.com/>.

Sureephong P., Chakpitak N., Ouzrout Y., Neubert G. and Bouras A. (2007), *Knowledge management system architecture for the industry cluster*, IEEE International Conference on Industrial Engineering and Engineering Management, Singapore, pp. 1970-1974.

Sureephong P., Chakpitak N., Ouzroute Y., Neubert G., Bouras A. (2007), *Knowledge Engineering Technique for Cluster Development*. In: Zhang Z., Siekmann J. (eds) *Knowledge Science, Engineering and Management*. KSEM 2007. Lecture Notes in Computer Science, vol 4798. Springer.

Tang X., Chen L., Cui J., Wei B. (2019), *Knowledge representation learning with entity descriptions, hierarchical types, and textual relations*, *Information Processing & Management*, Volume 56, Issue 3, pp. 809-822, ISSN 0306-4573.

Wykaz autorów

Nikołaj Bieliacki, prof. dr hab.
Białoruski Państwowy Uniwersytet Ekonomiczny w Mińsku
e-mail: beltan@tut.by

Aleksandr Bietousow, doc. dr
Grodzieński Państwowy Uniwersytet im. J. Kupały w Grodnie,
Katedra Teorii Państwa i Prawa.
e-mail: alekbelsen@gmail.com

Łarisa Dankowa, doc.
Białoruski Instytut Prawoznawstwa (BIP) Filia w Grodnie
e-mail: dankoalarisa@mail.ru

Leonid Dawydenko, prof. dr hab.
Białoruski Państwowy Uniwersytet w Mińsku
e-mail: davidenkot@yandex.ru

Jelena Dawydenko, prof. dr hab.
Białoruski Państwowy Uniwersytet w Mińsku
e-mail: davidenkot@yandex.ru

Nadieżda Daszkiewicz
Białoruski Narodowy Uniwersytet Techniczny w Mińsku
Belarusian National Technical University (Republic of Belarus)
e-mail: ndashkevich@bntu.by

Tatiana Filipczik, doc. dr
Białoruski Instytut Prawoznawstwa (BIP) Filia w Grodnie
e-mail: grotanya@mail.ru

Michaił Furs, doc. dr
Grodzieński Państwowy Uniwersytet im. J. Kupały w Grodnie
mihailfurs@mail.ru

Gienadij Hackiewicz, prof. dr hab.
Grodzieński Państwowy Uniwersytet im. J. Kupały w Grodnie
e-mail: khatskevich@sbmt.by

Jurij Kriworotko, prof. dr hab.
Białoruski Instytut Prawoznawstwa (BIP) w Mińsku, Kierownik Katedry
Rachunkowości Analizy i Audytu.
e-mail: kriff55@gmail.com

Aleksander Maksimczuk, dr hab. prof. UwB
Uniwersytet w Białymstoku Wydział Ekonomii i Zarządzania i Państwowa
Wyższa Szkoła Zawodowa im. Profesora Edwarda F. Szczepanika
w Suwałkach Wydział Humanistyczno-Ekonomiczny
e-mail: aleksander.maksimczuk@wp.pl

Aleksander Maksimczuk, dr hab. prof. UwB
Białoruski Instytut Prawoznawstwa (BIP) w Mińsku
e-mail: aleksander.maksimczuk@wp.pl

Marta Maksimczuk, mgr
Doktorantka II roku Studiów Doktoranckich WEiZ UwB
Asystent w Katedrze Finansów Publicznych i Prawa Finansowego,
Wydział Prawa UwB,
e-mail: maksimczukm@gmail.com

Jan Matiuszewski, mgr, aspirant
Białoruski Państwowy Uniwersytet w Mińsku
e-mail: bobrov.kiska@yandex.ru

Dimitrij Pankov, prof. dr hab.
Białoruski Państwowy Uniwersytet Ekonomiczny w Mińsku
e-mail: dapankov@mail.ru

Andrej Proniewicz, doc. dr
Grodzieński Państwowy Uniwersytet im. J. Kupały w Grodnie
e-mail: pranevich@grsu.by

Siergiej Samal, prof. dr hab.
Białoruski Państwowy Uniwersytet w Mińsku
e-mail: samal_s@tut.by

Dina Skjutte, mgr
Białoruski Instytut Prawoznawstwa (BIP) Filia w Grodnie
e-mail: corrispondenza567@yandex.ru

Paweł Tadejko, dr inż.
Politechnika Białostocka
e-mail: p.tadejko@pb.edu.pl

